

ISSN 2223-5221

ОСИЯННОЕ СЛОВО

ЛИТЕРАТУРНЫЙ ЖУРНАЛ

4

2013

Расписание мероприятий 4

Форум им. Н.С. Гумилева 6

От редактора 7

Алексей Витаков. По прозвищу Белка. Роман 8

Татьяна Петрова. Кабы жиней двадцать пять. Стихи 114

Владимир Цывкин. Хроника выбитого поколения. 120

Татьяна Кудряш. Чудо-птица. Рассказы 131

Илья Виноградов. Жизнь коротка, чтобы всё
время спешить. Стихи 134

Стихи и переводы китайских студентов, гостей Форума
«Осиянное слово». Стихи 142

Господин Ветер. Стихи 146

Надежда Смирнова. Автостопом в
бессонную ночь. Повесть (отрывок) 151

Владимир Макаренков. Печаль всяя Руси. Стихи 153

Адрес редакции для корреспонденции:

111024, г. Москва, Ш. Энтузиастов, 11а-1-195

Адрес электронной почты: info@moby-publishing.com

Адрес в интернете: <http://osiyannoje-slovo.ru>

Издатель и учредитель:

ООО «МОБИ Паблишинг», 603135, г. Нижний Новгород, просп. Ленина, 41
тел. +7 (831) 218-00-85

Главный редактор: Алексей Витаков

Над выпуском работали: Татьяна Кондратова, Дмитрий Меркушов

Технический редактор: Вероника Алёшкина

Директор по рекламе: Сергей Красниковский

Компьютерная вёрстка: Михаил Корнев

Дизайн: Владимир Лупандин

Типография:

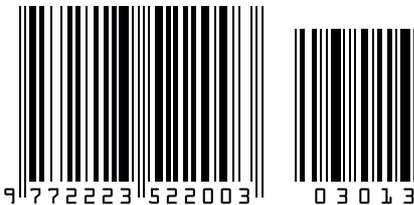
ГУП МО «Коломенская типография»

140400, г. Коломна, ул. III Интернационала, д. 2а

Тел.: +7 (496) 618-69-33

Тел/факс: +7 (496) 618-62-87

ISSN 2223-5221

Переписка с авторами ведется только по почте (обычной или электронной).
Присланные материалы не рецензируются и не возвращаются.
В исключительных случаях автор может получить рецензию
по отдельному запросу в редакцию.

13-14 марта

«Осиянное Слово» на Урале. Мастер-класс Алексея Витакова и Нины Ягодинцевой: г. Златоуст, Челябинская область.

Сайт: vitakov.ru

27 марта

Концерт-вечер памяти Николая Гумилева: г. Москва.

Сайт: osiyannoeye-slovo.ru

4-6 апреля

Семинар X Межвузовского литературного форума

«Осиянное слово»: п. Переделкино, Московская область.

Сайт: osiyannoeye-slovo.ru

24-26 мая

Литературная гостиная в рамках Всероссийского фестиваля авторской песни «Куликово поле»: с. Монастырщино, Тульская область.

Сайт: kulpole.ru

12-14 июля

Фестиваль авторской песни, поэзии и прозы малых форм «Господин Ветер»: Коломенский район, Московская область

Сайт: www.gospodin-veter.ru,
vk.com/club25721097

19-21 июля

Открытый молодёжный фестиваль поэзии и авторской песни «Серебряный родник»: г. Усмань, Липецкая область.

Сайт: vk.com/club18775134

1-4 августа

Мастер-класс Алексея Витакова в рамках межрегионального фестиваля авторской песни памяти Ю. Визбора «Планета Визбор».

Сайт: vitakov.ru

16-18 августа

Бунинский фестиваль авторской песни и литературы малых форм «Радуга струн»: Задонский район, Липецкая область.

Сайт: raduga-strun.ru

13-15 сентября

Фестиваль авторской песни и литературы малых форм «Осень в Тамани»: станица Тамань, Краснодарский край.

Сайт: vk.com/club18610228

4-6 октября

Фестиваль авторской песни, поэзии и прозы малых форм им. Н.И. Рыленкова «Рубикон»: г. Смоленск.

Сайт: vsenarubikon.ru

25-27 октября

Фестиваль авторской песни и литературы малых форм «Капитан Грэй»: г. Оленегорск, Мурманская область.

Сайт: kapitan-grey.ru

1-4 ноября

Заключительный семинар X Межвузовского литературного форума «Осиянное слово»: п. Переделкино, Московская область.

Сайт: osiyannoje-slovo.ru

Идёт приём заявок участников X Межвузовского литературного форума им. Н.С. Гумилёва «Осиянное слово».

Форум проходит с февраля по декабрь 2013 года.

В Форуме могут принять участие начинающие поэты и писатели в возрасте до 30 лет, не имеющие профессионального образования в области литературного творчества.

В программе Форума — фестивали, летняя открытая литературная школа, мастер-классы членов жюри, заключительный семинар для финалистов в Доме творчества писателей в Переделкине, а также другие мероприятия.

Заявку на Форум можно подать следующими способами:

1. по обычной и электронной почте
2. на сайте Форума <http://osiyannoye-slovo.ru>

Заявки принимаются до **12 октября 2013 года**.

Межвузовский литературный форум им. Н.С. Гумилёва «Осиянное слово» — это ежегодное мероприятие, ориентированное на раскрытие и реализацию творческого потенциала начинающих непрофессиональных писателей и поэтов. Важным отличием Форума от похожих мероприятий является то, что Форум не является в чистом виде конкурсом: хотя в рамках Форума и проводятся конкурсы по направлениям (проза, поэзия, драматургия и др.), большинство мероприятий Форума имеют неконкурсную основу, а участие в конкурсах добровольно. Традиционным для Форума стал заключительный семинар в знаменитом Доме творчества писателей в подмосковном Переделкине.

Дмитрий Крылов, председатель оргкомитета Форума:

«Не секрет, что объявления о подобных событиях в первую очередь звучат в вузах гуманитарного направления. У нас с самого начала была идея — предоставить возможность студентам негуманитарных вузов участвовать в таком мероприятии. Неожиданно откликнулись на наше приглашение не только студенты, но и аспиранты, молодые преподаватели, и даже молодые люди, которые ещё не успели поступить в вуз — школьники, студенты колледжей. Приходили заявки и от людей, уже закончивших технические вузы, и от военнослужащих. Представители гуманитарного направления подтянулись. А мы рады всем участникам».

Алексей Витаков, художественный руководитель Форума, член Союза писателей России:

«Творческая молодежь испытывает необходимость в общении. Показать написанное, обсудить, посмотреть, куда движутся собратья по перу... Мы не стремимся формализовать творчество, мы помогаем создать максимально комфортные условия для обмена творческими взглядами».

Форум основан в 2004 году по инициативе ректора Московского института радиотехники, электроники и автоматики (технического университета) — МИРЭА (ТУ) — А.С. Сигова. Существенную поддержку Форуму оказывают различные организации писателей: Союзы писателей России и Москвы, Международная федерация русскоязычных писателей и др.

В I Форуме (2004 г.) приняли участие 72 студента из 25 вузов Москвы и Московской области. В VIII Форуме (2011 г.) участвовали уже более трёх тысяч человек, представлявших 125 вузов Москвы и Московской области, Санкт-Петербурга и Ленинградской области, Саратова, Калуги, Самары, Минска, Киева, Харькова, а также других регионов России и стран СНГ. В VII Форуме также принимали участие молодые люди из Франции, Польши, Венгрии, Болгарии, Японии и КНР.

Контактная информация

Сайт Форума: <http://osiyannoye-slovo.ru>

E-mail: mlf@osiyannoye-slovo.ru

Тел.: +7(499) 506 74 13 доб. 112# (Ответственный секретарь оргкомитета Дмитрий Меркушов)

От редактора

Здравствуй, Читатель!

Жизнь на земле создана для счастья, а не для бессмысленной гибели. Человечество передает от поколения к поколению золотую ветвь своей культуры, выстраданной, возвеличенной мучениками и героями борьбы за единственно правильное и достойное человеческое существование. И чем глубже и шире пишущий человек будет проникать в самую толщу исторических событий, чем он больше будет взволнован нара-

танием человеческих стремлений к миру, радости и знанию, тем лучше он выполнит свой долг художника.

Я желаю всем приятного чтения. И храни нас Бог!

Ваш Алексей Витаков

Алексей Витаков
По прозвищу Белка

*Что за краса зажгла, что за юность пленила
Эпнию? Что увидав, «гладиаторши» прозвище терпит?
Сергиол, милый ее, уж давно себе бороду бреет,
Скоро уйдет на покой, потому что изранены руки,
А на лице у него уж немало следов безобразных:
Шлемом натертый желвак, огромный на самом носу,
Вечно слезятся глаза, причиняя острые боли.
Все ж гладиатор он был и, стало быть, схож с Гуацинтом.*
Ювенал

Страх вырос внутри меня корявым, шишковатым стволom. Его не было раньше, когда ланиста объявил, что хозяин нашего гладиатория Тит Клавдий Скавр намерен отдать меня в аренду эдитору игр Авлу Магерину: к выходу на арену меня готовили полтора года.

Не было страха и во время прощальной трапезы, когда состоялась жеребьевка пар и когда я узнал, что мне судьба уготовила поединок с пятикратным победителем гладиаторских схваток димахером Фалмой, по прозвищу Круделис. Напрасно мой тертиарий Лукан, призванный защищать мои права во время жеребьевки и следить за тем, чтобы противник вел бой по правилам, взывал к судьям,

пытаясь напомнить, что по закону новичок не должен скрещивать оружие с многоопытным бойцом. Тщетно! Невозмутимый сумма рудис сказал, что новичок не должен драться лишь с многократным победителем. А пять раз – это много ли? Оказалось, для меня просто не нашлось иной пары.

Страх не было, и когда мне представили моего соперника: я ощутил лишь легкий холодок дрожи по всему телу и подумал: быстрее бы уж случилось. Я высказал всего одну просьбу ланисте: разрешить явиться в амфитеатр ближе к своему выступлению. Но просьба моя была отклонена: во-первых, договор об аренде вступает в силу с восходом солнца; во-вторых, участие в помпе, праздничном шествии всех

участников игр вначале по улицам города, а затем по круглой песчаной арене, обязательно для всех.

Ярко-красные надписи на стенах домов – эдикта мунерис, указывавшие, по какому случаю состоятся игры, имя эдителя и фамилию гладиатора, будоражили кровь. Отовсюду слышались зычные выкрики зазывал. Громко заключались пари. Торговцы предлагали еду и напитки. Знатоки обсуждали достоинства и недостатки бойцов. И вот первыми на арену выходят ликторы, охрана эдителя, за ними следуют трубачи и четыре ярко одетых раба, несущих феркулум с культовыми статуями богов-покровителей Гадрумета.

Я был спокоен, и когда вынесли таблички – приговоры для преступников и состав пар гладиаторов. Наконец перед публикой предстал сам Магерий: «Торжественно заявляю, господа мои, что представители школы Телегении получают вознаграждение за вашу благосклонность!»

А помощники Магерия уже показывали жителям и гостям Гадрумета наше вооружение: шлемы, щиты, мечи и копья. Последними шли мы – в пурпурных, расшитых золотом туниках, прикрывающих мощные мускулы и многочисленные шрамы.

Меня, моего третиария и моего друга, старого доброго массажиста Главкона, расположили в одной из каморок, целая анфилада

которых скрывалась прямо под зрительскими рядами. Из небольшого окна, шириной чуть больше ладони, было видно всё, что происходило на сцене. А прямо под нами располагались помещения для животных: даже сквозь толстую каменную плиту доносилось глухое рычание тех, кто в любую минуту был обречён взбежать по пандусу и броситься в бой.

Сначала публике просто показали жирафов, страусов, гиппопотамов. Дикие быки, стоя на задних ногах, толкали повозки; обезьяны разъезжали на лошадях. Потом наступило время схваток между крупными и опасными зверями. Несчастных подгоняли горящими головнями, бичами и пиками. Некоторых сначала сковывали цепью и доводили до того, что животные начинали неистово рвать друг друга. Публика же ликовала, но при этом берегла силы для настоящего восторга.

Около двух часов звери бились друг с другом, пытаясь выжить. Лев с тигром, медведь с быком, вепрь с крокодилем. Толпа явно болела за одну удачливую медведицу по кличке Невинность, вышедшую раз за разом победительницей в паре. Некоторые острословы громко предлагали вручить ей рудий – деревянный меч, символ освобождения.

Во мне не было страха, и когда ближе к полудню началось венацио – сражение людей

с животными. Венаторы – бойцы, прикрытые только доспехами из кожи, вооруженные двухметровыми копьями, вступали в бой с огромными тропическими кошками: тиграми, львами, пантерами, леопардами. Если угрожала опасность, венатор мог спрятаться за деревянной дверью, вращающейся вокруг своей оси, или запрыгнуть в бочку. И вот тогда ледяной ужас от происходящего начал медленно вползать в моё сознание, но оторваться от зрелища я не мог. Оно завораживало и ошеломляло.

Вот чей-то хриплый голос из сектора, где сидела чернь, крикнул: «Что за зайцы трусливые, а не бойцы! Скучно! А ну, Норбан, наддай!» И человек по имени Норбан, отбросив копьё, схватил шест. Весь амфитеатр затаил дыхание, примолкли даже самые шумные. Чернокожий легконогий венатор, выставив перед собой шест, побежал на оскаленного льва, пасть и грива которого были в крови вперемешку с песком. Зверь припал к земле и приготовился к броску. Расстояние между ними стремительно сокращалось, и, когда до клыков хищника осталось шесть-семь шагов, Норбан воткнул с разбегу шест в песок. Тот изогнулся и, словно катапульта, толкнул пружинистое тело бойца. В мгновение ока Норбан перелетел над оскаленной смертью. Толпа одновременно

выдохнула и через миг разразилась бешеным восторгом.

После венацио наступило время казней преступников. Доведённые до циничной изощренности, мозги горожан давно привыкли к такому обращению с людьми. Да, большинство преступников были отпетыми негодяями, их злодейства ужасали, но все же и они были слеплены из той же плоти и крови, что и все мы: и рабы, и хозяева!

Вот убийцу и грабителя Ксанфа приколотили к кресту и пустили к нему разъяренного медведя. И, чтобы человек на кресте помучился от ран, услаждая зрителей на трибунах, гремевшее длинной цепью животное бестиарии то и дело оттаскивали от его жертвы. Самого же Ксанфа поливали ледяной водой. Это был инсценированный спектакль наказания Прометея, укравшего священный огонь с Олимпа.

Толпа на трибунах гудела и завывала, как штормовое море. Насильник Авл, подобно богу Аттису, скопил себя на глазах толпы тупым ножом. Других заставляли разыгрывать муки привязанного к огненному колесу Иксиона или заживо сгоревшего на костре Геркулеса.

Апофеозом жуткого зрелища стала инсценировка массовой казни поджигателей Вечного Города, которую когда-то устроил император Нерон. Три десятка несчастных распяли на крестах.

Палачи соревновались между собой в мастерстве ремесла: одни увечили руки в локтевом сгибе, перебивая нерв так, чтобы большой палец кисти подтягивался к запястью; другие одним гвоздем пробивали сразу обе голени. Затем кресты ставили по всему периметру амфитеатра. Я слышал, как некоторые жертвы просили палачей и публику, чтобы им позволили умереть вниз головой. Это считалось большой милостью, так как облегчало муки и позволяло душе быстрее расстаться с телом. Но толпа жаждала видеть страдания!

Наконец всех распятых облили маслом и подожгли. Но долго стоять на искалеченных ногах и держаться на пригвожденных руках жертвы не могли – они медленно повисали, но от сдавленных легких вынуждены были опять вставать на крестах, чтобы сделать глоток воздуха. Тела их скользили то вниз, то вверх. Горящие живые факела поднимались и вновь повисали.

А по центру арены уже развели огонь под огромным котлом с водой. Когда вода закипела, вывели десять женщин, связанных между собой толстой веревкой. Цепные львы подгоняли эту дикую процессию. Наконец крики осужденных стихли, и глашатай объявил дилидиум – перерыв, чтобы подготовить арену к выступлению гладиаторов. Но и тогда не было еще во мне этого ледяного страха.

И вот вновь взревели трубы, обращенные к темнеющему равнодушному небу. Публика заняла свои места на трибуне. Вновь громко выкрикнули имя эдителя игр. Магерий, широко улыбаясь, встал со своего места и раскланялся каждому сектору амфитеатра. Его благодарили громкими аплодисментами и короткими восторженными речами. На арену вышли главный судья – сумма рудис и два его ассистента – секунда рудис.

Когда пригласили первую пару гладиаторов: ретиария и секутора, я отвернулся от окна. После увиденного я ощущал в теле страшную сосущую пустоту. Хотелось прямо здесь и сейчас упасть грудью на меч, лишь бы лишить радости развращенную, надышавшуюся парами смерти толпу. Главкон, словно почувствовав мое состояние, велел мне лечь животом на каменную скамью. Цепкие и проворные пальцы побежали по буграм мышц спины. Он мял мою плоть так, словно пытался превратить ее в горячий воск. Но, как ни старался добрый Главкон, дух начал покидать меня: тошнота подкатила к горлу, и тяжелые слезы стали больше самих глаз. И вот тогда я понял, что страх начал расти внутри меня.

Я слышал сквозь маленькое окно, как там, на арене, одна пара гладиаторов сменяет другую. В среднем один бой длился десять-

пятнадцать минут. Наконец сказали, чтобы я начинал готовиться к выходу. Главкон помог мне затянуть сублигакул – набедренную повязку, поверх которой прикрепил балтей – кожаный пояс, снабженный на животе бронзовой пластиной. Проверил, хорошо ли держатся фасции – специальные обмотки для руки и ноги. И только потом покрыл правую руку маникой – кожаным наручем, а левую ногу – бронзовой поножью. Я взял в руки skutum – большой деревянный щит, обитый войлочным покрытием, проверил еще раз петли. Губы мои коснулись желтых прожилок высушенного дубового листка, приклеенного на его внутренней стороне – память о далекой родине!

Все! Пора! На выходе из гипогеума – той самой каморки, где я ожидал своего часа, – мне протянули спату – меч, длиннее обычного гладиуса на два средних пальца. И я услышал:

— На арену приглашается димахер Фалма, родом из Сирии, по прозвищу Жестокий!

Трибуны взревели от восторга.

— Против него выступит мирмиллон-спатарий Ивор, родом с Верхнего Борисфена, по прозвищу Белка.

Взрыв хохота.

— Да он будет бегать, как белка, а не сражаться! – это выкрикнули из толпы. И я слышал их – эти уничтожительные слова, вернее, обрывки их.

Но сердце мое на них не реагировало, ибо уже опустело. Внутри меня росло корявое дерево страха, постепенно заполняя сосуд плоти от кончиков пальцев ног до самого темени. Димахер Фалма мог внушить ужас не только такому новичку, как я. Гигант, закованный в кольчугу, возвышался над присутствующими на целую голову. Сверкающие бронзой маники продолжали два кривых меча, загнутые в разные стороны: левый клинок скорее напоминал пилу, его зубцы предназначались для нанесения тяжелых рваных ран. Димахеры сражались без щита, поэтому все зависело от скорости рук: гладиаторы напоминали колесо боевой колесницы с вращающимися ножами.

Фалма смотрел на меня темными смолистыми глазами. Казалось, что сумерки рождаются из его глаз. Сумма рудис напомнил нам о правилах ведения боя. Судьи удалились на свои места, и мой соперник дернул ремешок на шлеме – створки забрала захлопнулись. Больше я не видел его лица. Мой взгляд упал на высушенный дубовый листок. И неожиданно зазвучала музыка. Вначале очень неуверенно, даже робко, дотянулась до ушей серебряным, рассыпчатым звоном, но потом, словно проломив наконец преграду, разлилась и окутала меня легким облаком. Я знал, откуда она. Это там, очень далеко в

чистом небе над берегами Данапра, пело веретено пряжи судьбы – Великой Матери.

ГЛАВА 1

А шел мне тринадцатый год, когда в нашей деревне появился человек от волхвов по имени Алвад. Я попрощался с родителями и двумя младшими братьями. Крепился при этом изо всей силы, чтобы никак не выдать подступивший к горлу ком горечи и не дать слезам выкатиться из глаз. На мать старался не смотреть, иначе разревелся бы дойной коровой.

Алвад позволил мне какое-то время постоять на крыльце и в последний раз обвести долгим взглядом наше селение, раскинувшееся по правую сторону Данапра. Сами жилые постройки прижимались к подножию холма и подходили к реке не ближе чем на двести шагов. Это длинные избы на пять-шесть семей с одним входом со стороны холма, потому что ветер дул, как правило, от реки. Стены из бревен, рубленных в лапу. Крыша из жердей, покрытых толстым слоем соломы. На весь дом – пять или шесть окон-отдушин, для того чтобы вытягивать дым, поднимавшийся от единственного открытого очага. Собственно, очаг – это просто костер в доме, с нехитрыми приспособлениями для котлов. Дежурство у очага

передавалось от семьи к семье и считалось праздником, потому что в этот день не надо было мерзнуть в лесу, выслеживая дичь или мокнуть в воде с рыбной сетью. Таких домов в нашем селище одиннадцать. А в каждой семье от пяти до десяти человек.

Холм опоясывают три линии частокола. Но на самом холме никто не живет. Несколько раз в месяц на вершину его поднимается волхв Криве и оттуда говорит с небом. Криве умеет управлять погодой. Еще на холме находится свайный домик – это усыпальница. Там хранятся глиняные урны с прахом покойных. Усыпальницу охраняет сам Родящий, вытесанный из ствола огромного старого дуба.

Если забраться на высокое дерево и посмотреть на наше селение издалека, оно будет напоминать след от ноги человека. Старики говорят, что Великая мать шла ночью по саду, собирая молодильные яблоки, и нечаянно наступила на голову своего отдохавшего в кустах мужа. Тому это так понравилось, что след от ступни навсегда отпечатался в его сознании. И чтобы этот след никогда не исчезал, Родящий вообразил, что в нем живут люди. Самые лучшие люди, которых он когда-либо придумывал.

Алвад, повязав глаза мои лоскутом ткани, мягко подтолкнул вперед. Один раз я уже видел, как он уводил мальчика, которому исполнилось двенадцать лет, на

долгих три года в лес. Его звали Инг. Он был старше меня на два с половиной года и все время вмешивался в наши игры, потому что имел брата моего возраста. Иногда подтрунивания этого Инга надо мной переходили в откровенные издевательства. Ни о какой справедливости не могло быть и речи, когда между мной и его братом возникал спор, который Инг на правах старшего брался разрешить. Внутри меня росло возмущение, перешедшее примерно к десяти годам в настоящую детскую ненависть. Но это только еще больше распяляло моего врага. Чувствуя безнаказанность и превосходство, он порой до багровых отметин стегал меня ивовым прутом по голым ногам – дети до десяти лет не носили штанов – выше колена, зная, что с такими следами гордость не позволит мне идти жаловаться взрослым. Я глотал тяжелые жгучие слезы, укрывшись в дальнем углу двора, трясясь от бессильной обиды, и с каждым разом все больше ощущал себя одиноким. Мне было не понятно: почему именно это злобное существо выбрали волхвы? С одной стороны, я испытал глубокое облегчение после его ухода. С другой, чувство мести порой так сильно затопляло разум, что несколько ночей кряду мне снилось, как мы отчаянно с ним деремся. Одним словом, радуга моего детства была изрядно

забрызгана черными каплями. Это сейчас, спустя много лет, пройдя суровые испытания, я могу сказать, что впечатлительность моя была болезненной, но тогда мне казалось, что весь окружающий мир не то чтобы полностью равнодушен к моим невзгодам, но преступно невнимателен, это точно. Постепенно и я стал утрачивать интерес к нему, к той работе, которую делал отец. Не раз он сердито говорил: «Ивор, если тебе скучно, пойдй займись чем-нибудь другим!» И я шел бесцельно слоняться по двору. Нет, нет, я выполнял любые просьбы и, в общем-то, считался послушным сыном своих родителей, но желания, тем паче, горения не проявлял ни к чему.

Мне нравилось подолгу сидеть одному на берегу Данапра и смотреть вдаль. Жизнь родной деревни начинала угнетать и даже раздражать. Однажды я поймал себя на мысли, что не люблю ее и с удовольствием бы ушел вслед за Ингом. Единственными людьми, к кому я ощущал привязанность, были родители. Да и то была всего лишь детская привязанность!

— Спустя три года Инг снова появился в деревне, но пробыл недолго, может, с месяц. Поразили перемены, произошедшие в нем. Это был уже не мальчишка с хитровато-дерзким прищуром голубых глаз, а стройный юноша, с забранными под тесьму длинными

белокурыми волосами, спокойным, уверенным взглядом и плавными движениями тела. Я видел, как им любуются, идут к нему за советом, почтительно обращаются. Но все это еще больше вызывало во мне не просто, неприятие, а какую-то тупую злость вперемежку с досадой. «Ты завидуешь!» – сказал однажды отец и этими словами не просто разбередил раны былых обид. Еще хуже: после этой фразы между мной и отцом трещина непонимания расширилась до настоящего оврага. Вскоре Инг исчез, и с той поры его никто уже не видел. Я запомнил тот день, когда мы провожали его до края селения босоногой, лохматой стайкой. Все дети, даже те, кому он причинил когда-то боль, просили скорее вернуться. Все, кроме одного. Думаю, долго гадать не нужно, кто был этот один!

А потом Алвад пришел за мной. А ведь редко за кем посылали волхвы! За десять лет один или два раза. В основном мальчиков, если не было серьезных физических отклонений, время от времени призывали на короткое время в общие лагеря, где наставники давали им весьма поверхностные и пространные знания в области боя на топорах, а также учили чтению и письму. Лагеря эти прятались глубоко в лесу, чтобы враг не прознал, как готовят воинов велимати. Мальчики и юноши со всех больших и малых селищ нашего племени обучались

боевым навыкам под руководством многоопытных мастеров своего дела. Некоторые и там проявляли себя и впоследствии многого могли добиться в жизни. Например, уехать и поступить на воинскую службу к какому-нибудь иноземному владыке или обрести ораторские способности, чтобы выступать на вечевых сходах.

Но мне судьба уготовила нечто иное.

Жил я у волхвов в грубом бревенчатом истобнике, стоящем на длинных сваях, которые уходили в озерную глубину. Обогревалось жилище печью, выложенной из озерных камней. Свет проникал через единственное окно, служившее одновременно отдушиной. День мой обычно начинался с купания. Затем был сбор дров. Впрочем, стоит ли в рассказе уделять внимание быту? Еще будет достаточно мест, где обойти эту тему едва ли будет возможно.

— Жизнь человека всегда будет зеркальным отражением битвы между богами истинными и богами измышленными ради удовлетворения порочной природы человека, – этой фразой Видвут начинал каждый новый день моего обучения. Вот то, что смогла сохранить моя память:

— Небо, – говорил он, – видимое очами смертного, представляется огромным блестящим куполом, обнимающим собою и воды, и

сушу круглую прозрачную чашею, опрокинутою над землею. На самом же деле создано оно из черепа отца богов и является его разумом. Родящий – так мы называем его. Если идет дождь – это бог плачет внутри себя. Гремит гроза: гневается. Когда мы видим чистую синь, значит, Родящий ясноспокоен умом и сердцем. А уж тучи заходили – по всему видать: думы тяжелые. Облака высокие – мысли легкие. Облака низкие стоговые не радость, но и не лихо. Когда Родящий засыпает, то купол небесный гаснет, и мы находим в небе звезды. Видны они потому, что череп у бога прозрачный. Там среди звезд живут остальные боги. Великая Мать прядет судьбу из кудели. У каждого человека своя звезда; к ней прицеплена нить судьбы. Нить рвется: звезда гаснет, а человек умирает. На земле ровно столько людей, сколько горит звезд. Смерти нет. Рано или поздно дух расстается с плотью. Время расставания и есть рождение. Мы наконец выходим из черепа Родящего, где были всего лишь мельчайшими крупичками его мыслей, и начинаем жить в чертогах вечного света. Из этого царства простирает свои широкие ветви вечно неувядаемое дерево, под которым пребывают души блаженных и вместе с богами вкушают бессмертный напиток. Ветви его идут вниз, а корни вверх; на нем покоятся все миры. Поэтому

здесь, в этом мире, мы обязаны почитать деревья, особенно ясень и дуб.

Каждый день я брал в руки стило и выводил на бересте наставления Видвута: «Живешь только тогда, когда чему-то научаешься и чему-то учишь. Все остальное – зияющие пустоты; бег юркого клопа. Лишь ведающий вполне о том, что есть, ведает о том, что случится. Не суди по кроне и листьям, суди по корени и земле подле нее. Кто жалеет дитя, обучая жизни, возрыдает от его безжалости. Предки уже прошли достойно свой путь, а мы, полные неоправданного высокомерия, только ищем достоинства».

Мне было хорошо с Видвutom. Жизнь не только обретала смысл, но и становилась понятной, словно разложенной по материнским полкам. А понимание давало, помимо радости, внутреннюю силу, которая, в первую очередь, выражалась в спокойном отношении ко всему вокруг. Словно предчувствуя, какие испытания ждут меня впереди, старый волхв, не щадя своих и моих сил, проводил занятия, порой много часов к ряду не делая перерыва.

У каждого наставника я проводил по два дня. Итого, полный круг получался из восьми дней. Девятый – день отдыха.

От Видвута я направлялся обычно к Локе. Мне запомнился самый первый день пребывания

в школе волхвы-охотницы. Она стояла возле огромного пня, опершись на большой, чуть ли не в ее рост, лук. Долго изучала меня пытливым взглядом – от носков до макушки. Потом сказала:

— Стрелять из малого лука научишься быстро, а вот с таким, – она покачала рукой грозное оружие, – будет нелегко!

— Почему, Лока?

— Терпение должно вырасти.

Я и рта не успел открыть для следующей фразы, а руки волхвы уже натягивали тетиву. Стрела появилась, точно по волшебству. Кисти рук с тонкими и цепкими пальцами напоминали молодые корни: от глубоко въевшегося солнца они были темно-коричневыми.

Р-аз! Первая стрела пошла по крутой дуге, сверкая в лучах высокого солнца наконечником. Щ-чюф! Вторая полетела наперерез первой. Спустя пару мгновений зеленовато-синий воздух брызнул трещинками. Одна молния расщепила другую. Такого зрелища глаза двенадцатилетнего человека еще никогда не видели. Лока вновь внимательно оглядела всю мою худосочную фигуру. Оценила реакцию в незавершенных чертах лица. Глубоко заглянула в глаза, словно чем-то острым резанула по сердцу.

— Вот, примерь. Вчера я целый день думала о тебе, а руки шили. Пусть это будет мой первый тебе

подарок, – она указала на пень: браслет из грубой прессованной кожи на левую руку, для защиты от ударов тетивы, и два мягких лайковых наперстника выглядели настоящим богатством!

— А у нас не так стрелу зажимают, – слова мои, как всегда, опережали мысли.

— Как же? – Лока протянула оружие.

Я сжал оперенье между большим и указательным пальцем и попытался согнуть тугие крылья. Лук заскрипел. Кжих! Древко стрелы развалилось на две части!

— У настоящего лука жила тонка и прочна. Поэтому захват другой. Попробуй, как я.

Но после первой попытки сердце мое оборвалось: стрела, не пролетев и шага, упала к ногам.

Еслис Видвудом мне было хорошо от внутреннего просветления, то Лока была очень родной и одновременно недостижимой. Особенно я любил ее испещренные синими венами маленькие руки. Сколько лет она прожила на земле до нашей встречи, определить, хотя бы приблизительно, я не мог. Да меня это меньше всего волновало. Однажды, уже по прошествии двух лет обучения, я не выдержал и, упав на колено, прижался губами к походящим на тонкие побеги перстам.

— В тебе просыпается мужчина, Ивор. Значит, сердце распаивает врата для любви. Но ты любишь еще пока свои чувства, а не другого

человека.— Ее ладонь коснулась моего темени, и я почувствовал нарастающую дрожь во всем теле.

Обычно голова волхвы была всегда покрыта убором из беличьего или оленьего меха. Но в тот день она обнажила волосы. Бело-голубой иней рассыпался по плечам, ослепил, заставил зажмуриться. К тому тихому и радостному чувству, которое затопляло изнутри грудь, когда думал о Локе или вспоминал ее, примешалось после того случая еще одно: чувство ответственности. Я истово упражнялся в искусстве стрельбы из лука, в первую очередь для того, чтобы не подвести свою наставницу.

За один день обучения порой приходилось делать до тысячи выстрелов, а иногда и значительно больше. Когда пустел один колчан, Лока заставляла бить в другую сторону, а сама шла собирать стрелы. Через год я уже попадал в яблоко мишени с двухсот шагов. Через два бил, не целясь, на звук. Стрелял с завязанными глазами, а также в падении через плечо: вперед, назад и в стороны. Поражал цели сверху вниз, сидя на ветвях деревьев. И снизу вверх, лежа на спине. Еще на скорость. К концу срока мой лук выпускал по дуге до четырех стрел и разбивал на тончайшие лучики все четыре мишени еще в полете. Кое-что я придумывал сам. Например, бил по падающей стреле, целясь в наконечник. После контакта

оба снаряда меняли направление и направлялись в цель, заранее мной выбранную.

— Это уже баловство! — качала головой Лока. Но я видел, что она гордится мной.

Внутренние части среднего и указательного пальца покрылись каменными мозолями, поэтому нужда в наперстниках отпала. Да и Лока не успевала бы шить новые. А вот с браслетами на левую руку дело обстояло куда хуже. За пять-шесть дней кожаная защита превращалась в жалкие лохмотья. Таковы удары тетивы Локиного лука — первое время от страшных кровоподтеков на предплечье и запястье не спасал даже крепкий браслет.

Лока всегда ходила в длинном платье, доходившем ей едва ли не до пят. Лишь единожды я видел ее в мужском охотничьем костюме: в короткой куртке и кожаных штанах. Она шла из леса, неся на распущенных волосах, прихваченных узкой тесьмой, седину утреннего тумана. В тот день я проснулся слишком рано, гораздо раньше обычного времени, и только поэтому смог застать ее возвращение. Признаться честно, душа моя тогда уже окончательно потеряла покой.

Кроме владения луком и стрелами, у Локи были и другие достоинства, более важные для волхва. Одно из них — это глубокий, испытующий, все распознающий

взгляд. Иногда Алвад приносил к ней новорожденного или приводил малыша мужского пола со странностями в поведении. По движению глаз, жестикуляции, манерам Лока определяла причины расстройств и давала советы. В одном случае она покачала головой и сказала: «Этого нужно отправлять к ним». Она имела в виду страшных полулюдей-полуживотных, одетых в шкуры медведей или волков. Я видел их однажды в нашей деревне. Молчаливые, обросшие, больше напоминающие лесных дивов из наших сказок, – а может так и есть, – однажды они пришли и постучались в самый дальний, стоящий на отшибе, дом. Означало это только одно: мы хотим здесь остановиться. Хозяева, как правило, перед тем, как покинуть свое жилище и уйти жить по соседям, распахивали двери погребов и кладовок, давая понять, что отдают все съестные припасы, не помышляя даже прихватить с собой мелочь для детей. Горе тому, кто смел воспротивиться им, не знающим жалости, не ведающим ничего о добре и зле. Большая часть вообще не знала человеческой речи. Впрочем, в краях Верхнего Данапра беры задерживались крайне редко, так как наше племя не представляло для них интереса. В домах, где проживало по пять-шесть семей, пожить было особо нечем. Наконечники стрел и гарпунов преимущественно

изготавливались из кости; железо использовали исключительно в военных целях. Несмотря на то что мы, народ велиматы, еще не имели своей профессиональной дружины в то время, все же могли исполниться и явить собой серьезную угрозу. Свирепых воинов интересовали страны, расположенные в срединной и нижней части Данапра. Страны, где правили фюры – могущественные и воинственные короли готов и гуннов. Рассказывали, что в бой они вступали скованные одной цепью, так как не могли вынести даже мысли о разлуке, при этом издавали звериные рыки, грызли щиты зубами и не чувствовали боли. В теплое время жили они в лесу, а в период особых холодов останавливались, как я уже сказал, не спрашивая дозволения, в любых встретившихся на пути селениях. Бродили эти ватаги по белу свету в поисках кровавой работы, то есть войны, и занимались к тому, кто больше заплатит. Хотя мне по сей день непонятно: зачем им золото? Что может знать о его применении тот, кого отвергло человеческое общество! Заезжие люди из закатных стран называли их берсеркерами. Лока поведала мне, что много времени назад, когда еще наши деды не родились, ватаги берсеркеров объединились в одно большое войско и выступили против непобедимых воинов Рима. Уступать поле брани никто не

хотел. Бились три дня и три ночи. Когда битва завершилась, на поле остались стоять, еле держась на ногах, полтора десятка медвежьих людей – римляне же полегли все до одного.

Только волхва Лока, женщина с серебряными волосами и без единой морщины на лице, могла увидеть в новоиспеченном человеке жажду крови будущего зверя.

Всю эту историю о способностях моей наставницы и о берсеркерах я вспомнил лишь потому, что она напрямую связана сомной. Лока как-то сказала мне: «Ивор, я в первую голову учу тебя охотиться, но ты, натягивая лук, перед мысленным взором видишь не зверя, а человека. У тебя есть враги? Вижу: ты полон обиды. Но еще вижу, что ты жаждешь превосходства. Но превосходство равно, как и власть, разлучает людей. За все то время, пока ты находишься здесь, я почти не слышала, чтобы ты нуждался в родственниках или вспоминал их. Изредка присутствует мать в твоих мыслях, да и то тогда лишь, когда ты весь наполнен жалостью к себе. Есть люди одинокие от рождения. Племя тяготит их. Таковыми их задумал Родящий. Каждый волен выбирать по своему сердцу. Оно не обманет. Если жить от ума, то значит идти против воли Родящего. Но ты будущий волхв, а волхв, живя в отдалении, ни на миг не забывает о служении, ни на мгновение не выпускает из своего

сердца каждого человека, хоть раз встретившегося в его жизни. Ты не можешь позволить себе одиночество. Борись. Или...»

Помню, что мне стало страшно от ее слов. Страшно, ибо она сказала правду. Причем далеко не всю – открылось ей куда больше. И я почувствовал это. Хорошо почувствовал, что Лока знает обо мне то, о чем я сам не догадывался. — Когда берешь в руки меч, то внутри твоего черепа должны вырасти пчелиные соты! – так любил говаривать повелитель меча, железный волхв Чарг. Эта полоска стали шириной в половину ладони, а длиной не более двух локтей с рукоятью из резного дуба приворожила меня сразу и надолго. Я видел боевые топоры, луки, стрелы, рогатины, щиты – все, чем были вооружены мужчины нашего селения и мой отец в том числе. Но никогда доселе не видел я настоящий меч. Откуда он взялся у волхва? Оставалось лишь гадать. — Соты, пчелиные соты, в которых гудят от нетерпения тысячи бойцов. Быстрота клинка должна равняться количеству одновременно выпущенных жал! Вращение! Удар из круга! Выпад вперед! Мах назад! Ноги! Ноги легки и быстры, точно беличьи лапы! Удар назад из-под плеча! Твое преимущество – скорость! Ты слышишь меня! Скорость! – сколько же раз я слышал эти команды! Чарг, беспощадный наставник и терпеливый друг!

Спасибо тебе!

— Не обессудь, Ивор, но я буду называть тебя Белкой.

— Белка? Мне не нравится: Белка, Чарг! Куда лучше Рысь или Волк! Уважения больше будет! А сколько грозы и силы!

— Все вы хотите называться Волками, Медведями, Быками. Чем тебе не нравится белка? Присмотришь повнимательнее: шустрая, стремительная, быстро скачет по земле, легко взлетает по стволу, прыгает с ветки на ветку. При этом едва уловима глазом среди ветвей. И еще, гораздо реже других животных умирает не своей смертью. Ты будешь Белкой, Ивор! Я сказал: Белкой! И начинай привыкать к своему второму имени. Когда сживешься с этим словом, почувствуешь его частью себя, тогда присоединишь к своему миру еще один – беличий. И ты должен стать князем всех белок. А уж после этого научишься побеждать!

На занятиях Чарг кидал в меня горсти мелких камней, заставлял отбивать их мечом, кричал при этом: «Твой мозг выпускает навстречу тысячи жалящих бойцов, а тело становится вертким и быстрым, как у белки!» Я учился быстро карабкаться по деревьям, перепрыгивать с сука на сук. Иным словом, мчаться по земле и лететь по воздуху. Также волхв заставлял подолгу задерживать дыхание, лежа на земле, и находиться без движения; дышать через трубку

под водой; наносить удары мечом с завязанными глазами, ориентируясь только на его голос или на другой звук. Я назвал его повелителем меча. В действительности же, помимо меча, Чарг владел в совершенстве всеми видами рукопашного оружия: копьем, булавой, посохом. Мало того, любая палка, камень, небольшой предмет из домашнего обихода становились в его жилистых руках настоящим божьим бичом. Был случай, когда мой наставник справился с тремя лихими разбойниками, имея в качестве оружия всего лишь веник. Да, да, самый обычный веник, которым подметают пол. Беднягам дорого пришлось заплатить: Чарг на всю жизнь их сделал калеками.

После Чарга за дело брался Колгаст. Это был человек очень преклонного возраста. Никто не знал, сколько ему лет. Он лечил травами еще моего деда и, как утверждали многие, внешний облик его с той поры никак не изменился. Маленький сухой старичок, он не ходил по земле, а словно парил над ней, едва касаясь подошвами верхушек трав. Редкие, очень тонкие седые волосы, похоже, несколько десятилетий не знали гребня: они стояли на гладком светящемся черепе стоймя, направляясь в разные стороны. Таких людей обычно звали у нас небесными одуванчиками. Тем не менее, я сам не раз видел, как он одним прикосновением мог

усыпить навеки или воскресить к жизни. Не только люди, но и больные животные обращались к Колгасту за помощью. В отличие от других волхвов, старик очень часто и надолго пропадал. Стуча посохом по дорогам, он обходил селения, помогая людям и домашним животным справляться с недугами. Несмотря на хилое телосложение, Колгаст преодолевал порой огромные расстояния в поисках целебных трав, причем выносливость его не знала пределов, а расторопности мог позавидовать молодой скороход. Не раз, когда я шел за ним вслед, еле поспевая, видя перед собой невысокую ссохшуюся фигуру, в голову приходила одна и та же мысль: не приведи, Небо, стать врагом этому человеку!

«Слушай, Ивор, да запоминай! От простуды – овечьего молока ложку да желчи медвежьей с гороховое зерно. Смешать, истереть и дать больному выпить. От зубной боли – змею живую добыть, вынуть из нее желчь и тою желчью мазать десну. Если человек шелудив, то ящерку сожги и растирай потом тело. Обмороженные части лечи гусиным жиром да мозгом жеребца. От водяной спасай водою из сваренного сверчка. Трава Галган тепла, суха, имеет в себе много силы. Кто его корень в еду добавляет, тот от женок испорчен не будет, хе-хе. Тебе это тоже пригодится, хе-хе. Чтобы в холода

лютые зимою не обморозиться: накопай крапивного корня, высуши, вытолчи и натирай лицо, руки и ноги. А уж от плешивости, хе-хе, хорош кал лошадиный, смешанный с калом козьим и деревянным маслом. От ряби на лице мажь волчьим салом. Коль оглохнет человек, возьми воронью желчь и пусти в уши. Масло деревянное прикладывай к болячкам. От ушиба лечи еловым пеплом и желтком яичным, так же листом капустным. Так-то! На зверя свое умение нужно. Мук испытывать предсмертных не давай. Если решился убивать, бей наверняка, а потом проси прощения обязательно, иначе дух его будет тебя преследовать всю жизнь. Так-то!»

Колгаст не только занимался врачеванием, но еще от него зависело время начала и конца охотничьего сезона, рыбной ловли сетями, сбора ягод. Среди мира животных он тоже пользовался большим почетом. Как звери и птицы сообщали друг другу о существовании Колгаста, для меня по сей день остается самой невероятной тайной. Они приходили с глубокими ранами и страшными ушибами, переломами и внутренними недугами, шли, волоча перебитые крылья, прыгали с ветки на ветку, неся на себе плачущих детенышей. Даже страждущие деревья ждали его прихода, веря в избавление от боли.

Однажды по ранней весне

приковылял годовалый медведь. Тощий, ободранный, величиной с хорошую собаку, не более. Видно совсем недавно либо отошел от матери, либо потерялся. Из правого разорванного уха и раны на голове сочился гной, передняя лапа была неестественно вывернута. Колгаст оглядел животное и сказал, что ухо пробито стрелой охотника, а лапу он наверняка сломал в яме. По установленным волхвом законам: бить малого зверя и разорять птичьих гнезда нельзя. Значит, кто-то нарушил. Таких охотников разыщет Лока.

Колгаст обработал ухо и сделал перевязку наискось через голову. Когда руки волхва вправляли кость, медведь ревел от боли, но не рвался, словно понимая, что может нанести раны своим избавителям. Завороженный смотрел я, с какой ловкостью и быстротой мой наставник, приложив к поврежденному месту несколько коротких сухих костей, видимо собачьих, накрепко затянул лапу в длинный лоскут ткани. Замотанный сверху и снизу этот будущий гроза лесов вызывал теперь жалость и умиление.

Медведь прожил у нас около месяца. От ран на голове не осталось и следа; правда, ухо так и не срослось: узкая полоска света на всю жизнь разделила его на две части. «Ничего, так походишь, глядишь, лучше слышать будешь!» – шутил волхв.

Я дал косолапому кличку Треух. Окончательно поправившись, медведь то пропадал на целые недели, то неожиданно появлялся, как ни в чем не бывало, и начинал принимать самое активное участие в моей подготовке.

К концу августа Треух уже превратился в настоящего лесного хищника, который одним ударом лапы мог запросто опрокинуть меня, а при желании и самого Чарга, на обе лопатки. От былого жалкого вида не осталось и следа. Наблюдая за ним, Колгаст как-то сказал, что скоро Треух покинет нас. Покинет навсегда. Зверь не должен жить среди людей.

Так оно и случилось. В один из последних летних дней тяжелые еловые лапы сомкнулись за спиной моего косолапого друга. Наши веселые совместные забавы окончились. У меня где-то между ребер шевельнулся колючий зверек грусти. Усилием воли я вновь вынужден был подавить подступившую слезу. Но еще несколько недель мой взгляд тщетно искал в сумерках леса знакомую фигуру.

В лесу уже хозяйничала осень. Лиственные деревья давно сбросили свои наряды и теперь напоминали больших и беззащитных детей. Земля по утрам в сырых местах уже начинала прихватываться ледком. В лесном воздухе появился какой-то особый звон. После изнурительных занятий я любил забраться в своем

истобнике под шкуры и смотреть сквозь распахнутую дверь на низкие мерцающие звезды. Мне было хорошо. Слова Локи, однажды сказанные по поводу одиночества, прочно застряли в мозгу, но даже они не разрушали блаженство моего сердца.

Я честно боролся. Честно из всех сил старался думать о том, как буду служить своему племени. Но эта внутренняя борьба продолжалась, как правило, недолго. Теперь я уже могу точно сказать, что одерживало победу в этой борьбе. Признаваться даже сейчас, спустя так много лет, нелегко. Но это было ни что иное, как самолюбование. Мне очень хотелось, чтобы мной восхищались, когда я врачую, выступаю на вече, принимаю ответственное решение. Я рисовал в своем воображении картинки моего будущего только с чувством собственной значимости. Но все же. Все же...

Часто, лежа под шкурами и глядя на звезды, я искренне хотел, чтобы вдруг неожиданно, вопреки всем законам, заскрипели мостки, ведущие в истобник, и дверном проеме показалась знакомая фигура. Это желание исходило из самой глубины моего существа.

И вот как-то холодной, ясной ночью мостки жалобно заскрипели, и не успел я схватиться за топор, как огромное черное пятно закрыло от меня ночное небо. Еще миг – и влажный кожаный нос ткнулся в мое лицо. «Треух!»- я

негромко вскрикнул от радости. Он все-таки пришел. Пришел проститься навсегда. Нагулявшему жир медведю предстояла сначала долгая зимняя спячка, а потом поиск своей территории, где бы он мог стать хозяином. Не вставая с ложа, я обхватил мощную шею и заплакал. В ответ медведь глубоко и очень по-человечьи вздохнул, прижимаясь порванным ухом к моей щеке.

ГЛАВА 2

Нет ничего гибельнее для добрых нравов, чем зрелища, ведь через наслаждения еще легче к нам прокрадываются пороки.

Сенека

— Уважаемые жители Гадрумета, я, эдил Авл Алипий Магерий, обращаюсь к вам через глашатая! Сегодня третий день празднования тысячного Дня Рождения Вечного Города Рима, отца всех городов империи и нашего с вами защитника. Император-доминат Филипп Араб шлет всем нам свой привет и надеется, что мы будем едины с ним и сенатом в радости по случаю величайшего праздника! Клянусь богом Солнца, что вы увидите невероятное по своему размаху венацио, а также казни преступников. На выступлениях вечерних школ лучшие гладиатории покажут своих сильнейших бойцов!

Пять против пяти. Пять гопломахов против пяти мирмиллонов-спатариев. Бой с установкой на смерть. Очень дорогое зрелище. Ведь, чтобы подготовить одного бойца, нужны месяцы упорных тренировок. У мастеров фехтования плата доходила порой до шести тысяч сестерциев в год. Добавьте сюда расходы на питание, массаж, врача, изготовление тренировочного, парадного и боевого комплекта вооружения. Но эдиторы игр шли на это, не щадя казны, так как будущая власть стоила затрат. А путь к ней лежал через ублажение плебса, который желал только одного – «хлеба и зрелищ». В дни празднования тысячелетия Рима на аренах по всей империи лилась кровь осужденных на смерть преступников, выловленных в лесах зверей, военнопленных, захваченных римскими легионерами. Под восторженные вопли толпы на песок шли умирать представители гладиаторской элиты всех известных школ: кампанской, дакийской, африканской и так далее. Преторы, квесторы, эдилы и просто состоятельные граждане из всаднических сословий пытались в размахе перещеголять друг друга. Венаторы в день только в нашем городе убивали сотни животных. Палачи забыли про сон. Гладиаторы, вопреки всем правилам, выходили радовать своих фанатов в несколько раз чаще обычного.

Сегодня моя шестая встреча со смертью. Четыре раза я выходил победителем и покидал арену через порта триумфалис, лишь один раз была зафиксирована станс миссус – ничья. Я сумел добиться ее, вопреки всем прогнозам, кстати, в том самом первом, самом памятном бою, когда сражался против димахера Фалмы. Он шел, чертя по воздуху кривыми клинками с такой скоростью, что у меня появилось ощущение, что сам бог войны вселился в него. Но я заставил себя двигаться с быстротой и ловкостью белки. В голове же выросли пчелиные соты, наполненные тысячами отчаянных бойцов. Вспомнились слова волхва Видвута: «Не родившийся не может страшиться смерти!» Мы бились с Фалмой до тех пор, пока руки и ноги не стали ватными от усталости. Мне показалось, что прошла целая вечность, на самом же деле всего десять минут, после которых сумма-рудис объявил первый дилидиум – перерыв. И пока мы отдыхали, каждый в своем кубикуне, зрителей развлекали андабаты – гладиаторы, сражающиеся вслепую, в глухом шлеме без прорезей для глаз. После пятого раунда, когда наши легкие были полны жгучего песка, а члены буквально одеревенели, сумма-рудис обратился к зрителю, который был по понятным причинам недоволен, так как не увидел крови. Действительно, ни я, ни Фалма не получили серьезных ранений, но при этом

показали настоящий бой. Судья ждал, подняв руку с указательным пальцем. Мне казалось, эта пауза будет длиться вечно. Наконец кто-то из толпы крикнул: «Станс миссус!». К счастью, на этот раз его поддержали.

Сегодня же бой без помилования – сине-миссио. Наш отряд первым вышел на песок, который служители сполиария, мертвецкой, спешно привели в порядок, кое-как присыпав пятна крови. До нас выступали цестиарии, кулачные бойцы. Я всегда считал и считаю, что кулак, утяжеленный свинцовой накладкой, цестой, может нанести порой куда более серьезные увечья, чем холодное оружие. Не зря век кулачника еще короче жизни гладиатора. Иногда он выходил всего на один поединок, и редко кто из них выдерживал на арене пять-шесть боев. Беззубые, с раздробленными лицевыми костями, они внушали чувство жалости, к которому примешивалась брезгливость. Еще они вызывали грубые насмешки со стороны неблагодарной черни. Вообще надо сказать, участь этих несчастных была горька. Даже грегарии – беглые рабы, преступники, военнопленные, идущие на верную смерть, пользовались большим уважением. В конце концов, любой грегарий мог получить от зрителей миссио – помилование. А о кулачниках никто не хотел вспоминать.

Вновь песок арены, пропитанный кровью людей и животных, заскрипел под босыми ступнями. Командование нашим отрядом взял на себя сорокалетний Гермаиск, в прошлом гладиатор-фракиец, прошедший более шестидесяти боев, получивший рудий, но вновь вернувшийся в амфитеатр по причине тяжелого материального положения. Была и другая причина: он просто не смог жить без разрывающего сосуда адреналина. Вооружение фракийца более легкое, чем у мирмиллона, поэтому он должен всегда вести поединок первым номером, то есть нападать, маневрировать, кружить – как говорят сами гладиаторы, танцевать. Фракийцу нужны невероятная скорость, выносливость и хорошее дыхание. Как правило, после тридцати, если, конечно, удавалось дожить до этого срока, гладиаторы меняли стиль и тактику ведения боя. Поэтому Гермаиск поменял вооружение фракийца на мирмиллона.

Я, пожалуй, был первым мирмиллоном, который обескураживал противника именно скоростью, так как такие бойцы считаются неповоротливыми и предпочитают действовать от обороны. Посему тот план, который предложил Гермаиск, меня совсем не устраивал: построиться в каре и отражать атаки гопломахов, стоя практически на месте, дожидаясь, пока те, нанося удары, целясь за

линию щита, не начнут открывать незащищенные места. Нет!

Вооружение гопломахов коренным образом отличается от экипировки мирмиллонов. Прообразом этих гладиаторов послужили знаменитые греческие гоплиты. У гопломаха тяжелый бронзовый щит небольшого диаметра, но зато снабженный выпуклой частью, умбоном. В ближнем бою этот щит становится грозным оружием нападения. Рука продевается в этот щит через две петли, но кисть при этом остается свободной, может сжимать кинжал. Другая рука снабжена кастой – двухметровым копьем. Ноги прикрыты поножами от голеностопа до нижней части бедра. На голове шлем с широкими полями, забралом и специальным навершием, куда вставляются яркие павлиньи перья.

Мирмиллон-спатарий имеет меч – спату, длиннее обычного гладиуса примерно на два средних пальца. С одной стороны это преимущество, когда бьешься на дистанции, но в ближнем бою он почти непригоден. Тогда приходится пытаться завладеть оружием соперника.

Поножь только на левой ноге и прикрывает ногу ниже колена. Главное преимущество мирмиллона – это щит-скутум, который защищает человека от верхнего края поножи до подбородка. Но скутум слишком

тяжел и весит больше всего остального снаряжения. Если мирмиллон теряет в бою по каким-то причинам щит, то может стать очень легкой добычей. Не зря же нас называют щитоносцами.

Шлемы у нас такие же, как и у гопломахов – с широкими полями и забралом, небольшая разница лишь в навершии: у них перья – у нас рыбий хвост. Из-за этих самых перьев гопломахов иногда называют петухами.

В бою один на один у меня, безусловно, появилось бы преимущество перед любым из тех гопломахов, что вышли против нас этим вечером, потому что я двигался действительно быстро, кажется, даже чересчур быстро, чем вызывал неоднократно смех с трибун. Но такая тактика полностью оправдывала себя. У меня появились даже свои поклонники, кричавшие «Давай, Белка! Мы с тобой, Белка! Надери ему тестикулы!»

Как я уже говорил: от мирмиллона ни один соперник не ожидает такой прыти. В схватке же отряд на отряд гопломахи имеют ощутимый тактический перевес и возможность стратегической инициативы, так как одинаково хорошо экипированы как для ближней, так и дальней дистанции. И мы, и они сражались обнаженными по пояс. Руку с мечом защищала маника, нижнюю часть живота защищали балтей с металлической бляхой.

Гермаиск построил нас следующим образом: двое закрывают тыл, трое держат фронт, при этом центральный чуть выдвинут вперед.

Едва глашатай успел зачитать наши имена, а сумма-рудис махнул рукой в знак начала поединка, гопломахи бросились в атаку.

Р-раз! Все пятеро сделали одновременный выпад в нашу сторону. Пять наконечников копий ударили в щиты. Наш строй чуть качнулся и подался на полшага назад. Еще! Они били на уровне глаз, заставляя нас высоко поднимать skutумы. Но я чувствовал, что в тактике гопломахов кроется какой-то прием. Так оно и вышло. Во время восьмого выпада в наши щиты ударились не пять наконечников, а четыре. Пятый прошел снизу за линию щита и поразил в колено выдвинутого вперед Гермаиска. Он вскрикнул и осел на колено, всего лишь на два мига опустив спату. Этого было достаточно. Тут же последовал удар в голову умбоном. Командир нашего отряда рухнул на бок оглушенным. Каре распалось на две двойки. Теперь противник имел численный перевес. Я понял его расчет: вначале одну нашу двойку атаковать втроем и побыстрее расправиться, имея превосходство, а другую просто, удерживать на расстоянии. Затем уже впятером напасть на оставшихся и довершить начатое. Судьба вновь дала мне шанс. Мы с напарником были не

первыми, кого выбрал соперник. Итак, пара на пару. Следить за тем, как наши товарищи, прижавшись к стене арены, отбиваются от трех копыеносцев, не было возможности, да и не имело смысла. Нужно попытаться сделать все, чтобы перехватить инициативу. Но, имея двухметровые копыя, гопломахи не подпускали нас на расстояние удара меча. Минута, другая – и противников будет, как минимум, больше вдвое! И тогда я пошел на хитрость. Когда-то ей научил меня старый мудрый Чарг. Нужно сделать вид, что оступился. Э-кх! Все получилось: и выдох боли, и вполне смачные проклятия. Даже рука со skutумом заколебалась и чуть пошла вниз. Главное: не переборщить. Враг поверил и всей массой качнулся на меня, стараясь вложить в удар копьем всю силу.

Тело мое сделало шаг навстречу, ставя щит так, чтобы копые прошло по нему вскользь, при этом забирая левее, подальше от руки. Мы оказались так близко, что поля шлемов встретились с глухим звоном. Чарг называл этот удар – из-за пояса. Ты должен быстро завести руку с мечом себе за пояснуцу и нанести удар. Спата вошла в плоть гопломаха на ширину ладони и выше балтея на толщину пальца. Я тут же вернул клинок, совершил поворот вокруг оси и ушел за спину, а затем нанес косою удар сверху вниз под линию полей шлема, туда, где находится

одна из главных артерий жизни. Когда соперник опускает руку со щитом, то зазор между шлемом и наплечником увеличивается, и при необходимом умении можно поразить эту цель. Существует масса комбинаций, как вынудить человека обнажить те или иные участки тела. Чарг многому меня научил. Благодаря его школе, я имел некоторые преимущества в фехтовании. Например, почти все гладиаторы предпочитали колющие удары, а не рубящие, при которых страдает защита, я не боялся рубить, делая ставку в первую очередь на скорость ног.

И вот мой соперник падает сначала на колени, а потом всем корпусом ничком в песок. Сверху, из сектора, кто-то крикнул: «Белка! Давай еще, Белка!» К сожалению, один из наших, кто сражался с тремя гопломахами, пропустил прямой удар копьем в живот. Двое остались теснить моего товарища, а третий устремился на меня, чтобы не допустить численного перевеса в другом месте. Я стал убегать, но при этом делая вид крайне усталого человека. И вновь соперник поверил. Когда от копейного жала преследователя до моей обнаженной спины оставалось метра три, я высвободил руку из петель skutума. Затем, пробежав еще несколько шагов, резко затормозил, пригнулся к земле и, развернувшись, метнул щит ребром прямо в сверкающие на солнце

поножи. Спата повисла на перевязи, поэтому снаряд я отправил двумя руками. Удар оказался такой силы, что гопломаха буквально срезало на месте. Он как раз собирался сделать черную брешь в моей спине. Я оттолкнулся от песка, подпрыгнул и всей массой закованного тела, подогнув ноги в коленях, опустился ему на спину. Реберный корсет с хрустом провалился подо мной. Поняв, что гопломах не сможет продолжать бой, я не стал добивать его, ибо дорога была каждая секунда. Но в то же самое время еще один гладиатор-мирмиллон упал замертво.

И снова численный перевес на стороне врага. Двое с хрипом бегут на меня, выставив перед собой копьа. «Ты легок и быстр, точно белка! Легок и быстр!» – где-то над самым ухом звучали слова далекого волхва. И я, подобрав skutум, снова бросился бежать по арене. Теперь нужно не просто уклониться от ударов, но, описав дугу, оказаться раньше рядом с последним бойцом нашего отряда. К большому облегчению, мирмиллон смог поразить своего противника в грудь. Гопломахи замешкались. Победа, которая для них была так близка, ускользала. Двое на двое. Это надежда. К сожалению, ее свет, едва успев забрезжить, почти сразу погас. Мой товарищ получил серьезное ранение в область паха. Он мог выдержать на арене максимум минуту, может, полторы.

Тем не менее, мы успели сомкнуть щиты. Копейный выпад отбросил нас на два-три шага к стене. Если прижмут окончательно, то начнут изматывать силы на длинной дистанции. Я выбросился навстречу, принимая на скутум листовидный наконечник копья. Совершил нырок в ноги, одновременно нанося удар в промежность и тут же откатился в сторону, уходя от удара умбоном. Этот прием хорош, если соперник на последнем издыхании, а ты еще достаточно бодр. Но все же не советую использовать его ради красивого эффекта. Только в крайних ситуациях. Не вставая с песка, я подсек ударом клинка своему противнику, оказавшись у того опять-таки за спиной, подколенные сухожилия. Но тут же голубое полуденное небо перечеркнула серая полоса касты. Я попытался дернуть правой рукой – тщетно, она оказалась вдавленной в песок ступней гопломаха! На левую со щитом навалился всей массой раненый мной соперник. Я понял одно: мой последний товарищ по сегодняшнему выступлению пал. Вот почему в коллективном бою нельзя необдуманно использовать приемы: эффектные действия хороши, если бой идет на деревянных мечах... А вот когда объявлено сине миссио!.. Я закрыл глаза и задрал подбородок, обнажая горло для металла.

«Сине миссио! Сине миссио!» – неслось с трибун. Зритель жаждал

крови. Даже голоса моих верных болельщиков тонули в бушующем море требующих смерти. Неожиданно возникла секундная тишина. Затем металлический треск и выдох многих тысяч глоток соединились в единый звук. Я поднял тяжелые от едкого пота веки. На меня падало тело гопломаха.

— Вставай, Ивор, по прозвищу Белка. Ты заслужил, как минимум, лавровый венок! – голос принадлежал Гермаиску.

Я столкнул с себя тяжелую плоть и увидел прямо перед собой еле державшегося на ногах своего командира. В руках за ребро он держал щит гопломаха. Опытный ветеран все же нашел в себе силы подняться, схватить тяжелую бронзу одного из поверженных и, размахнувшись, нанести удар умбоном в самый нужный момент.

Воздух разорвался от криков: «Missus!» Это означало: отпустить! Другие кричали: «Рудий!». Деревянный меч – это особая милость. Если гладиатору вручался рудий, то эдитор игр должен объявить данного человека свободным и компенсировать хозяину гладиатория его стоимость. Сам же герой получал несколько тысяч сестерциев, чего вполне хватало для приобретения неплохой загородной виллы или открытия своего небольшого дела.

Слово взял Магерий:

— Господа мои, если вы не можете прийти к единому мнению, то

позвольте мне быть судьей между вами. Гладиатору мирмиллону-спатарию Гермаиску я с огромным удовольствием вручаю рудий, символ освобождения, и дарую пять тысяч сестерциев.

Меня чуть не разорвало от негодования. Пять тысяч – это не самая, мягко говоря, большая сумма. А вручить рудий человеку, нанесшему за весь бой всего один удар, пусть даже решающий – вообще издевательство. Но Авл Магерий, эдил города и эдитор игр, невозмутимо продолжал:

— Гладиатору мирмиллону-спатарию Ивору, по прозвищу Белка, вынести прямо сейчас пятьдесят тысяч сестерциев и лавровый венок.

Это и вовсе напоминало театр безумства. Наверное, впервые за всю историю мунеры рудиарий получал денег в десять раз меньше, чем венценосец. Да, свобода, да магистрат города компенсирует хозяину освобожденного гладиатора полную стоимость, а сумма может быть совсем не маленькая, но все же на глазах стольких зрителей предложить пять тысяч – это плевок. Причем, плевок мастерский, явно с расчетом на то, чтобы бедный Гермаиск, спасаясь от позора и бедности, шел подписывать новый контракт, то есть становиться рудиарием-ауктором. Конечно, и пять тысяч не такая уж маленькая сумма. На нее можно приобрести даже

мизерный домик с участком где-нибудь в испанской провинции, но не для Гермаиска, долги которого были все рекорды.

Из Порта Либитины уже шли служители. Один, одетый в костюм Харона, держал наготове нагретый металл, чтобы проверить: не симулируют ли смерть поверженные. Другой был в одежде Юпитера и покачивал в правой руке специальным молотом для разбивания черепов. Гермаиск, снявший к тому времени шлем, смотрел на приближающихся ликторов, несших на подносах подарки, глазами, полными безысходной пустоты. Ничего глубже и страшнее этих глаз мне еще не приходилось видеть. Я знал его ситуацию. Да и не только я: вся наша казарма знала, что у ветерана огромные долги, доведшие его до унижительного положения гладиатора. Долги, которые никто за него не покроет. Напротив, проценты переросли мыслимые для небогатого гражданина пределы. Но тяжелее всего Гермаиску, как человеку чести, было пережить то, что рудий по праву принадлежит не ему. Магерий хитро выкрутился из сложившейся ситуации. Жирный эдил умудрился оставить обоих гладиаторов в игре, при этом остудив пыл публики, требовавшей щедрот для героев.

Толпе важнее увидеть, как вручают рудий, а уж сколько денег при этом получает боец, для нее

дело десятое. Я уходил через Порта Триумфалис, стараясь не смотреть ни на тех, кого добивали служители сполиария, ни на Гермаиска, шедшего чуть позади.

Еще один кошмарный день растворился в истории раз и навсегда. Почему я так подробно описываю именно этот день? Да потому, что с него-то все и началось. В казарме меня ждал невероятный сюрприз. Ланиста Цетег протянул сверток. Бросилось в глаза то, что вид у него был немало изумленный и одновременно сострадательный.

— От кого это? — спросил я.

— От Авла Магерия.

— Ты читал?

— Ты ведь знаешь: я должен быть в курсе всего...

— Не продолжай. Я всего лишь твой раб и не более.

— Не мой: Скавра. Мне о свободе тоже говорить не приходится. Хочешь не хочешь, а идти нужно. Но мой тебе совет: сначала сходи к ростовщику и заложь свои пятьдесят тысяч под процент, пока у тебя не выманят, якобы в долг, половину твои друзья, а другую половину не выиграет в кости пройдоха Луций. Второй экземпляр договора оставь у меня на хранение. Да, еще при сделках свыше двадцати тысяч должен обязательно присутствовать кто-то из префектуры; третий экземпляр пусть они заберут себе: так спокойнее будет.

— Сделаю, как советуешь. Так все-

таки: что там?

— Приглашение на свадьбу. Авл Магерий женится. Завтра прибывает Филипп Араб, поэтому жирный мерин хочет сегодня погулять в узком кругу избранных. Как ты понимаешь слово «узкий» очень условно.

— А по приезде императора получить у того благословение?

— Ты не глуп.

— Ты что-то недоговариваешь!

— Готовься к тому, что нужно будет развлечь императора и его свиту. Сегодня тебя приласкают, покормят, а завтра подарят твою жизнь чье-то прихоти.

— Разве у меня есть выбор?

— Нет. Ты отдан в аренду до конца празднования тысячелетия. Я очень надеялся на то, что сегодня, выступая против гопломахов, ты наконец получишь травму, хотя бы царапину, которой, поверь, мы бы сумели придать ужасающий вид.

— К чему сейчас об этом? Тысячи людей видели, что бой для меня обошелся несколькими ссадинами и синяками. А ты разве не сомневался в победе?

— Как дубовый листок?

— Спасибо. Копья гопломахов наткнулись на серьезную преграду. Скажи, Цетег, сколько нужно денег, чтобы мне выкупить самого себя?

— Это решает Скавр. Боюсь, что после сегодняшнего поединка, цены на тебя еще возросли. И потом, если бы ты был обычным ауктором, заключившим контракт

на отработку определенной суммы, то разговор один. Но ты раб, Ивор. Понимаешь, раб! Который приносит хорошую прибыль хозяину. Зачем ему твои жалкие пятьдесят тысяч сестерциев, если он на тебе может заработать полмиллиона.

— Но тогда зачем мне идти к ростовщику, если я не смогу воспользоваться своими деньгами?

— Ты хотя бы сможешь написать на кого-нибудь завещание. А это уже разновидность, пусть ущербной, но свободы. Сегодня победил ты, а завтра смерть в лице гладиатора придет за тобой. Но, идя умирать, твоему сердцу будет намного легче от сознания того, что кто-то будет, возможно, спасен. Хотя ты все можешь продуть в кости или пустить на женщин и выпивку. Правда, чем больше разгульности, тем быстрее приход Харона.

— Меня беспокоит не столько смерть, сколько рождение.

— Что?

ГЛАВА 3

— Что? Я не очень понял тебя, непобедимый Ивор, по прозвищу Белка? — эдил Авл Магерий плеснул руками.

Даже масляная улыбка на толстой физиономии съезжилась и превратилась в гримасу.

— Меня беспокоит не столько смерть, сколько рождение, — спокойно повторил я.

— А меня эстетическая сторона мучений, — Магерий, оправившись

от внутреннего удивления, положил на мое плечо свою ладонь, которая была крохотным продолжением огромного окорочка и выглядела весьма комично.

Магерий в свои тридцать пять лет невероятно растолстел и завоевал прочную репутацию обжоры. Нет, он не ел, а по-настоящему жрал, поглощая уродливых рыб, необычных устриц, жирных птенцов ортолана, гусиную и поросячью печенку, выкормленных в кувшине и сваренных в меду с маком сурков, зародыши свиньи, вырезанные в конце беременности. Все это поливалось изысканным гарумом и дорогими винами. Нужник и тошнильню этот сумасброд именовал «святыми» местами.

Я окинул пиршественный стол, на который слуги выставляли легкие закуски. Среди прочего разнообразия были трюфеля, белые грибы, языки фламинго, молоки мурены, павлиньи мозги, печень рыб-попугаев. Мне стало муторно. За все эти годы рабства я ел лишь ячменную и бобовую пищу, выдаваемую в казарме. Гости нетерпеливо переминались и вели в разных углах философские беседы, обсуждали гладиаторские мунеры, старательно делая вид, что запахи пищи, окутавшие помещение, их мало заботят. Я и сам боролся с подступившим чувством голода, но все же заставил себя приглядеться к кругу Магерия. И ба...! В основном

Московский государственный университет тонких химических технологий имени М.В.Ломоносова

Московский государственный университет тонких химических технологий им. М. В. Ломоносова – один из старейших химико-технологических ВУЗов страны, который ведет свою историю от Московских высших женских курсов (МВЖК) университетского типа (1900 г.).

Важной миссией МИТХТ является подготовка элитных кадров для наукоемких химических технологий, востребованных прежде всего российским рынком труда.

МИТХТ эффективно осуществляет подготовку специалистов высшей квалификации через аспирантуру и докторантуру по 23 научным специальностям. При университете функционирует 8 докторских диссертационных советов по защите докторских и кандидатских диссертаций.

Неуклонно расширяются связи МИТХТ им. М.В. Ломоносова с промышленностью и бизнесом. Нашими партнерами являются Группа «ОНЭКСИМ», Группа «Лукойл нефтехим», ОАО «Сибур Холдинг», ОАО «Сибур Русские шины», НПП «Полипластик» и др.

Университет поддерживает постоянные научные и образовательные контакты с Вроцлавским технологическим университетом (Республика Польша), Федеральной политехнической школой Лозанны EPFL (Швейцария), Норвежским университетом наук и технологий в г. Тронхейм, Технологическим университетом

г. Росток (Германия), Университетом г. Пардубице (Чешская Республика), Университетом Восточной Финляндии, Харбинским технологическим институтом (КНР) и мн. др.

Студенты принимают активное участие в работе турклуба, спортклуба, фотоклуба, киноклуба, изостудии. Многие творческие коллективы объединяет культурно-досуговый центр МИТХТ.

МИТХТ полностью обеспечивает иногородних студентов и аспирантов местами в общежитии. В распоряжении университета имеются общежития общей площадью 30 тыс. м², рассчитанные на 1400 мест (пр. Вернадского, 86) и 400 мест (в Дорогомиловском студгородке).

Наш адрес: 119571, г. Москва, пр-кт Вернадского, 86
Тел.: (495) 434-74-44, факс: (495) 434-87-11,
E-mail: mitht@mitht.ru, <http://www.mitht.ru/>

молодые мужчины, одетые в туники с рукавами, а ведь такую одежду носят только женщины. Мало того, на некоторых вообще надеты столы, обшитые складчатыми оборками. Оборки были даже на груди. Стола – это накидка из тонкого полотна – подобие греческого хитона. Как же они прошли в таком виде по улицам города? Ясно! В одном из углов накиданы в кучу мужские плащи – пенулы. Это верхняя нераспашная одежда, одевающаяся через голову. Вот это свадьба!

— Тебя что-то настораживает или удивляет, мой любезный Белка? Скажу по секрету: женитьба мне необходима для прикрытия, – Магерий сально зевнул. – На роль невесты согласилась моя двоюродная сестра Фаустина. Полная дрянь, конечно. Однополюю любовь не признает, но и не критикует любимого братца. А какие фокусы в постели показать может! Между нами: любит гладиаторов. Гермаиск сегодня слетел с пьедестала. Желаю удачи! – Авл подмигнул так, что половина лица заходила топленным жиром, – А вот и она, наша императрица!

Фаустина... Традиционный свадебный наряд шел ей на диво к лицу: туника без швов, стянутая у талии шерстяным геркулесовым поясом с двойным узлом, и драпированная шафранно-желтая тога; высокая прическа из шести прядей, разделенная

лентами, как у весталок во время их священнодействий; огненно-красное покрывало на голове и венок из мирта и флердоранжа.

— О, нет! Я не выколю себе глаза, как несчастный Эдип, узнавший, что ему довелось стать мужем своей матери, – Магерий зубоскалил во всю ширь своей дикости.

Окружающие угодливо засмеялись. Когда десять свидетелей поставили свои печати на брачном контракте, один из приближенных Авла взял на себя обязанность осмотреть трепещущие внутренности овцы, которую невеста предпочла традиционному поросенку.

— М-да! – выдохнул добровольный гаруспик, с серьезным видом оглядывая внутренности. – Что же я вижу? В правом легком имеется изъяз, сердце имеет физический явно выраженный порок и кровоточит во все стороны, а печень так и вовсе увеличена справа. Вдобавок овцу зарезали не по правилам: нож следует вести снизу вверх при жертвоприношении богам небесным и сверху вниз при жертвоприношении богам подземного царства, а резник вел свой нож поперек, словно имея в виду некоего еще неведомого бога между облаками и безднами. Я даже спрашиваю себя, не слышал ли я писк крысы... Неужели боги разгневаны? Неужто их разгневало неумелое исполнение обряда? Не повторить ли нам его? В те

времена, когда наши предки еще питали почтение к божествам-покровителям, при несоблюдении правил или отрицательном результате по внутренностям гадали до тридцати раз...

Но даже такая гнусная шутка не смутила присутствующих.

— Довольно, довольно гаданий, затянутых паутиной религий. Это все суеверия, процветающие на руинах, — затараторил Магерий. — Что касается крысы, я не уверен. Возможно, то была крыса, живущая в воде. Что ж до остального... Об этом поговорим, когда выйдем из триклия. А покамест я объявляю, что предзнаменования благоприятны. Да осенят боги своим покровительством нашу красивую и великолепную пару, образец преданности нашему императору, и да благословит всемилостивый и всемогущий Юпитер возлияние фалернского, которым мы благочестиво отметим начало нашего веселья!

Под одобрительные возгласы Авл Магерий и Фаустина, став рядом, с надлежащей серьезностью обменялись ритуальным согласием, и все перешли в столовую. В смежной летней столовой, где в хорошую погоду открывали выход в сады, стоял триклиний в виде полукруга. Там можно было разместить двадцать семь гостей. Столько и получилось, не считая меня, Фаустину и Авла. Нахлебников-паразитов, которых в

лицо изящно называли тенями, не пустили. Гости ели, лежа на левом боку и опершись на локоть, что могло вызывать всякие неприятности, и если подавалось много блюд, то в течение пира синтез меняли по несколько раз. Мне указали место рядом с невестой, по левую руку. Сперва мы растянулись на спине, чтобы облегчить рабам обязательный ритуал омовения ног. Ни чулки, ни носки не уберегали их от африканской въедливой пыли. Затем приняли позы, более удобные для еды, улегшись на бок на свежих льняных простынях, прикрывавших мягкие подушки.

— Не гляди с похотливыми гримасами и нежностью в глазах на жену соседа. Пусть на устах твоих царит стыдливость, — Магерий снова сально подмигнул мне и отвернулся к соседу.

— Он сказал это, дабы разжечь твои чувства, на его взгляд, недостаточно возбужденные соседством со мной, — Фаустина легла на спину. — Он так толст, что его член надобно вытаскивать из жира щипцами для омаров. Впрочем, он ему нужен лишь для того, чтобы ходить по нужде. Сборище тупых гитонов! Что намерен делать венценосная Белка с пятьюдесятью тысячами сестерциев?

— Неужели это кого-то может волновать?

— Сумма, по моим меркам, хороша, но не так, чтобы уж велика, но даже ее не просто истратить за одни

сутки. Завтра сам Филипп Араб будет благословлять наш брак. Магерий хочет преподнести ему подарок – хороший гладиаторский поединок. Император слывет большим знатоком и поклонником боев. Надеюсь, ты уже догадался о своем участии? Да и мне на тебя смотреть еще не наскучило.

— Свои деньги я заложил ростовщику под проценты и написал завещание.

— Вот как! И кому же ты завещаешь свое богатство?

— Ребенку, родившемуся в первый день сатурналий и выброшенному жестокой матерью на городскую свалку.

— Такое можно наблюдать довольно часто. Улицы города кишмя кишат профессиональными нищими, которые подбирают несчастных малюток. Всему виной несовершенство законов: если бы разрешили аборты, то детского горя было бы намного меньше. И ты считаешь: твой ростовщик (кстати, как его зовут?) побежит после твоей смерти в первый день сатурналий разыскивать несчастное маленькое создание по городским свалкам?

— Ему помогут. Ланиста Цетег. А зовут ростовщика Иегудиил. Ты тоже, на всякий случай, имей в виду.

— Договорились. Часто тебе приходится выбираться в город?

— Нет. Я все время тренируюсь.

— Однако ты неплохо овладел латынью.

— И греческим тоже. Все же странный этот Иегудиил.

— Чем же?

— Прежде чем взять деньги под процент, заставил подписать арендный договор. Объяснил это тем, что их закон не позволяет производить какие-либо сделки в доме, где живешь. Поэтому он сдал мне свое жилище в аренду на полчаса. Именно столько требовалось времени на оформление завещания и прочих подробностей.

— И дополнительная плата за аренду. Хм... Даже в Африке ростовщик остается ростовщиком. На смену богам имманентным, евреи предложили единого трансцендентного бога. Да, идея носит весьма остроумный характер. А уж о необычности предписаний разговор отдельный. Им нельзя, например, смешивать лен с шерстью.

Тогда, признаюсь, я мало что понял из речи Фаустины; сказал только:

— Странное племя!

— Странное?! Очень мягко сказано. Знаешь, кто у них карается смертью? Скажу: иудеи отрекшиеся от Яхве ради какого-либо чужого бога (какое счастье, что существует веротерпимый Рим); быки, забодавшие человека; замужние женщины и их любовники; невеста и ее любовник, ежели он не приходится ей женихом; девица, вступившая в брак, будучи

лишенной девственности; дочери священников, торгующие своим телом; содомиты, мужеложцы, ворожеи; совершающие грех мужчины и животные, женщины и животные; вступивший в греховные отношения мужчина со своей матерью, дочерью, мачехой, падчерицей, свояченицей, сестрой или теткой; мужчина, женившийся сразу на двух сестрах или на матери с дочерью; мужчина, переспавший с женщиной во время месячных. Вообще, мне нравится изучать народы через их сексуальную культуру. Яхве предлагает достаточно большой список сексуальных запретов.

— Каждый замечает лишь то, что хочет видеть. Хотя, действительно, вопросов много. Например, отношение между двоюродными братьями и сестрами...

— У тебя не только мощный торс, но и хороший цепкий ум, склонный немного поострить. Насчет двоюродных братьев и сестер у тебя ловко подмечено. Если бы мы жили согласно иудейской морали, то во всей Римской империи очень скоро не осталось бы и дюжины неиудеев. Вот ты, например, составил завещание на случайного ребенка, которого бросят на свалку родители, точнее мать, так как отцам, как правило, вообще нет никакого дела до своих незаконных отпрысков, да и законных тоже. А если это дитя — плод самого невероятного инцеста?

— Почему не осталось бы?

— Потому что пронизательное око их бога осудило Онана за древний противозачаточный прием, который мы радостно и беспечно применяем, кто во что горазд. Что касается препирательств евреев с их богом, то это утомительно. Вся эта история напоминает комедию, где повторяются одни и те же эффекты.

— Я никак не могу взять в толк: в чем отличие христиан от иудеев?

— И те, и другие – евреи. Поэтому их называют иногда иудео-христианами. Но это не совсем верно; они чураются друг друга, а этот факт явно свидетельствует, что они не одно и то же. Хотя признаться честно, я и сама плохо их различаю. Знаю только, что одни собираются в молельном доме и едят своего бога, призывая к смирению, а другие все ждут не дождутся его пришествия. Я брезгливо отношусь и к тем, и другим. Мало того, считаю их секты опасными.

Ум и эрудиция Фаустины впечатляли. Но от ее слов тянуло зловещим холодом.

— Белка, а у тебя глаза синие, но свет мягкий, а не холодный, как это обычно у голубоглазых и синеглазых. Вообще, надо сказать, есть в тебе схожесть с представителями германских племен. Правда, те внешне грубоваты: рубленые черты лица, кряжистые фигуры. А в тебе есть тонкость и плавность, мне не

знакомые, и быстрота, конечно. О, твоя скорость! Расскажи о себе. Откуда ты? Какого племени?

— Я..я Ивор, по прозвищу Белка, родом с Верхнего Борисфена...

— Поняла. Спрошу иначе. Ты в разговоре обмолвился, что много тренируешься. Глядя на тебя, сразу видно: истовый фехтовальщик. Скажи, ты много работаешь на тренировках, потому что боишься смерти?

— Я думаю не столько о смерти, сколько о рождении.

— Как? — Фаустина выронила из рукиоливку и перекадилась на спину, при этом обнажив перламутровое бедро. — Нравится? — кивнула на оголившуюся часть тела.

— На какой вопрос я должен отвечать?

Фаустина, фыркнув, одернула подол туники:

— Ослепнешь еще с непривычки! Ты ведь редко покидаешь пределы школы, а значит, освобождаешь себя от лишнего семени, подобно Онану. Или гладиатор может преобразовывать белок в силу и мощь? Ха-ха! Где-то я уже это встречала. По-моему, у буддистов. Хотя могу ошибаться. Ах да, бедный мой Белка, ты уже не знаешь, на какой вопрос отвечать: с такой вот скоростью Фаустина задает их! Ну, ну, можно оттуда, где смерть и рождение.

— Довольно резкие переходы. А объем жажды пытливых мыслей просто восхищает! — я сглотнул

горечь, стараясь не показать вида, что больно задет. Но, видимо, все же легкая тень пробежала по моему лицу. И патрицианка заметила ее:

— Прости. Я, возможно, случайно коснулась больной для тебя темы.

— Напротив. Больное то, что сейчас окружает нас и является частью нашей жизни.

— Ты имеешь в виду величие и блеск Рима? На этот вопрос можешь не отвечать: скажешь правду — смерть на кресте. Здесь, кроме нас, очень много ушей.

— Тем не менее, не касаясь римской идеологии и устройства, скажу лишь, что ваши боги выглядят игрушечными. Да, в чем-то вы, безусловно, превзошли многие народы, но не во взгляде на параллельный, божественный мир. Подумать только, каждому ремеслу, каждой вещи благоволит отдельный божок. Греки далеко ушли вперед, выдвинув идею, что всемогущий рок существует. К сожалению, имея таких учителей, вы пошли по другому пути. Ваша империя рано или поздно погибнет, потому что живет в самообмане и доверяется силе оружия больше, чем искусству взаимопонимания.

— Рим не всегда с помощью лишь оружия добывается расширения своих земель. Есть тонкие, искушенные дипломаты и политики. В конце концов, существуют политические и экономические санкции. Но я чувствую: ты так много хочешь сказать, что прыгаешь

с одного на другое. Начал с богов – продолжил политикой. Давай все же остановимся на первом. Как называется твое племя?

— Велимати. Мой народ живет в лесах, там, где Данапр только начинает свой путь. Вы называете его Борисфеном.

— И во что же верит твой народ?

— Как и вы, в богов? Разница в том, что весь окружающий мир, в котором мы якобы пребываем, заключен в виде мыслей в голове Родящего.

— То есть ничего нет, а мы и все созданное человеком – это воображение вашего Родящего?

— Именно так. Звезды, мерцающие в ночном небе, мы видим, потому что череп его прозрачный. Но мысли Родящего в отношении отдельно взятого человека зависят от веретена Великой Матери. Если нить веретена, прицепленная к одной из звезд, рвется и звезда гаснет, то человек покидает этот мир, то есть перестает быть мыслью-образом бога и уходит или рождается, но уже по-настоящему.

— Значит, жизнь человека, его поступки не зависят от него самого? Собственно его и нет вовсе?

— Любой образ или мысль должны бороться за свое существование и при этом совершенствоваться. От этого зависит, кем человек станет в другом, настоящем, мире. Все сводится к тому, что бог сам совершенствуется в процессе вынашивания своих мыслей.

— Любопытно. А что касается погоды и природных катаклизмов?

— Это тоже все в его голове. У нас есть выражение – промозглая погода.

— Слышу в слове «промозглая» корень «мозг».

— Когда идет мелкий дождь, мы говорим – «мозглит».

— Кажется, начинаю что-то понимать. А Великая Мать?

— Она является женой Родящего. Когда мысли мужа начинают раздражать или пугать ее, она просит, а иногда заставляет Родящего выкинуть их из головы, при этом рвет нить, идущую из кудели к звезде. Иначе происходит с мыслями-образами, достигшими совершенства. Они обретают материальную жизнь во вселенной и находят себе место под большим деревом, которое всегда плодоносит вкусными золотыми яблоками; в них-то и кроется энергия вечной жизни. Бог должен все время освобождать голову для новых планов. Зачем держать то, что достигло наивысшего пика!

— Последнее для того, чтобы муженек не впал в интеллектуальный нарциссизм? Да, вы ребята с юмором! Матриархат в божественном устройстве!

— Да. Очень многое зависит от Великой Матери.

— Есть ли у вас жертвоприношения?

— Конечно. Все действия направлены на задабривание Великой Матери. Если

Родящий провинился перед женой, то непременно хочет с помощью подарков получить скорейшее прощение.

— И начинает вынашивать планы, чтобы такое преподнести любимой женошке? Но ведь она знает обо всем происходящем в его голове!

— Знает. И оценивает в первую очередь его порывы.

— Ну и ну. Еще вопрос: а жрецы у вас есть?

— Есть, мы их зовем волхвами. Как такого сословия нет, потому что мудрость нельзя передать по наследству или доказать ее силу с помощью золота. Волхвы – это близкие к совершенству мысли-образы бога. Но прежде чем родиться и уйти в мир вечный, став наконец частью вселенной, волхв должен подготовить себе замену.

— Ну, конечно, ведь ничем не занятые клетки мозга могут деградировать, – насмешливый тон Фаустины уже не беспокоил меня, как это было поначалу, ибо я чувствовал неподдельный интерес, скрывавшийся за ее словами. – Значит, в вашем загробном царстве нет темниц для грешников и специальных теплых мест для праведников?

— Нет. Злые мысли просто погибают, не обретая материальную жизнь.

— Ты что-то говорил о дереве?

— Да, на нем держится вся вселенная. Корни его уходят далеко вверх, а ветви свисают вниз. Все

миры живут на его ветвях. Наш занимает очень малое места, примерно столько, сколько кольцо на твоём мизинце.

— Ты, говоря о вашем боге, не называешь его по имени, да и Великая Мать – это всего лишь эпитология?

— Называть бога по имени можно только в самых крайних случаях и делать это категорически запрещается, общаясь с чужеземцами: нельзя давать повода глумиться над верой, в противном случае тот же Родящий может серьезно наказать.

— Интересно, а почему ты выбрал именно сатурналии при составлении своего завещания?

— Причины две. Первая – мне этот праздник нравится тем, что на все семь дней, пока он справляется, рабы становятся как бы хозяевами, а рабовладельцы выполняют работу невольников по дому. Есть в таком обычае свой смысл. По крайней мере, это хорошее напоминание о том, что все является зыбким: сегодня ты господин, а завтра раб. А может, некоторые из вас что-то поймут в жизни тех, кто носит клеймо или цепь. Некоторые патриции и всадники участвуют даже в потешных гладиаторских боях во время сатурналий. Вторая причина в том, что праздник этот напоминает мне о Родине. Именно в это время на Данапре пекут хлебные лепешки, напоминающие солнце. Правда, мы его отмечаем

четырнадцать дней. Люди катаются с ледяных гор, ходят в гости, угощают друг друга, устраивают кулачные бои, как стеношные, так и парные.

— Это что-то вроде бойцов с цестами?

— Нет. У нас этим никто денег не зарабатывает, а руки покрыты только мягкими перчатками. Да и калечить запрещено, если только случайно бывает. Кулачный бой – молодецкая забава, хотя старики тоже не прочь повеселиться. Еще у нас празднуется период летнего солнцестояния – Купалом. Если вы, римляне, зовете в эти дни в свои дома весталок, которые предсказывают будущее по воде, и потом обливаете себя той водой, то у нас в это время принято купаться при свете звезд. Девушки плетут венки и пускают их по течению. Парни плывут за ними, чтобы покрыть голову. Потом каждая девушка отыскивает свой веночек, а значит, и жениха своего находит. Молодые люди по парам, взявшись за руки, прыгают через костер. Если у пары руки над огнем во время прыжка не разомкнулись, то их называют женихом и невестой.

— Мудрый обычай. Ведь если молодые люди друг другу не приглянулись, они легко могут сами разомкнуть руки.

— Иногда девушки связывают из больших вербных веток дерево, вкапывают его в землю, водят вокруг него хоровод, грустные

песни поют...

— А есть еще боги, кроме Родящего и Великой Матери?

— Есть. Их дети. Когда Родящий беседует с одним из своих сынов, богом войны, и думает о ней, то на земле бушует пламя смерти. Если беседует с другим, богом плодородия, то оратаи начинают трудиться над пашней.

— Смысл понятен. Кое-что я уяснила. Однако мы здорово заболтались! Жирный Авл совсем забыл о правилах приличия: он уже довольно долго отсутствует с одним из своих фаворитов, – Фаустина обвела взглядом столовую. – Какое чудное сборище гитонов! И как меня мутит от всего этого!

Пока мы разговаривали, гости молодых осушили уже приличное количество кратеров с вином и сейчас представляли собой пеструю, осклизлую, потную массу с блуждающими сальными и бесформенными улыбками. Периодически то тут то там вспыхивали нарочитые конфликты на почве ревности, призванные подстегивать сексуальную энергию. Те, что выполняли роль пассивов, лежали на спине, оголив выбритые ноги. Активные с обнаженными мускулистыми торсами перебрасывались политическими новостями и много пили, очевидно, демонстрируя близость к первобытному миру. Почти у всех были крашенные волосы, напудренные, прикрытые

макияжем лица, тщательно обработанные ногти.

— Эй, гладиатор по прозвищу Белка, ты слышишь меня?! – с противоположного конца стола обратился ко мне, встав с места, приторный молодой ублюдок. – Знаешь, чтобы я с тобой мог сделать, если бы не патрицианская гордость и эти гнусные запреты на выступления в схватках. Кто их придумал только! Да, если бы я не потерял право выбиратья в квесторы и преторы из-за боев, знаешь ли, где бы вы все у меня были! Вот тут! В моем анусе!

— Оставь его, Геркулес, твое ли дело замечать раба! – пискнула упитанная плоть, больше похожая на широкий глиняный ночной горшок. Маленькая короткая ручка взметнулась вверх и начала нервно и нетерпеливо дергать подол туники Геркулеса. – Не позволяй им даже мечтать о таких чудных прогулках, как твой, ох...! Лучше подумай обо мне!

Но ублюдка было уже не удержать. Приторный представитель древнего патрицианского рода двинулся в мою сторону, ступая прямо по столу.

— Я надеру твои тестикулы так, что ты их сам проглотить захочешь, мечтая прекратить мучения! – орал он пьяным голосом.

Гости подались от стола. Сверкающие от жира подбородки, маслянистые, заплывшие глаза оживились, предчувствуя

незапланированное зрелище.

— Убей его, Геркулес! Пусть знают варвары, что они сильны, пока нет против них настоящей силы! – тонко выкрикивали гитоны с подмалеванными глазами. Сильная половина ужасного сброда предпочитала щериться, оглаживая щеки с трехдневной щетиной.

— Луций Клавдий Силан, прошу тебя: сядь на свое место! В противном случае, придется рассказать твоему дяде о твоих подвигах, а заодно и о пикантных пристрастиях, – голос Фаустины прозвучал негромко, но достаточно твердо, чтобы так называемый Геркулес резко прервал свою нетвердую поступь, словно напоровшись грудью на колючую незримую преграду. – Ты заступаешься за грязного гладиатора! – Мужчина попытался показать на меня пальцем, но прицел явно был сбит и не мог поймать мишень.

— Я хочу, чтобы племянник уважаемого человека не грохнулся под смех почтенного собрания в вазу с едой, да еще на моей свадьбе!

— Фаустина, все собравшиеся за твоим столом представители якобы древнейших родов – это жидкое галльское пиво по сравнению с моим. Ты и Авл должны быть на седьмом небе от счастья, потому что я удостоил вас своим вниманием. И, если я захотел вздуть жалкого раба, да хоть содрать кожу или варить в котле по отдельности каждую часть его плоти, чтобы получить

эстетическое удовольствие от страданий, ты не должна мешать мне, своему гостю, ибо знаешь, что я полностью возьму его стоимость, как долг чести.

— Браво, Геркулес! Браво! – восторженный хор гостей срывался на свинячий визг.

— Достопочтенный патриций Силан, я с огромным удовольствием уступила бы тебе раба хоть сейчас, будь он моим, но, к сожалению, хозяин его известный тебе патриций Скавр. Я очень прошу, как невеста, как виновница сегодняшнего торжества, оставить гладиатора мне до завтрашнего вечера. Завтра в присутствии Филиппа Араба здесь состоится великолепный бой, который мы намереваемся посвятить вам, нашим друзьям, а также императору. Прошу тебя: не порти праздника.

— Уступи, о мой великолепный Геркулес! – взмолился писклявый горшок с противоположного конца стола.

— Ладно. Но будь моя воля, я бы незамедлительно вернул старые римские порядки, суровость которых сильно смягчилась в последнее время. Но, слава богам, есть еще отцы-традиционалисты из числа сенаторов, предлагающие давать время от времени рабам памятный урок для поддержания остротки. И это не анахроническая злоба. Нет! В этих законах сохранность империи. Разве Август не велел распять

раба, посмевшего зажарить его любимого перепела? Кстати, насчет распятия: гладиатор Белка, я могу тебя кое в чем просветить. Вначале приговоренного пытаются, но не очень сильно, чтобы он мог сам нести на себе тяжелую перекладину креста. Уже на месте его кладут на землю, срывают одежду и палач прибавляет руки к поперечине. Для этого существует два способа. Профессиональные палачи, мастера своего дела, загоняют гвоздь между костями так, что сами кости остаются целыми, а вот срединный нерв рассекается или травмируется. Понимаешь меня, Белка? И большой палец, хм, пальчик эдак красиво подтягивается внутрь ладони. – Силана качнуло, но он все же устоял на ногах, опрокинув несколько кратеров с вином. – Каков вид, хоть картину пиши! Палачи из числа добровольцев, любители чужой боли, прикрывающиеся долгом перед империей, коих пруд пруди, как только появляются объявления о массовых казнях, могут лишь гвоздь забивать выше запястья – между лучевой и локтевой костью. И в том и другом случае руки привязываются достаточно прочно, но так, чтобы каждый узел приносил дополнительные страдания; еще приговоренному оставляется некоторая свобода передвижения на кресте, чтобы он мог скользить вверх-вниз... ик-к, вверх-вниз... ик-к, скользить

подолгу, если не сутками, то уж несколько часов кряду, – говорящий раскинул руки и начал изображать телодвижения распятого. – Затем поперечину крепят к столбу и прибавляют ножи, которые так и ходят ходуном с переливами то крупной, то мелкой дрожи от уже полученного шока в руках палачей. Опять-таки мы имеем несколько способов. Опишу те два из них, что сам попробовал на заднем дворе, наказывая нумидиек, тьфу ты, за гордость, понимаешь? Не совсем нумидиек, конечно, нумидийцев, если быть точным, за отказ повиноваться в качестве гитонов. Понял меня, раб Белка? Ха-гх! Так вот: гвоздь может пронзить скрещенные ноги в подьеме, и та ступня, что ниже, ставится на полочку. Можно ноги поставить рядом и прибить сквозь сомкнутые пятки, и тогда распятый повисает таким изогнутым крючком.

— Урок превосходен, но он для меня не нов, – в наступившей тишине я не узнал собственного голоса. – Я могу сам рассказать, что происходит дальше. Распятый на кресте умирает от удушья. Вес тела, обвисшего на гвоздях, парализует мышцы брюшины и грудной клетки. Дыхание в нижней точке пресекается. На израненных ногах человек приподнимается, чтобы сделать несколько глотков воздуха. И так длится долго, очень долго, пока палач не проявит милость и не сломает голени, позволив

распятому умереть от удушья. Могу продолжать дальше. Иногда власти проявляют человеколюбие и распинают головой вниз. В этом случае человек умирает в считанные минуты. Как видишь, почтенный Геркулес, я тоже кое-что успел узнать и не напрасно тратил время, живя рабом Римской империи. Но скажу, что если бы я мог выбирать между клеймом раба, которое ношу на плече, и распятием, то отдал бы предпочтение второму.

— Так что же тебе мешает? Достаточно плеснуть в меня каплей вина или совершить попытку побега, и крест твой, Белка, гладиатор с Верхнего Борисфена!

— Однажды, это было еще на Родине, один из учителей сказал, что человек не может сам лишиться себя жизни, а также содействовать в этом никому другому. Только самые веские причины могут подтолкнуть к страшному шагу. А пока я их не вижу. Я выхожу на арену с мечом, потому что против меня выходят такие же вооруженные люди и не менее опасные звери.

— У них непростая теософия, Силан, – Фаустина дернула меня за локоть. – А вот и Авл с Варинием. Мы уже вас давно жаждали, – и, нагнувшись, к моему уху. – Пойдем, пока пар из этого самодура вышел, а нового еще не образовалось.

Патрицианка оторвалась от льняной сигмы и, вцепившись в мое запястье, потянула меня из столовой. Мы миновали целую

анфиладу сквозных комнат и узких извивающихся коридорчиков, прежде чем оказались на женской половине дома в небольшой, но с богатым вкусом убранной комнате, стены которой были задрапированы тканью с изображением эротических оргий. Посредине на небольшом возвышении из мраморных ступенек стояла кровать, занавешенная со всех сторон полупрозрачной газовой кипенью. В правом дверном проеме показалась фигура женщины.

— Алорк, все ли готово? — Фаустина щелкнула пряжкой на плече, и тога скользнула вниз.

— Да, госпожа, — ответила служанка, опустив голову так низко, что невозможно было разглядеть ее лица. — Можно ли подавать воду для омовения?

— Да. И я хочу устроить для своих глаз приятный отдых. Надеюсь, гладиатор не против, чтобы его тело мыли нежные руки служанки в моем присутствии? — Я...я. А можно не сейчас, то есть не сегодня? — смятение овладело мной. Никогда мое тело еще не испытывало радости от близости с женщиной, но в то же время я понимал, что это должно произойти не так. По вечерам возле гладиаторских казарм можно почти все время видеть спящих с подмалеванными глазами гитонов, тунитикатов, проституток и даже почтенных матрон, чьи лица, разумеется, закрыты фламеумом.

Мои товарищи неоднократно пытались подложить ко мне кого-нибудь из тех, кто считал гладиаторов своими кумирами. Но всякий раз находились с моей стороны причины уклониться от контакта. Иной раз я просто убегал, точно белка, либо от сладковатого запаха греховной плоти, либо от кожной сыпи, присутствовавшей почти у всех, кто не считал нужным быть в подобных вопросах избирательным.

— Не сегодня! Ха...дурачок! Так ведь завтра может быть поздно. Я по твоему лицу вижу, что ты девственник. Отказаться от подобного предложения не захотел бы ни один здоровый мужчина. Пользуйся моментом: не упусти свою награду за ратные труды. Кстати сказать: завтра вместе с императором Филиппом Арабом приезжает его любимый фракиец, по прозвищу Голубь. Слышал о таком? На прошлых играх в Вероне он вскрыл животы четверем очень сильным бойцам. Причем заканчивал поединки так, чтобы у соперника не оставалось ни единого шанса выжить. Он сам признался однажды в разговоре: «Сразившийся со мной узнает мою тактику ведения боя, поэтому в другой раз может воспользоваться знаниями, здорово попортить мне нервы!» Завтра сюда приглашены две пары гладиаторов. Скажу по секрету, от меня в немалой степени зависит:

кого с кем поставят, – Фаустина неприкрыто покупала близость со мной, от этого муторное состояние мое только усилилось. Наверно, я выглядел нелепо и жалко. Друзья не случайно всякий раз, видя мое смущение, называли меня пучеглазой редиской. Но здесь, помимо смущения, была тошнота, подкатившаяся к горлу желудочной горечью. Я едва сдерживался, давя приступы откровенной рвоты. Сил не хватало на сколько-нибудь внятный ответ. Положение мое спасла служанка Арлок. Входя в альков хозяйки, она зацепилась за длинную штору и выронила из рук кувшин с теплой водой.

— Ты неуклюжая ослица, Алорк!

— Да, госпожа.

— Ты будешь завтра утром наказана розгами!

— Да, госпожа.

— В следующий раз отдам тебя в порнотеатр драматургу Коррелию и попрошу его написать пьесу о том, как обезумевший от воздержания оселнашелсвоюлюбовь. Догадайся: кто будет главной актрисой в этом захватывающем спектакле?!

— Да, госпожа.

— Приберись здесь. А мы пока прогуляемся до бассейна, – Фаустина взяла меня под локоть и подтолкнула к выходу.

— Прости меня, храбрый Белка. Девчонка действительно неопытна. Обычно в таких делах прислуживает Акта. О, тебе бы понравилось. Жаль: приболела. В Африке есть свои

интересные обычаи. Например, делать обрезание женщинам. Этот обряд сохранился еще со времен хозяйничавших здесь когда-то пуннов, финикийцев. Сейчас их осталось крайне мало. Тем не менее, им позволено поклоняться Ваалу и его жене Баалат. Кажется, это так звучит. Акте сделали обрезание по всем правилам. Если интересуют подробности, могу рассказать. Представляешь: такая девушка, естественно обнаженная, моет тебя! Ну как, уже заводит? А я наблюдаю за вами обоими и вижу, как побеждает природа и возникает *anasurra rriara*. – Невеста Авла Мегерия неожиданно выбросила правую руку с развернутой в мою сторону ладонью. Я ощутил значительно ниже пояса ее цепкие, как у зверька, пальцы. – Ха-ха-ха. Не ожидал. Ты можешь и не хотеть Фаустину, а вот он хочет. И мы с ним никого спрашивать не собираемся. Правда, дорогой? Ну, ничего, терпим! Итак, наш путь к бассейну. О, это моя гордость! Подходи ближе к краю, не бойся, Белка!

Я подошел и посмотрел в каменную чашу, сплошь изрисованную: мифологические персонажи подводного мира в самых невероятных позах занимались любовью, держали в руках и плавниках винные кратеры, убегали друг от друга с эротическим подтекстом в движениях. Но я сразу даже не понял, чем все же

хотела меня удивить Фаустина, пока внимательно не посмотрел на дно, освещая путь взгляду факелом. Бассейн был заполнен водой, приблизительно до колена, может, чуть меньше. В бликах этого искусственного мелководья темнела фигура двухметрового крокодила. Когда я поднес факел, он судорожно дернулся, по всей видимости, вырванный из сна.

— Его зовут Нигер. Этот замечательный экземпляр привезен с Нижнего Нила. Эй...- Фаустина несколько раз хлопнула в ладоши.

Рептилия задвигалась, делая большие махи хвостом так, что вода бассейна пошла бурунами.

— Проголодался, дружок. Потерпи до завтрашнего вечера. Крокодил не должен быть крупным, иначе убьет жертву быстро и просто. Нигер тоже переросток, но ничего: завтра ему подрежут сухожилия на одной из задних лап, поэтому догонять жертву ему будет сложнее. Вид детских мучений особенно притягателен и высоко ценится любителями венацио, но не как бойни, а как настоящей эстетики. Для этих целей больше всего подходят мальчики семи-восьми лет, у профессиональных нищих их покупают за вполне приемлемую сумму.

— А, где же профессиональные нищие берут этих малышей? – даже я, успевший привыкнуть к виду крови на арене, ощутил ледяной холод под сердцем.

— Ну, вариантов множество. Первое: банальное воровство из-под носа зазевавшихся родителей или безалаберных педагогов. Второе: свалка. Правда, при втором варианте приходится несколько лет растить мальчика, потому как на свалках в основном грудные младенцы. Непосредственно перед венацио мальчика тщательно отмывают от многолетней грязи, завивают и стригут волосы, обрабатывают ногти и привязывают к спинке крылышки. Получается розовой ухоженный амурчик. Потом его опускают в бассейн, где ждет не дождется Нигер и...

— Фаустина, давай поговорим о чем-нибудь другом!

— Я тебя утомила своей болтовней? Прости! Если бы не эта неуклюжая Алорк, ты бы уже отлетал в блаженстве, а заодно и я.

— Я бы хотел сохранить силы для боя.

— Ты переел, и с непривычки тебя мутит. Бывает.

— Не только от еды.

— Согласна: гитоны не лучшее общество.

— Позволь мне уйти в казарму. А завтра встретимся.

— Ты...ты смеешь не принять мое предложение?! Безумец!

И тут я не поверил ей. Меня словно осенило. Ведь все просто, как то, что у человека две ноги и две руки. Конечно же, если меня завтра убьют, то слухи о благородной патрицианке и ее любовнике-

гладиаторе, не успев начаться, умрут, зато она успеет получить свое. Хотя может ли такой человек, как Фаустина, бояться слухов? Нет, я имею дело с чем-то нетипичным, с какой-то патологией: она получает удовольствие от вида мучений и смерти своих любовников.

Поэтому я нужен ей сегодня, чтобы завтра она достигла пика своего изощренного оргазма. Бой можно подстроить как угодно, ведь здесь нет арбитров и третиариев, а хозяину выплатить приличную сумму, не рассказывая о неприглядных деталях. Я был убежден в своей правоте окончательно и бесповоротно. Мои мысли были почти на правильном пути, не учли только одного: Фаустина думала еще изощреннее. — Хорошо. Дважды предлагать не буду. Но, скажу, завтра тебя ожидает великолепный сюрприз. Можешь идти. Выход знаешь.

Когда я покинул гостеприимное жилище и наконец оставил за спиной большое двухэтажное строение, скорее напоминавшее в темноте чудовищного монстра, окруженное великолепным садом с живой изгородью, было уже хорошо за полночь. Легкий ветер нес со стороны пустыни мелкий песок. Римляне считают, что пустыня пахнет смертью, поэтому очень часто приносят жертвы африканским богам, думая, что те проявят благосклонность к пришельцам и не обрушат в минуты

собственного гнева непогоду на их головы. Я, покрыв голову накидкой, заспешил к казарме, решив попытаться как можно скорее забыть весь этот вечер. Я научился не помнить, иначе давно бы потерял разум. Для этого нужно увлечь себя планами будущего дня, но никогда не забегать вперед очень далеко. Например, завтра утром посетить термы, предварительно хорошо размявшись в палестре, стараясь не думать о предстоящем вечере. Да, все так, но почему-то из головы не выходила служанка, кажется, ее зовут Алорк. Скорее всего, очень древнее финикийское имя. Когда-то здесь находилось сердце карфагенского царства. Римляне разрушили его до основания, поначалу запретив поклоняться оставшимся в живых финикийцам своему культу. Но время шло, и веротерпимый Рим принял в свой пантеон древних местных богов, прекрасно понимая, что воевать можно против армий, но не народа, в противном случае запреты породят волнения. Алорк! Я толком даже не смог разглядеть ее лица, только очертания профиля в полутемном алькове ее хозяйки. И руки. Руки, испещренные венами, познавшие тяжесть грубого труда, но не потерявшие тонкости и красоты. Такие руки да вдруг выронили кувшин с теплой водой? Трудно поверить. От всей ее фигуры веяло чем-то щемяще близким. Алорк. Почти, как Лока.

ГЛАВА 4

Сегодня Лока сказала мне: «Пришло время узнать, как выглядит Граница Миров». Между этой фразой и приходом Алвада в нашу деревню прошло три года. Я уже знал, что прежде, чем предстать перед Вааном, мне нужно пройти какое-то испытание. Я перебирал в голове различные варианты, думая, что меня будут испытывать на знания леса, животного мира, физическую подготовку. Поэтому готовился в последние недели особенно истово. Но все случилось иначе. Колгаст дал мне выпить какого-то отвара, после чего все тело стало ватным, а веки отяжелели настолько, что в пору было просить хоть самую Мару держать их вилами. Я провалился в доселе неведомое состояние, похожее на сон. Тело стало податливым и послушным. Я шел и, как три года назад, держался за посох шедшего впереди меня Алвада, с одной стороны, находясь в полном сознании, с другой, абсолютно не принадлежа себе. Я спал, ибо глаза мои были закрыты, но при этом видел. Шел, двигался, но тело не чувствовало ни стегających по лицу веток, ни колючек и шишек на земле. Оно не слышало ветра и не ощущало солнца. Только видело каким-то непостижимым оком. Мой поводырь подвел меня к берестяному коробу величиной с мой рост и знаком показал, чтобы я лег в него. Далее я уже наблюдал за

происходящим как бы со стороны, видел то, чего не должен был видеть: Алвад накрыл крышкой короб, в котором, скрестив на груди руки, покоилось мое тело; затем, подняв на плечах груз с помощью веревки, переместил его в вырытую яму. Несколькими мощными гребками, произведенными широкой деревянной лопатой, помощник волхвов засыпал яму. Повторюсь: я сам видел это, наблюдая за происходящим с высоты примерно в два человеческих роста. Неожиданно меня понесло вверх. И вот уже Алвад становится не больше лесного муравья, а деревья леса сливаются подо мною и напоминают безбрежное пространство зеленой воды. А я поднимаюсь все выше и выше до тех пор, пока высоко в небе среди облаков не появляется исполинская гора, уходящая вершиной в темнеющий свод.

Неожиданно на глаза упала кромешная тьма. Одна лишь тьма. Непроглядная, с запахом старого, неживого, лежалого дерева. Руки выбросились вперед, но уперлись во что-то твердое. Где я?! Первая же пришедшая в голову мысль едва не свела с ума: неужели в том самом коробе, который закопал Алвад? Ужас пробежал ледяной волной от кончиков ног до макушки, заставляя волосы на голове подняться дыбом. Только не поддаваться панике! Вытягиваю руки вдоль туловища. Спокойно. Щипаю себя за ногу.

Живой. Чувствую! Значит, живой. Пробую сделать глубокий вдох. Вдох, выдох. Дышится. Легко дышится! Да где же я? Собираюсь с духом и ударяю сразу двумя руками перед собой.

— Входи, Ивор. Я уже давно жду тебя, – с этими словами седовласый старец, опершись на посох, поднялся мне навстречу.

Я невольно отметил, что голос его был на удивление легок, словно апрельский ветер и лишен столь распространенного возрастного скрипа, правда, и другого ощущения, что голос мог, например, принадлежать человеку нестарому, не складывалось. Удивительное соответствие глубины тембра при всей его легкости с внешностью говорившего.

— Садись вот сюда, спиной к открытой двери, так ты будешь лучше видеть меня, – старик продолжил после небольшой паузы, словно предназначенной для того, чтобы я мог сравнить речь с тишиной. Звуковые краски его голоса так действовали, что мгновенно возникло ощущение давнего хорошего знакомства. Напряжения как и не бывало.

— Пришло время нам встретиться, Ивор.

Снова пауза, на этот раз явно для того, чтобы я смог спокойно разглядеть говорившего. Первое, что бросилось в глаза, льняная, расшитая ярким орнаментом тесьма, схватившая длинные

седые волосы и разделившая высокий морщинистый лоб надвое. Затем руки. Даже в плохо освещенной клетке они были хорошо видны: широкие тяжелые кисти с выпирающими костями и длинными узловатыми пальцами. Ярко очерченные, крупные коридоры крови и глубокие борозды, из которых явно не последнее десятилетие темнел мир космоса. Он сделал три-четыре шага вперед и оказался в освещенном дверным проемом квадрате. И тут я увидел его глаза. Точнее, огромно распахнутые бельма, словно бросающие вызов солнцу. Лучи упирались в них, как в глухую стену, не вызывая ни малейшей реакции: этот человек уже давно одной ногой стоял в потустороннем мире.

— Меня зовут Ваан. Это похвально, что ты, знакомясь с человеком, всегда смотришь на его руки.

— Тот самый Ваан, призванный решить мою судьбу?

— Тот самый, но насчет судьбы – сильно сказано. Читать мысли Родящего еще никто не научился.

— Что же все-таки со мной произошло?

— Смотря о чем ты спрашиваешь? Если о последних трех днях, то мирно спал. Во всяком случае, так выглядело внешне.

— Но человек не может спать три дня, как убитый, безо всякой на то причины? И потом, что значит: выглядело?

— А почему ты не спросил, отчего именно за тобой пришел Алвад? Но наберись терпения и выслушай всю историю. Твой отец Абаль и мать Кайле зачали тебя в первое полнолуние от зимнего солнцестояния. В это время многие стараются думать о потомстве, но далеко не у всех получается. Луна, как тебе уже известно, — это веретено Великой Матери. Она полностью показывает его, когда высказывает одобрение, читая мысли своего мужа. Но быть зачатым в это время мало, нужно еще суметь правильно родиться, то есть при полном веретене. Не только день, но и час выхода из чрева должны совпасть с настроением богини.

— Но ведь у луны существуют четко просчитываемые циклы?

— Да, все, как у людей. Ты разве не замечал? Не случайно нас в одно время не в состоянии выбить из колеи даже очень серьезные испытания, тогда как в другое — малейшая неурядица становится настоящей преградой.

— Видвут говорил мне об этом.

— Хорошо. Дальше мы уже начинаем наблюдать за ребенком, чье рождение совпало по двум правилам, и делаем свои выводы: если в полнолуние пошел первый зуб, то наверняка станет волхвом-воином или волхвом-охотником, если начал ходить — волхвом-травником, а произнес первый членораздельный звук — волхвом-судьей. Сложность в отношении

тебя заключалась в том, что ты показал первый зуб, начал ходить и говорить, конечно, в разное время, но всегда при полной луне, продолжал Ваан.

— Поэтому меня готовили сразу четыре волхва?

— Да, и во всех направлениях ты проявил недюжинные способности. Хотя поначалу сомнения имелись. Для воина ты и сейчас, мягко говоря, выглядишь достаточно худосочным, но Чарг сумел развить мышцы, а жилы сделать крепкими и выносливыми, превратив недостаток веса в преимущество за счет быстроты и легкости. Стрельба тоже покорила, хотя на первых порах Лока жаловалась на твою нетерпеливость.

— Почему охотников готовит женщина?

— Потому что в стрельбе по движущейся цели очень важна интуиция. А с этой стороны ни один мужчина никогда не превзойдет женщину. Что касается Видвута и его школы, здесь вопросов нет; ты проявил усердие и не раз демонстрировал врожденную глубину взглядов на многие предметы жизни, — Ваан набрал воздуха в грудь.

— Остается Колгаст?

— Тоже все хорошо. Нареканий со стороны травника нет, впрочем, я вообще никогда не слышал от него в чью-либо сторону недовольных речей.

— Значит, последнее, что я должен

пройти, – это Ваан, который сейчас стоит передо мной?

— Не торопись: есть еще Алвад.

— Разве Алвад – волхв? Он ведь даже говорить не умеет!

— Это ты думаешь, что не умеет. Алвад – мой сын. Ему не нужны те средства, которые используем мы, чтобы передать течение своих мыслей. Я беру его руки в свои и без труда слышу, о чем думает мой сын. Между нами давно существует язык, с помощью которого мы общаемся – осязание. Очень давно я придумал и разработал специально для него целую систему рукопожатий. Хотя и без нее я и он отлично понимаем друг друга, да – один слепой, другой – глухонемой.

— Зачем же он закапывал меня?

— И не думал этого делать. Ты увидел свои собственные подсознательные страхи. Твое второе Я восприняло уход от родителей из родной деревни, как разлуку навсегда. Иными словами, как смерть или переход в иной мир, откуда уже нет возврата. Но эта разлука очень желанна для тебя, во всяком случае, для твоего внутреннего Я, это точно.

— Но тогда мне должен присниться погребальный костер?

— Иногда наше сознание способно далеко забегать вперед, ибо оно не принадлежит нам, а является частью воображения Родящего.

— Ты хочешь сказать, что у далеких потомков нашего племени будут другие погребальные обряды,

один из которых я наблюдал при собственном участии?

— Всему свое время. Ты действительно находился на границе миров и, судя по тому, как выкрикивал во сне имя медведя, можно сделать определенные выводы. Они не очень утешительные, Ивор. Твое второе Я не очень-то нуждается в мире людей, сказать более правильно, ищет спасения на стороне.

— Что ты видишь плохого в этом? Видвут учил меня: далекие предки всех людей есть животные, именно они были первыми мыслями-образами Родящего.

— Тебя самого это разве не настораживает? Твой порыв к Локе оценен, но ведь он не более чем обыкновенный природный зов, поэтому ты о нем скоро забыл. И совершенно правильно с твоей стороны. Дело не в разнице лет между вами: к тому же, Лока еще молода. Просто волосы ее рано поседелели после посещения границы миров.

— При чем тут Лока?

— Согласен. На данный момент ни Лока, ни другой волхв не в состоянии сделать тебя частью мира людей. Да, ты будешь жить, работать, если надо честно служить своему племени, но внутренне останешься одиночкой. И это качество будет проявляться во всем: сражении, охоте, лечении больных. А настоящий волхв должен забыть о себе, только тогда ему

начнут верить.

— Этот вывод сделан лишь потому, что я звал медведя?

— Не просто звал, а всеми силами цеплялся за его рык. Мало того, медвежий голос смог ухватить тебя на границе миров, словно длинный гуннский крюк, предназначенный для выдергивания наездника из седла.

— Ваан, ты не можешь так говорить! Я люблю Локу, Видвута, Колгаста, Чарга, люблю свою семью и за всех готов умереть.

— Я не знаю, Ивор, почему в самой глубине своего сердца ты не доверяешь людям. Бесспорно, в тебе есть любовь, есть самоотдача, самопожертвование, но нет восхищения миром людей, нет восторга, нет спокойной и заполняющей сердце радости оттого, что ты ЧЕЛОВЕК. Конечно, ты не одинок: таких много. Иди, выбирай профессию, живи себе на здоровье.

— Вот как! Готовили, готовили и приготовили...

— Прости. Я так резко ответил лишь потому, что ты никак не можешь ухватить суть. Дело ведь не только в медведе. Многое в твоём поведении заставляет так думать.

— Что же, произошла ошибка? Веретено Великой Матери светило напрасно в час моего зачатия и в День Рождения!?

— Если бы я хотел уязвить тебя, то ответил бы, что богам

тоже свойственно ошибаться. И произнес бы неправду.

— Но что-то же можно исправить?

— Конечно. Иначе бы мы не встретились. Ты ведь наверняка хочешь спросить, что стало с тем юношей, за которым Алвад приходил до тебя. Инг ушел на север в родственное племя, потому что там умер волхв-травник.

— Я готов двинуться в путь хоть сию секунду. – Сердце мое рвалось на куски: мне хотелось, как можно быстрее, доказать, что я не такой, каким выгляжу в глазах Ваана. И все же! Все же что-то задел во мне старый жрец своей речью.

— Скажу сразу: дорога твоя будет нелегка, Ивор. Жизнь нашего племени – это слишком тесный мир для тебя. Человек не должен находиться в узилище по своей воле или из-за любви тех, кто ему близок. Поэтому уходи. Не ищи счастья рядом, в соседних племенах – не поможет. На Границе Миров ты хотел побыстрее вырваться в царство вечного света, не подумав ни о ком из нас. Не перебивай! Я же не говорю, что совсем ничего в тебе не шевельнулось. Но этого так мало! Самое большое испытание – сама жизнь. А Граница Миров помогла лишь кое в чем разобраться. Знаешь, почему поседела Лока? Она испугалась, что расстанется раньше времени с теми, кому считала своим долгом помочь. Тебе необходимо увидеть землю и народы, живущие на

ней, столкнуться с подлостью и коварством, познать жестокость и преданность, встретить свою женщину. И, может, тогда ты сам решишь: нужны ли мы тебе? Молчи. Тебе нечего возразить, ибо твои глаза видели только нашу землю, поэтому сравнивать не могут. Вот так! Ты ведь боялся встречи с Вааном. Наверное, неслучайно. Я желаю тебе, Ивор, счастливой дороги и надеюсь на твое возвращение. И помни: кто не родился, тот не должен бояться смерти.

Как только Ваан договорил, в дверном проеме выросла фигура Алвада, перегородив поток света. От возникшего полумрака сердце мое, и без того едва бившееся в груди, чуть окончательно не оборвалось в бездну безвременья. Верховный жрец вернулся на лавку в глубь избы, давая понять, что разговор закончен. Алвад тронул меня за плечо.

И вновь, как три года назад, я покорно шел за своим проводником, упираясь взглядом в его широкую спину, с той лишь разницей, что не держался, как слепое дитя, за посох.

Я думаю, будет лишним описывать, в каком состоянии находился мой пошатнувшийся дух. Да и нет таких слов, чтобы выразить это состояние. Конечно, я не считал Ваана жестоким, напротив, тяга к нему оставалась очень сильной. А вот обида на учителей была.

Спроси меня тогда: хотел бы я попрощаться с ними? Ответ один: нет! Уже потом, спустя много лет, на далекой чужбине я сумею понять замысел Ваана. Сумею понять, что действительно не нравилось во мне старому жрецу. А главное, сумею оценить их любовь и не только через те знания, которые они дали в дремучем лесу Данапра, – я каждой каплей своей крови начну ощущать это настоящее родство. Но все это произойдет не скоро. Пока же я плелся за Алвадом, лишенный своего дома, семьи, племени и такого привычного, знакомого и любимого мира родных лесов. Долбленка – так называется лодка для одиночного плавания – была уже готова. В носовой части покоились немногочисленные вещи: теплое платье на оленьем меху, короткие кожаные сапоги, шапка с откидным верхом, а также лук с колчаном стрел, длинный охотничий нож с упором и немного еды, в основном сушеное мясо и вяленая рыба.

Я ступил в лодку и прошел на корму. Проводник протянул весло. Все. Осталось лишь оттолкнуться от берега и поплыть вниз по течению навстречу полной неизвестности. И тут выступили слезы. Позор! Как же так! Пришлось уронить голову на грудь, дабы не показать эту слабость. Сколько-то мгновений я моргал, стараясь стряхнуть предательскую влагу, но, когда зрение прояснилось, увидел перед

собой смуглую ладонь Алвада с зеленым дубовым листком. Словно свет вокруг неожиданно стал ярче. Словно стиснутую отчаяньем грудь освежил ветер. Даже соленая горечь во рту немного отступила.

— Спасибо, Алвад!

Алвад кивнул и оттолкнул лодку от берега.

ГЛАВА 5

Целую неделю я плыл вниз по течению и лишь два раза увидел небольшие деревушки по берегам реки. Конечно же, жителей этих мест куда больше, но люди предпочитали не селиться близко от воды. Причин несколько. Первая: многие панически боялись обитателей подводного мира. Мы с детства знали, что русалки заманивают доверчивых путников своими песнями, а потом утаскивают на дно. Вторая, на мой взгляд, более существенная: слишком много лихих людей перемещалось по воде, живя убийствами и грабежами. Разбойники чаще всего появляются неожиданно, как снег на голову, и действуют так стремительно, что мирные жители порой не успевают укрыться в лесу. И тогда раздается великий плач по убитым и угнанным в рабство. Обычно этими разбойниками были либо готы, либо гунны, живущие много ниже по разным берегам Данапра, почти друг напротив друга и беспощадно воюющие

между собой. Короли этих двух народов имели огромную выгоду от торговли рабами. По соседству с готами и гуннами, также в нижней и срединной части течения, живут и другие племена, которые являются их данниками. Правда, все это я узнал потом, когда научился читать греческие книги.

Помимо обычных стрел с листовидным наконечником в арсенале моего колчана имелись гарпунные стрелы. Я был хорошо обучен не только охоте, но и рыбной ловле. К тому же Данапр изобиловал рыбой настолько, что не составляло труда подплыть к мелководью и настрелять нужное количество, прямо не выходя из лодки. Несколько раз я устраивал себе ужин из дичи. Спал же на берегу, забравшись под перевернутую долбленку.

Но случилось то, чего я никак не ожидал. Еще с вечера я подготовил себе немного рыбы, чтобы утром, не тратя время на ловлю, быстро запечь в углях и двинуться дальше. Поужинал хорошим окунем, напился речной воды и залез под лодку. Костерок оставался гореть напротив, освещая через пространство между бортом и землей внутренность лодки. Я не гасил его на ночь, предпочитая засыпать под уютный треск хвороста. Так было намного легче. Но оставлять костер в незнакомой местности на всю ночь, пусть даже тлеющий, — это нарушение всех

законов предосторожности. Но о них мне тогда совсем не хотелось думать. Особенно в те часы, когда мысли о смерти не выходили из головы. Да, действительно, в первые дни путешествия я то начинал сильно жалеть себя чуть ли не до слез, да что скрывать, слез пролилось достаточно; то всерьез задумывался над тем, как расстаться с жизнью, ибо уверенность в завтрашнем дне покидала меня. Почему я не выбрал смерть? Но в ее отношении существовал строгий запрет, доставшийся в наследство от предков, за соблюдением которого со всем тщанием следили волхвы. Мало того, несколько правил, в числе которых был запрет на самоубийство, вбивались в каждого ребенка родителями, едва тот начинал что-либо осознавать. Самоубийца не то что не попадает в чертоги вечного света, а вообще перестает существовать как мысль-образ Родящего, а потому не может родиться. Даже тела самоубийц никто не хоронил, их просто относили далеко вниз по течению и сбрасывали в воду на прокорм рыбам. Но подобные случаи были редки настолько, что не все столетние старики и старухи смогли бы вспомнить хоть один на своей памяти. Конечно, можно обмануть других и себя, а заодно и бога, хотя последнее выглядит по меньшей мере смешным, и убить себя, например, в воде во время рыбалки, разыграв несчастный случай. Но

тогда ты полностью исчезаешь, стираешься, становишься пустотой. Если жизнь по каким-либо причинам становилась человеку совсем невмоготу, то собирался совет старейшин во главе с волхвами, и этот вопрос решался ими. А потом звали волхва по имени Гор. Уход из жизни от его руки давал право человеку на последующее рождение и переход в небесную обитель. Исключение могли составлять преступники, которых осудило племя. В таких случаях сначала совершались определенные ритуалы, призванные стереть память о внутреннем Я, и только потом совершалось умерщвление плоти. Хотя подобные суды тоже являлись большой редкостью. Судьи чаще всего ограничивались лишением физической жизни, не отдавая приказа на стирание второго или внутреннего Я. Потеря Права на Рождение – это самое страшное, что может ждать человека нашего племени. Поэтому у подсудимого были, как правило, очень сильные защитники, назначаемые советом племени. Впрочем, и сами судьи, как я уже говорил, старались не прибегать к крайней мере. Они тщательно и подолгу разбирали действия преступника, вникая не только в дело, но и в особенности личности. Суд проходил открыто, на глазах всей деревни, чтобы дать возможность высказаться всем желающим. Затем приговоренного

запирали на день сутки в высоком срубе. В этом помещении без крыши над головой он прощался с небом. И столько же времени требовалось Алваду, чтобы сходить за Гором в далекий западный лес. Волхв Гор приходил в сопровождении одного или двух учеников. Молчаливые, в длинной серой льняной одежде, появлялись они в деревне, чтобы забрать того, кого осудило племя.

Еще ненадолго вернусь к теме самоубийства. Человек не имеет права умереть от своей руки, а также прибегать к посторонней помощи, равно как умышленно искать смерти, например, в бою, на охоте, специально подставляя тело под удары. Жизнь и смертью распоряжается только Родящий. Иногда его волю выполняет, как я уже говорил, Гор. Сохранение собственной жизни и жизни близких является главным для всех представителей велиматии на пути к царству вечного света. Иными словами, если есть хоть единственный шанс избежать смерти, то за него нужно цепляться изо всех сил, иначе рискуешь стать пустотой. А теперь попробуйте представить себя на моем месте. С одной стороны: нужно благодарить далеких предков за этот закон, позволяющий удерживать от рокового шага просто нестойких людей, вбивших себе в голову мысли о несчастной судьбе; с другой: подчиняясь ему, я сам стал смертоносной игрушкой

в чужих руках.

Утренняя заря только занималась, но до полного рассвета было еще слишком далеко, когда я услышал прямо над головой глухое рычание и тяжелый звук шагов. Ходили по днищу лодки. Затем черная псыная морда рванулась и заслонила пространство между бортом и землей, обнажая в оскале огромные желтые клыки. Я едва успел отпрянуть, иначе не миновал бы серьезных проникающих укусов. Но уже через мгновение долбленка катилась в сторону, а несколько мощных рук вязали мое тело. Все произошло настолько быстро, что я даже не успел до конца проснуться. Два бородатых человека схватили меня под плечи и поволокли. Связанные ноги бились по земле, а по лицу хлестала высокая трава, руки же, сильно вывернутые за спиной и крепко схваченные сырыми веревками, страшно ломило. Я попытался рвануться, но удар чуть ниже уха по шее вначале зажег в голове россыпи искр, а потом провалил во мрак.

Там, где я очнулся, было темно и стоял ужасающий запах. Вокруг все рычало, выло, хрюкало, ревели. Видны были только глаза: желтые, красные, зеленые. Я понял, что нахожусь среди животных. Исследовал руками пространство. Да, это была клетка, самая обычная деревянная клетка для животных, то есть я оказался в компании обитателей лесов.

Страх я не чувствовал. Первое, что пришло в голову – проверить, в порядке ли тело. Слава Родящему, ни переломов, ни каких-либо других серьезных повреждений не оказалось. Почему-то вспомнился наш разговор с Видвотом, когда я спросил: «Другие народы тоже являются мыслями-образами Родящего?» На что он ответил: «Конечно. Правда, бог может и не догадываться обо всем том, что есть у него внутри, ибо, как и мы, имеет сознание и подсознание. Даже Великая Мать не всегда может понимать мужа, а уж он самого себя еще реже». Старый Видвот совершенно искренне считал, что народы, не знающие, кто такой Родящий и Великая Мать, пребывают в полной темноте невежества, но по-отечески прощал всем и каждому их религиозные заблуждения.

Итак, в помещении стоял невообразимый шум, производимый животными, и все же сквозь него удалось услышать плеск волн и удары весел о воду. Сам собой напрашивался единственный вывод: я плыл, но плыл уже не по своей воле.

Прошло довольно много времени. Начиная просыпаться голод и не только у меня. Вспомнился Колгаст: «Если человек испытывает голод, значит здоров». Что ж, дичи вокруг много. Когда звери стали неистовствовать в своих клетках настолько, что судно начало

раскачиваться, квадратная дверь в потолке распахнулась и на всех нас, отвыкших от света, обрушился поток солнечных лучей.

Человек медленно спускался по скрипучей лестнице, громко выражая на неизвестном мне лающем языке явное неудовольствие.

В правой руке покачивался светильник, а левая держалась за ступени лестницы, не давая грузному телу упасть. Пока он спускался, я невольно обратил внимание на непривычную, даже нелепо-странную одежду: лоскутная кожаная юбка едва доходила до грязных коленок, ноги по щиколотку были затянуты в обувь, похожую на короткие сапоги с кучей разных завязок и ремешков, торс прикрывала безрукавка со шнуровкой по бокам. Коротко стриженная, по моим представлениям, голова и вовсе была не покрыта.

Человек подошел ко мне и поднес светильник вплотную к прутьям клетки. Потом, сдвинув засов, распахнул дверцу. Какое-то время, шурясь, оглядывал мою фигуру, недоуменно хмыкая, явно пытаясь ответить на вопрос: что же хорошего нашлось в этом заморыше, коль судьба предоставила ему такую замечательную клетку и великолепное общество представителей животного мира? Наконец волосатая рука метнулась в мою сторону, схватила за

волосы и потянула к выходу. Я не сопротивлялся, стараясь уповать на то, что Великая Мать отругает Родящего за нехорошие мысли и тем самым избавит меня от мучений. Не тут-то было. Волосатая рука проволокла мою несчастную плоть по палубе небольшого судна от центральной части до носа. Встряхнула и поставила на колени. Подняв голову, я увидел жесткое, безбородое лицо, иссеченное шрамами, с тонкими губами и скривленным на сторону носом. Голову закрывал бронзовый шлем с навершием из перьев. Одежда такая же, как у первого, с той лишь разницей, что поверх безрукавки пузырился на ветру алый плащ. Он что-то сказал мне. Не получив ответа, позвал одного из помощников. Пальцы, пахнущие рыбными потрохами и одновременно звериными нечистотами, разжали мой рот и стали ощупывать зубы. Спустя год я узнал, что это были римские солдаты специальной егерской манипулы, в обязанность которых входила добыча и доставка хищных животных для амфитеатров Вечного Города и всей необъятной империи. Римляне так сильно любили гладиаторские мунеры и звериные травли, что почти полностью истребили несчастных животных в ближайших от себя лесах, саваннах и пастбищах. Поэтому и появились специальные егерские подразделения при

армии, промышленявшие не только в отдаленных провинциях, но даже в чужих, не присоединенных к Риму, землях. Эти манипулы, сами больше похожие на стаи хищников, рыскали и с жестоким рвением отлавливали четвероногих. Они далеко поднимались вверх по течению Борисфена и здесь столкнулись с новым отважным и ловким зверем, идеально подходившим для венацио. Я говорю о рыси. Немало смелых и умудренных опытом охотников окончили жизнь в коварных разящих лапах. Зимой этот зверь уходил из капкана, перегрызая себе лапу. Летом сливался с корой деревьев так, что мог подпустить добычу на вытянутую руку. А уж если рысь атакует, то шансов на спасение, как правило, не бывает.

Но вернемся к нашему повествованию. Итак, вонючие цепкие руки перешли от зубов к телу. Долго и тщательно ощупали каждый сустав, каждый мускул, проверили целостность костей на руках и ногах. Наконец голос над ухом одобрительно буркнул. Сидящий на бочонке тонкогубый человек в ответ кивнул, затем встал и неожиданно носком правой ноги нанес мне удар в область печени. Но как ни старался он быть внезапным, тело мое инстинктивно успело отреагировать еще быстрее. Чарг научил меня правильно встречать подобные выпады. В момент контакта нужно, хорошо

согнувшись, выдохнуть воздух и напрячь мышцы брюшного пресса. А дальше действовать согласно ситуации: атаковать самому или... Я выбрал второе: изобразив на лице гримасу нечеловеческой боли, издав тяжелый стон, повалился лицом на доски палубы. Чарг говорил: «Не можешь победить, притворись побежденным и выжидай удобный момент!» Меня окатили холодной речной водой и поволокли в трюм, где обмякшего бросили в клетку. Через какое-то время снова пришел человек со светильником. Отворил дверцу и просунул миску с густой ячменной кашей и стал смотреть. И опять вспомнился Чарг: «Смотри внимательно. Белка во время еды отворачивается, но все видит и чувствует спиной!» Я схватил миску, повернулся спиной к светильнику и стал быстро куском хлеба отправлять кашу в рот. Делал это так, чтобы внушить захватившим меня людям мысль о том, что перед ними самый настоящий дикарь, помыслы которого дальше еды простираться не могут, в силу необратимой умственной ущербности. Тогда я был слишком далек от того страшного мира, с которым по велению судьбы столкнулся, но, тем не менее, привитая волхвами осторожность заставляла искать способы защиты. Еще когда меня волокли по палубе обратно в трюм звериной неволи, глазам открылась леденящая сердце картина:

изможденные, исхудалые до жути люди под монотонные удары деревянного молотка взмахивали веслами. Беззубые, провалившиеся рты тянули заунывную песню, а руки, прикованные цепями к внутренней части бортов, сочились на запястьях кровью. Обнаженные торсы их были покрыты гноящимися струпьями. Спины у многих иссечены хлыстами так, что трудно увидеть живую кожу. Весь вид этих длинноволосых, заросших гребцов вызывал тошнотный ужас. Как только я увидел их, то сразу мелькнула в голове мысль: «Делай, что хочешь, но не окажись прикованным цепью, иначе – смерть!» Потому-то я и начал изображать из себя дикое лесное существо, не способное выполнить ни одного, даже самого простейшего, задания. Хотя выполнить задуманное оказалось непросто. Человек со светильником, всякий раз принося еду, подолгу следил за каждым движением, сверля выпуклыми налившимися глазами, вдобавок зловеще подсвеченными снизу.

На четвертый день мой корабельный тюремщик поверил, то есть принял игру за чистую монету. Он уже не останавливал на мне своего долгого взгляда, а быстро ставил еду и отворачивался кормить других обитателей трюма, иногда даже забывая задвинуть засов на моей клетке. Правда, перед уходом все равно проверял, как

заперты дверцы узилищ. Но и этого уже было много. Я стал следить, конечно, украдкой, из-под руки, сильно вывернув голову, отчего мой вид еще более напоминал дикаря. Вскоре человек со светильником окончательно утратил ко мне интерес и все внимание отдавал хищникам. К своему немалому удивлению, я обнаружил, что он любит животных. С одними подолгу разговаривал, с другими начинал играть при помощи длинной палки, а маленького медвежонка, который жил в соседней от меня клетке, вообще частенько выводил на палубу, обвязав его шею веревкой. У меня начал зреть план. С первой задачей я справился, а именно: удалось избежать участи прикованного гребца. Теперь нужно готовиться к побегу. Но как осуществить подобное мероприятие, если даже приблизительно не знаешь ни своего местонахождения, ни количество человек, охраняющих тебя, ни расстояния до берега? Поначалу я думал улучшить момент, когда клетка не будет заперта на засов, выпрыгнуть, оглушить стража и, взбежав по лестнице на палубу, сигануть в воду. Но эту мысль пришлось отбросить. Во-первых, наверняка на корабле есть неплохие стрелки, способные поразить барахтающуюся в воде цель. Во-вторых, весельное судно двигается намного быстрее пловца и способно хорошо маневрировать.

Страшно представить, что со мною бы сделали, когда настигли. Лучший исход, если просто прибили багром. Но что-то уже тогда подсказывало моему сердцу, что эти люди не остановятся на обычной смерти. И чутье в который уже раз не обмануло меня. Вскоре я узнал, какая участь ждет беглого раба по римским законам – мучительная казнь на кресте. Так что вполне возможно, попробуй я тогда реализовать свою безумную затею, то корчился бы распятым на одном из двух берегов Борисфена в качестве напоминания проплывающим мимо судам, что с Римом шутки плохи. Что касается римских солдат – это искусные палачи! Уж они бы постарались, чтобы смерть отделяла дух от тела медленно, в течение нескольких суток.

Может ли человек длительное время находиться в одном помещении с дикими животными? Ответ на этот вопрос вы получите после того, как столкнетесь с римлянами. Вряд ли мое предпочтение заслуживает критики. Я не буду злоупотреблять вниманием читателя, подробно описывая свое существование в клетке. Скажу лишь, что принимать пищу и справлять естественные нужды я учился у своих соседей по неволе. Вдобавок я так пропах звериным духом каждой клеткой организма, что сам стал неотъемлемой частью их мира. Сидя в плотном, почти

непроливаемом мраке, я привыкал к другому языку общения, пытаюсь постичь глубокие оттенки боли, страсти и тоски. Да, тот урок, который мне приподнесла жизнь, не шел ни в какое сравнение с уроками старого мудрого Колгаста.

Как-то под утро (к тому времени был потерян счет суткам, потому не могу сказать точно в численном отношении) мне удалось отломить от половой доски в клетке довольно длинную щепу. Один конец я, как мог, заострил зубами. И стал ждать. Вот люк заскрипел, и грузная фигура нашего тюремщика начала спускаться по лестнице. Через несколько минут все обитатели трюма были поглощены едой. Человек со светильником ходил взад-вперед, с неподдельным интересом заглядывая чуть ли не в рот каждому из нас. Улучив момент, когда он повернулся спиной и отошел подальше, я, потянувшись, вонзил острый конец щепы в подушечку лапы медвежонка. Тот ошалело взвизгнул и стал метаться по клетке, подгибая раненую конечность. Словно по сигналу, остальные звери тоже заголосили. Трюм в одночасье огласился рыками, хрюканьем и рычанием. Некогда вольные обитатели лесов принялись неистово царапать пол, кидаться на ограждения, обнажая готовые к бою клыки. Человеку со светильником оставалось только одно: как можно скорее ликвидировать

источник всеобщего возбуждения. Он схватил медвежонка на руки и побежал с ним к лестнице. В это время я просунул руку между прутьями решетки, отодвинул щеколду и, высунувшись, открыл дверцу клетки напротив. Помните: я рассказывал о рыси. Так вот в той клетке была именно она. Едва я успел убраться под защиту своего узилища, как зверь выпрыгнул и рванулся на свет, падавший из люка. В мгновение ока мощная кошка опрокинула не успевшего подойти к лестнице стража и, оттолкнувшись от его тела, взмыла вверх. Следующим на свободе оказался волк, который тоже устремился вслед за рысью. Затем медведица. Безумно визжал вепрь, просясь убежать из клетки, но я хорошо понимал, что ему не удастся преодолеть крутую лестницу, зато выход своей тушей он загородит основательно. Поэтому пришлось сказать: «Прости, брат!». Я поочередно выпускал волков, рысей, лис. Все они бежали на свет, гонимые инстинктом, при этом оставляя следы от когтей на бедном страже, лежавшем на полу. Светильник валялся рядом: из него вытекла жидкость и разлила пламя на несколько шагов вокруг. Затрещало прихваченное огнем дерево. Черный дым затопил пространство трюма. Оставшиеся в клетках звери страшными голосами звали на помощь. Но всем я бы помочь не сумел. Мои легкие

горели, а в глазах уже начинали плавать круги вечного сна. Нужно было торопиться. Выскочив из клетки, я подбежал к стражу, схватил на руки верещавшего медвежонка и взбежал по лестнице. Моим глазам открылась картина, достойная гомеровского пера: люди метались по палубе, пытаясь спастись от когтей хищников, некоторые бросались за борт. Все происходило в наползавшем из трюма дыму. Это было первое венацио, увиденное мною. Словно судьба уже начала готовить неискушенное сердце юноши к предстоящим испытаниям.

Откуда-то из-за угла вывернулся прямо на меня тонкогубый. На секунду замешкался. Этого времени мне хватило, чтобы размахнуться и нанести удар ногой прямо под нижнее правое ребро, а если точнее, по печени. Тонкогубый охнул и стал оседать с выпученными не столько от боли, сколько от удивления глазами. Но вот уже на меня бегут еще двое, обнажив мечи. Одному из них я бросил в лицо медвежонка, который так обезумел от страха, что готов был рвать длинными иглами когтей все, что подвернется под лапу. Интересно, оставил ли хоть что-нибудь косолапый от кожи того человека? От второго я ушел кувырком в сторону и бросился к борту, расталкивая оказавшихся на пути людей. Толчок – и синяя гладь воды отразила худую вытянутую тень. Первое, что я хотел сделать, –

это напиться, после всего того, что произошло со мной за несколько недель. Пить и пить чистую воду Данапра и знать: ты свободен. Но, о боги! Меня чуть не вывернуло. Вы уже догадались? Да, вода была соленая, ибо наш корабль находился в море, о котором я никогда ничего не слышал и даже представить себе не мог, что оно существует.

Первые минуты я плыл, гребя изо всей силы, не оборачиваясь, хотя, конечно же, хотелось взглянуть хотя бы одним глазом, что творится на судне. Но страх оказаться вновь в руках тех людей гнал меня прочь, как ошпаренного. Вскоре измождение, полученное за время длительного пребывания в плену, дало о себе знать. Руки и ноги сковало ватной усталостью, во рту появился привкус крови, а в глазах зазеленели многочисленные круги. Пришлось лечь на спину. Откуда-то издали доносились отчаянные крики и брань. Я молил богов об одном: чтобы в суматохе обо мне окончательно забыли и чтобы ничей случайный взгляд не обнаружил плывущего человека. Когда расстояние между мной и судном стало приличным и можно было не опасаться стрелы, я решил оглядеться. Словами охватившее меня состояние передать невозможно. Представьте себе человека, который шире верховья Данапра никакой другой воды не видел, вдобавок, хоть и умевшего плавать, но все же воспитанного

в мистическом страхе перед ней. И вот этот человек поднимает голову и видит необъятную синюю гладь. И только где-то вдалеке затянутая дымкой темнела полоска берега. До корабля было гораздо ближе. Но я решил плыть: будь, что будет! Если догонят, значит, приму мученическую смерть, но лучше погибнуть в волнах чужой соленой воды. Взяв ориентир да далекий берег, я снова лег на спину, закрыл глаза и стал, экономя силы, не торопясь грести. Сколько часов минуло с того момента, как я прыгнул за борт корабля, не имею представления. Скажу: немало. Я отметил, что держаться на соленой воде гораздо легче, чем на данапской. Вообще, если бы не злоклучения, то сколько удовольствия можно было бы получить от купания в море! Мне кажется, что я даже, нет-нет, да проваливался в короткий сон, из которого возвращала мягкая ладонь волны, накрывавшая лицо. Температура воды постоянно менялась. Когда становилось прохладно, я начинал работать руками с удвоенной быстротой, тратя драгоценную энергию. Наконец силы почти покинули несчастную плоть. Я просто лежал на воде, повинаясь течению, которое несло меня неизвестно куда, совершая движения лишь для того, чтобы удержаться на плаву, временами проваливаясь в полузабытье. Внутри при

этом было пусто, так пусто, что даже отчаянье не посещало еле теплившуюся душу. И небо было голубым и бездонным и тоже абсолютно пустым: ни единого облачка. Наверное, череп Родящего в этот момент не был обременен мыслями. Я даже не услышал, что шум воды несколько изменился. Пахнуло мокрой древесиной. И через секунду моя голова ударилась обо что-то твердое. Потом прямо перед лицом появилась веревочная лестница. Я ухватился и попытался подтянуться. Но на это истратилась последняя капля физических сил – пальцы разжались, и тело мое, теряя сознание, заскользило под воду.

ГЛАВА 6

— Нет, Цетег. Мы напрасно провозимся с этим дохляком. Думаю, будет лучше, если мы отдадим его законным хозяевам. Кстати говоря, они, кажется, справились с пожаром.

— Поверь моему опыту, Скавр. В этом мальчишке сидит хорошая пружина.

— Да, он тощий и вообще несуразный. Длинные руки и ноги, неширокие плечи. Тьфу ты, кожа да кости! Рисковать из-за него миром с егерями специальной манипулы я не хочу!

— Вот смотри, уважаемый Тит, он еле стоит на ногах, его всего трясет от измождения и голода,

кажется, что, ткни пальцем, тело рассыплется в прах. Ан нет! Вот я бью справа, и против моей руки выставлена защита. Вот слева, и корпус отклоняется так, что можно провести хороший контрприем. При ударе в живот он вовремя выбрасывает воздух и напрягает мышцы. Клянусь Юпитером, Скавр, его готовили. Это боец. Сознание не до конца вернулось к нему, но какова мышечная память!

— Но ты ведь не бьешь, а гладишь, дорогой Цетег. И потом, неужели ты предлагаешь надеть на него гладиаторскую лорику сигментату?

— Именно. И ты не пожалеешь, Скавр. К тому же из Амастрии мы, действительно, возьмем жалкий сброд, половина которого вообще не доживет до Африки, а другая половина годна будет только на роль грегариев. А нам нужны бойцы! Настоящие фехтовальщики, способные годами сражаться на арене. Гладиаторы, которых ты, уважаемый Тит Клавдий Скавр, мог бы за хорошие деньги отдавать в аренду квесторам и преторам и всем прочим недоноскам, мечтающим о славе и народной любви.

— Но не из этого же чучела делать того, о ком ты говоришь!

— Посмотри на меня! Только внимательно.

— Ну?

— Что ты видишь в моем телосложении? Может, огромные мышцы, широкие плечи, исполинский рост или, на худой

конец, хотя бы кряжистость? Нет, ничего подобного во мне нет.

— Но ты и не гладиатор. Уже давно.

— Но ведь я им был, пока не заработал рудий.

— Не знаю, Цетег, что сейчас движет тобой, какие чувства проснулись в твоём сердце, но ты явно неправ. Мальчишка умрет в первом же бою, не доставив зрителю даже крохотного удовольствия. И над моей школой опять начнут смеяться. Мало того, я потеряю хорошие контракты и буду догнывать свой век вместе с гладиаторием на задворках империи, развлекая обедневших всадников и патрициев.

— Я обещаю тебе, что этого не произойдет. Мальчишка будет драться и очень хорошо драться. В конце концов, что ты теряешь? Ну, будут мелкие неприятности, и то только в том случае, если его обнаружат. Но ведь обнаружить его невозможно. Людям на том судне сейчас явно не до него. Веселая музыка их переполоха, разлившаяся на сотни и сотни локтей, красноречиво подтверждает мои слова. Кстати, я бы много дал, чтобы узнать, кто повинен в такой панике.

— Да уж! Зная римских егерей и их основательный порядок, неукоснительную дисциплину, тяжело поверить, что что-то могло случиться по вине простого недогляда.

— То-то и оно, дорогой Скавр.

— Уж не думаешь ли ты...?

— Я могу только предполагать, но располагать могут лишь боги.

— Интересно, сколько времени тебе понадобится, чтобы обучить этого дикаря?

— Смотря какие цели мы преследуем... Если для выступления, как ты выразился, на задворках или на частных вечеринках, то пару месяцев. Если в серьезных мунерах на песке больших амфитеатров, то год, может полтора.

— Ты хочешь сказать, что я должен кормить этого дохляка целых полтора года?

— Хорошо. Сделаем следующим образом: ты отдаешь его мне, а через два месяца я показываю тебе товар. Дальше ты все решишь сам.

— Забирай, фавн красноречивый. А егерям мы не поможем в тушении пожара?

— Я думаю, сами справятся. Мало того, если сунемся, еще подумают, что смеемся над ними.

Спустя несколько месяцев весь этот недолгий разговор, слово в слово, пересказал мне ланиста Цетег, после того как я начал сносно говорить на латыни. А в тот день он железной рукой взял меня за локоть и повел на корму. Я чувствовал, что эти двое с выбритыми подбородками спорят обо мне. Кстати говоря, безбородые лица римлян производили на меня, привыкшего видеть бороды у взрослых мужчин,

неприятное впечатление.

На корме в колодках томилось десятка полтора мужчин. Мои ноги тоже не миновала сия чаша. Цетег, сняв с себя грубый шерстяной плащ, бросил его мне. Мой взгляд невольно упал на короткий широкий меч, висевший на поясе ланисты.

— Гладиус! – показал римлянин пальцем на оружие.

Так я узнал первое латинское слово.

Передо мной поставили деревянную плоску с водой, покрытую внушительным ломтем черного хлеба. Воду я выпил залпом, не притронувшись к еде, и протянул руку с посудиною, показывая взглядом, что хочу еще. И снова выпил. Потом еще и еще, пока обожженное жаждой и соленой водой нутро не пришло в норму. И только после этого вонзил голодные зубы в хлеб. Съел все до крошки, не замечая никого и ничего вокруг себя. Дальше палуба почему-то резко качнулась и стала стремительно приближаться. Тоц! Это мой лоб ударился о влажные доски. Звук раздался где-то внутри затылка и тут же погас. Я провалился в сон на целые сутки.

Когда очнулся, все так же ярко светило солнце. Нет, еще ярче. И еще жарче. Я натянул на голову подарок своего будущего ланисты. Плащ прикрывал кожу от палящих лучей и давал отдых глазам. Но даже под ним я удивлялся: насколько пылающим может быть солнце!

Даже когда я зажмурился, оно светило во мне, наполняя плоть до кончиков пальцев иссушающим сиянием. Но спать больше не хотелось, потому, привстал на локте, огляделся в одну сторону, затем в другую. Люди сидели и лежали в неестественных позах, за счет того что одна нога у каждого находилась в колодке. Многие были невероятно исхудалыми, из-под некоторых вытекали лужи испражнений. Вообще, вонь стояла невообразимая, хлеще той, которая была в зверином трюме. Два лысых эфиопа утром и вечером окатывали нас соленой водой, а заодно смывали грязь, но этого было явно мало, потому что многие колодники страдали болями в животе.

Тяжелая рука опустилась на мое плечо. От неожиданности я даже вздрогнул. Пришлось вывернуть голову, чтобы увидеть заросшего по самые глаза светло-рыжей бородой человека.

— Веян, — он ткнул себя пальцем в грудь.

— Ивор, — то же самое сделал я.

— Будь ты и мой вместе. Ты удивляйся? Я немножко знаком твой народ. Велимати, так?

— Та-ак?

— Живете наверху Данапра, так?

— Ну.

— Мой народ сармат. Мы очень близко говорить и думать с твой народ.

— Как ты узнал, что я велимати?

— Это, — Веян кивнул на мою

обувь. — И это. — Рука протянулась к ожерелью на моей шее. — Зубы волк, так?

— Так.

— Мой деды говорили, что когда-то велимати был много. Сейчас поменьше, потому что ушел на север в лес. Так?

— Наверное.

— Вы хороший охотник и орайт. И совсем не любить воевать. А еще открытый и очень-очень доверять всем.

— Куда нас везут, Веян?

— Я немного говорить и понимать латынь, потому что отец торговал с разным миром. Отец разорился. Потом его убили те, кто давал в долг денег и товар, а меня продал в рабство. На одном рынке купил один, на другом рынке перепродал. И так шесть раз, пока не оказался в Амастрий на Понте Евксинском. В Амастрий приходят за рабом римлянин. Через полтора года будет тысяча лет Риму. Он очень большой империя. Очень. Судя по солнцу, нас везут в Африка. Я хорошо владеть акинак, сразу два акинак — это меч такой, покороче немного скрамасакс, зато сразу в двух руках. Научился, когда охранял караван отца. Ну, был начальник охрана. Цетег, тот самый, что тебя спас, во мне распознал воин. Просто сделал: дал в руки меч и сказал: «Отбивай». Я отбил все его выпад. После этого он сказал про Рим и что во время празднования тысячелетия будут хороший арендный предложения от

устроителей гладиаторских мунер. А так как я достался за малый сестерций и платить мне ничего не надо, потому что раб, то на мне можно сделать неплохой прибыль. Вот и тебя такой ждет судьба.

— Такой – это какой?

— Гладиатор – это тот, кто должен выходить и убивать, развлекая народ Рима.

— Кого убивать?

— Неважно кого. Или такого же, как он сам, гладиатора, или зверя.

— Выходит: сегодня мы сидим, разговариваем мирно, а завтра будем биться?

— Так может быть, но все же это большой редкость. Насколько я знаю правил, то гладиаторы одной школы друг с другом не сражаются. Поэтому предлагай тебе мой дружба, – Веян протянул хоть и исхудалую, но жилистую и тяжелую руку.

— Ты сказал, что нас везут в какую-то Африку?

— Да. Там жарко. Там много различных религия, и там любить бои на арене. Ты умеешь владеть меч или рогатина?

— Хорошо бью из лука, да и меч в руках держал.

— Давай будем помогать друг друга. Мой хорошо владеть два акинаки, по-вашему – мечи. И стрелять тоже хорошо мой уметь. Но все я это я могу только в седле, а пешим плохо уметь. Научишь?

— Помогу. Самому, правда, еще учиться и учиться.

— Я знаю: в гладиаторской казарма живут по два человека. Я попрошу Цетег, чтобы мы жил вместе. Ты не против?

— Чего уж спрашивать. Веян, ты сказал, мол, знаешь латынь?

— Немного. Говорить могу.

— Научи меня.

— Очень хорошо научу. Лучше меня будешь говорить.

Около двух недель продолжалось наше плавание по синему морю. За это время Веян рассказал мне об Африке. Я узнал, что в той земле, куда мы плывем, некогда жили финикийцы, которые считались очень хорошими купцами и зодчими. Но погубила их страшная, требующая человеческих жертвоприношений религия – культ Ваала. И вот почему. Некогда пунны населяли много островов, имели колонии в Испании, но столица находилась в северной Африке и называлась Карфаген. Это было очень мощное царство с крепкой экономической базой и имело профессиональное войско, состоявшее в основном из греческих наемников. Рим же только-только поднимал голову. Но именно тогда произошла закладка того, что сейчас называется римской доблестью и нравственностью. Да, не было монументальных сооружений и огромных завоеванных территорий, но уже существовал сенат и появились зачатки знаменитого Права. Это была эпоха республики, в которую высшая власть в Вечном

Городе принадлежала выборным должностным лицам – магистратам, состоявшим из двух консулов, двух цензоров, двух преторов, четырех эдилов, десяти плебейских трибунов и четырех квесторов.

Несколько столетий отношения между Римом и Карфагеном были дружественными. Они даже выступили единым фронтом против общего врага – царя Пирра. Но, разгромив его, через полтора десятилетия сами вступили в период кровопролитных и продолжительных войн. Я не очень хорошо понял, что послужило поводом к военным действиям, скажу лишь, что первая Пуническая война длилась двадцать три года и закончилась поражением карфагенян, которым пришлось отказаться от Сицилии, кроме Сиракуз. Потом римляне нарушили договор и захватили острова Корсика и Сардиния. Но у ослабленного войной Карфагена не было сил сразу развязать еще одну войну. Впрочем, ждать пришлось не очень долго. Как только погиб Гамилькар в одной из стычек с иберами, вождем карфагенян был провозглашен его сын Ганнибал. Заручившись поддержкой своих старейшин, этот талантливый полководец двинул войско в беспримерный по тем временам поход – через Пиренейские горы в Галлию к реке Родан. Он удачно осуществил переправу через быстрые воды, перебросив на

противоположный берег боевых слонов, пятьдесят тысяч пехоты и девять тысяч конницы. Разгромив союзников Рима – кельтов, он бросился в Альпы. Две недели продолжался переход через горы. Карфагеняне потеряли половину пехоты, треть конницы и почти всех слонов. Но, тем не менее, путь на Рим был открыт. Римляне трепетали, опасаясь, что вот-вот Ганнибал появится у стен города. Но и самому карфагенскому полководцу была нужна, как воздух, быстрая победа, потому что силы войска истощались мелкими стычками с римскими отрядами и их союзниками. К тому же продовольствия катастрофически не хватало. Нельзя забывать, что Ганнибал вел войну на чужой территории. Армия пуннов таяла на глазах. Подумать только, им не хватило несколько тысяч профессиональных солдат, чтобы пойти на Рим и изменить ход мировой истории! И все же величайшее сражение произошло на рассвете второго августа, вошедшее в историю как Битва при Каннах. Огромная римская армия численностью восемьдесят тысяч пехоты и шесть тысяч конницы выстроилась на равнине близ реки Ауфид недалеко от городка Канны, где уже поджидали карфагеняне. Они заняли более удачную позицию: спиной к солнцу, которое било в глаза римлянам. Учел Ганнибал и постоянно дующие в Апулии сухие

пыльные ветра. Иными словами, карфагенский полководец захватил стратегическую инициативу, а у него было всего сорок тысяч пехоты и десять тысяч конницы! Римлянин Варон решил ударить по центру вражеских построений сомкнутыми рядами. Прекрасно понимая, что лобового удара его малочисленное войско не выдержит, Ганнибал применил невиданную тактику. Он разместил войско подковой, выпуклой стороной к противнику. Под ударом римлян полумесяц прогнулся назад. В изгиб двинулись римские войска, а твердо стоявшие отборные отряды пуннов охватили неприятеля с флангов. Конница же пуннов, разгромив римскую кавалерию, нанесла удар по тылам. Римские легионы оказались в кольце. Началось беспощадное избиение. После двенадцати часов битвы на поле остались лежать пятьдесят четыре тысячи римских легионеров. По крайней мере, так было, по слов Веяна. Но я слишком увлекся тактикой и стратегией войны. Добавлю вкратце: пунны все же уступили и во Второй Пунической, а затем и в Третьей. Римляне до основания разрушили некогда цветущий Карфаген, стерли с лица земли великолепные памятники зодчества и архитектуры. Чем объяснить такую ненависть к побежденным? Мой первый учитель по Римской истории Веян считал, что она крылась в мистическом ужасе

перед культом Ваала. Собственно и в войнах римляне победили лишь потому, что правда стояла на их стороне. Священная правда. Но это опять же со слов Веяна.

Территория Карфагена была предана вечному проклятию. По этому месту прошли плугом и засеяли солью в знак того, что здесь не должен отныне селиться ни один человек. Уцелевших жителей города ждало рабство. Бывшие владения Карфагена были превращены в провинцию Африка.

Теперь я имел, ну если не полное, то вполне цельное представление о землях, которые должны были стать моим вторым домом.

ГЛАВА 7

— Палус. Это палус. Твой единственный друг и товарищ, которому ты можешь доверять все свои сокровенные мысли и чувства. Никому другому раскрывать себя не советую, если хочешь прожить долго. Хотя понятие «долго» очень относительно в нашей профессии, — Цетег говорил так, словно откусывал каждое слово своими острыми зубами. Откусив, неторопливо жевал, чтобы я запоминал правильность произношения. Прошло четыре месяца с тех пор, как меня подобрал корабль Тита Скавра.

— А это балтей. Повторяй за мной, вихрастый умник, а не кивай своим деревянным лбом. Пятьдесят раз повтори слово «балтей», затем

«скутум», «гладиус» и все, чему я тебя учу. Ты, конечно, способный, но карцера тебе не миновать. Засажу вместе с Вейном и не выпущу, пока наизусть не начнете декламировать «Илиаду». Итак, снова палус. Палус – это...? Ну!

— Палус – это деревянный столб для отработки ударов мечом. Иногда этот термин служит также для обозначения ранга гладиатора.

— Правильно. Но если ты будешь так отвратительно произносить, то сам станешь «палусом» или еще хуже. Догадайся с трех раз. Что есть подиум?

— Это задние ряды... Ой!

— Еще одна такая ошибка, и я заставлю тебя сходить к полке за пирожком. Там их два, но ты должен будешь взять средний. А не справишься: я не виноват. Итак, подиум?

— Подиум – первый ряд мест в амфитеатре, предназначенный для знатных зрителей; его стена ограждает арену по периметру.

— Неплохо. Локоть при ударе далеко не отводи. Сила в плече. Выпад. Шаг назад. Выдох на шаге. Укол с разворота. Раз. Два. Три. На слове «три» скутум должен вернуться в исходное положение. Забудь, говорю тебе еще и еще раз, о рубящих ударах: ты не у себя в лесу. При замахе открывается половина туловища. Представь, что тебя атакуют сразу двое.

— У меня есть ноги. Очень быстрые ноги.

— Да ну! Сейчас проверим. Эй, Децим, Терент, возьмите по хлысту и подойдите ко мне. Вот видите этого умника. Он уже пятый месяц пытается доказать мне, что я учу его неправильно. Он говорит, что у него есть ноги. Быстрые ноги. Так вот, мне кажется, что его ляжки никогда не секли. Погоняйте его, ребята. Мы ведь уважаем демократию. Пусть покажет себя. Только не переусердствуйте: он мне нужен здоровым.

Хлысты тонко защелкали. Децим и Терент стали приближаться с двух сторон. Я увидел Вейна, который бросил тренироваться с акинаками и замер с вытянутым лицом. Двадцать шагов вперед, десять назад и по семь в стороны – вот собственно и весь полигон.

Длина каждого хлыста два метра, то есть места для маневра очень мало. К тому же еще этот палус посередине. А, впрочем... Чах! Чах! Я отбросил тренировочный меч – против хлыста это оружие бесполезно – и, выбросившись вперед, перекатился через голову. Песок площадки загулял фонтанами с локоть в высоту, разбуженный оружием двух опытных бойцов. Я прыгал, увертывался, делал ложные броски корпусом. Тело мое, соскучившись по любимым упражнениям, встрепенулось, запело каждой клеточкой. Ланиста аж присвистнул, после того как я, уходя от очередного удара, перевернулся назад в воздухе.

Но все же некоторые удары приходились по цели. И тогда Цетег аплодировал, громко подбадривая моих преследователей.

— Задайте этому умнику, ребята. А то вздумал учить меня – рудиария. Хлещи, не жалей, чтобы ляжки покраснели спелым арбузом! Давай, давай, ребята!

Хлысты плясали с быстротой молний, казалось иногда, что их не два, а две сотни. А я вертелся. Кружил и вертелся лесной белкой. После очередного прыжка с кувырком вперед, а затем сразу назад и в сторону схватился правой рукой за палус, крутнулся и тут же присел на корточки. Тяжелый хвост хлыста разрезал над головой воздух и обвился вокруг тренировочного столба. Левая ладонь быстро и коротко метнулась, сжала прессованную кожу и рванула на себя. В этот рывок я постарался вложить всю оставшуюся силу. Соперник подался вперед. В тот же момент моя правая нога поднялась под углом, распрямилась и босая ступня врезалась в солнечное сплетение. Одновременно с моим ударом нанес косой удар по моей спине другой гладиатор. Обожгло до темных кругов.

— Не переборщи, Децим! – услышал я вновь голос ланисты.

Застонав от боли, я схватил горсть песка и швырнул в лицо Дециму. Тот отшатнулся. Этих полутора секунд мне хватило, чтобы сорвать перевязь хлыста

с руки у скорченного на земле Терента. И даже успеть поддать ему коленом по лбу. Теперь один на один. Или, как говорят у нас на далеком Данапре, сам на сам. Впрочем, силы были по-прежнему неравны. Мое тело, особенно ниже пояса, представляло собой один сплошной кровоподтек. Легкие горели, а в рот набилось целое ведро песка. Пот градом катился на глаза. Я поднял хлыст и коротко наискось рубанул расплавленный от жары воздух. Децим качнулся назад, выбежал на центр так, что палус оказался за спиной, и замер в паузчатой стойке. Я раскрутил над головой оружие и начал сближение, забирая вправо с целью повернуть соперника лицом к солнцу. Проходя мимо медленно поднимающегося Терента, с хорошим оттягом на мизинец взгрел того по заду. Бедолага снова рухнул ничком, сильно выгнувшись и рыча от боли. ...Пчелы, Ивор, пчелы. Целый улей страшных бойцов у тебя в голове... Чарг на мгновение возник в моем сознании. Правая рука волхва вращала над головой посох. И я еще сильнее раскрутил веретено хлыста. Моему противнику ничего не оставалось, как повторить мое движение в надежде, что кожаные змеи сплетутся в воздухе и тогда вес тела и сила рук станут решающим фактором. Еще Децим явно намеревался использовать палус. Может, чтобы повторить мой маневр. А, может, для какой-

то своей тактической уловки. Во всяком случае, это желание очень заметно читалось во всем его поведении... Если ты знаешь, чего хочет враг, то ты уже вооружен. Запомни это, Белка... Спасибо, Чарг!

Я умышленно заставил хлыст оплестись вокруг палуса. И, когда Децим схватился за него левой рукой, чтобы рвануть на себя, а правой приготовился нанести удар, я молниеносно освободил запястье от перевязи. Тело бедолаги гладиатора, не встретив ожидаемого сопротивления, качнулось назад и ударило спиной о столб. В тот же момент тяжелая костяная рукоять орудия, пущенная мною, врезалась ему точно между глаз. Тум!

Децим с вытаращенными от боли глазами медленно сползал на землю.

— Ну, медвежий выкормыш! Ловок. Ничего не скажешь! – услышал я одобрительное бурчание Цетега.

И вдруг, словно мокрым бревном, меня хватили по уху. От тяжелой оплеухи тело мое проюзило добрых пять шагов. Я упал на плечо, но тут же перекатился на спину. И весьма вовремя. Огромная калцея Терента врезалась в песок, как раз там, где только что находилась моя поясница. Но ослепленный яростью и болью, гладиатор потратил остатки сил, вкладываясь в этот удар. Поэтому я, развернувшись, без труда срезал его ножным приемом под названием «щипцы». Терент

всем телом, раскинув крестом руки, грохнулся навзничь под смех и аплодисменты наблюдавших бой остальных членов гладиатория Тита Клавдия Скавра.

Я встал и, подняв руки над головой, совершил круг почета по тренировочной арене. Пошел бы с удовольствием и на второй круг, но рука Цетега, опустившаяся на плечо, прервала триумфальное шествие.

— Хватит кривляться! Молодец, конечно, но больше таких игр мне не нужно. Скоро, Ивор, настанет время и тебе вступить в серьезную игру. Одного имени гладиатору мало. Подумай о прозвище.

— Я уже выбрал. Точнее у меня уже давно оно есть.

— Ну-ка?

— Белка. Я буду Ивор, по прозвищу Белка – гладиатор родом с Верхнего Борисфена.

— Белка? Нет, лучше что-нибудь птичье, например: голубь, орел. Хотя для орла ты явно мелковат. Принято выбирать что-нибудь птичье.

— Прости, Цетег. Но я хочу быть Белкой. У меня ничего нет. Я всего лишь раб, который не имеет возможности даже выкупить себя. Позволь хотя бы самому выбрать прозвище.

Цетег покривился, но по его глазам я понял, что получу согласие.

— Ну, белка, так белка. Почему бы и нет. Ты очень быстрый – это верно. Но хочу сразу заметить:

зритель будет смеяться, по крайней мере, первое время. А с хозяином я поговорю.

— Спасибо, Цетег.

— Ланиста, позволь и мне объявить свое прозвище, — глаза подошедшего Веяна светились от возбуждения. Ему явно понравилась моя схватка с двумя тяжеловесными аукторатами.

— Что ж, валяй.

— Веян, по прозвищу Летучая Мышь — гладиатор из сарматских степей.

— Палус тебе в задницу, Веян из сарматских степей! У вас что, головы совсем не работают? Ты только представь себе: глашатай выкрикивает эту мерзость, и зрители начинают ржать. Скавр продаст вас в каменоломни, а меня вышвырнет вон. В лучшем случае я окончу свой век на мукомольне, толкая жернов.

— Но, Цетег...

— Да, почему, Цербер тебя задерит, какая-то говняная летучая мышь?

— Сейчас, — Веян подошел к перекладине, на которой мы тренировали руки, подтягивая и переворачивая тело. Оттолкнулся, от земли, ухватился за нетолстое бревно руками и легко выбросил вверх тело, так что перекладина оказалась у пояса. Затем перебросил поочередно ноги. Сел. Спокойно скрестил на груди руки и опрокинулся назад. Перекладина оказалась под согнутыми в коленях ногами. Тело же повисло

вниз головой. Длинные волосы свесились чуть ли не до земли и стали напоминать прическу Медузы Горгоны.

— Ивор, подай акинаки. А сам возьми деревянный майнц.

Я выполнил просьбу друга и замер с гладиусом типа майнц напротив него.

— Начинай, — Веян выдохнул и поднял тренировочное оружие на уровень моей груди.

Я стал атаковать, чередую колющие и рубящие удары, с каждой секундой наращивая темп. Веян с быстротой молнии, находясь вниз головой, отражал мои выпады, и сам наносил ощутимые контрудары. Я не видел лиц присутствующих, но прекрасно представлял, с каким изумлением они следят за нашим очень странным поединком.

— Это все неплохо для показательных выступлений, а в реальном бою подобные фокусы не помогут, — Цетег пытался изобразить не очень удивленного человека, но давалось ему это с явным трудом.

— Напрасно ты так считаешь, великолепный Цетег, — Веян парировал одновременно мой удар и словесный выпад ланисты. — Конному гладиатору, эквиту, подобная школа вовсе не повредит, особенно в бою с пешим.

— Ты метишь в эквиты, Веян? Но кто тебе купит коня?

— Тит Клавдий Скавр, когда поймет, что я смогу принести ему

немалую выгоду.

— Может быть, может быть, — Цетег явно задумался.

— Так что насчет прозвища?

— Ладно. Слезай. Да прекратишь ты его лупить, тупая Белка! Дай сойти на землю этой драной Летучей Мыши. — Ланиста, сплюнув под ноги, зашагал в свой кубикул. Сделав несколько шагов, обернулся:

— Работайте, лодыри, еще час. Потом обед и сиеста.

Мы с Веяном радовались, как дети. Это была наша первая маленькая победа. И я и мой друг впервые почувствовали себя за несколько месяцев рабства пусть неполноценными, но все же людьми. Обычно во время послеобеденной сиесты я спал убитым быком, но в тот день сон не приблизился даже на волос. В сердце родился невыразимый трепет, словно оно подсказывало разуму, что все самое страшное пройдет. Но, увы, все только начиналось! Не спал и Веян, хотя выражал радость куда сдержаннее. Может, потому что был значительно старше.

После сиесты обычно была вечерняя тренировка. Затем ужин и сон. Но в тот день Цетег объявил всему гладиаторию о присвоении новых имен двум гладиаторам и разрешил не тренироваться, пообещав также каждому налить по кратеру вина из своих запасов. Последнее было встречено бурным весельем. Ланиста не просто

сдержал слово: вина выкатилось к ужину — хоть залейся. Доселе не пробовавший хмельных напитков, я после первого же кратера почувствовал, как земля поплыла под ногами. Веян посоветовал идти спать, и я с радостью согласился. Не знаю, сколько я успел пробыть во сне, но, очевидно, не очень долго. По крайней мере, Веян к тому моменту еще не вернулся. Неожиданно на грудь мою навалилась страшная тяжесть. Попытался встать — тщетно. Руки и ноги придавило к скамье, словно каменными глыбами.

— Говоришь: ноги у тебя быстрые! — я узнал голос Терента. — Белочкой быть захотел. Быстрой такой — с ветки на ветку, говоришь. А вороной хромоногой походить не хочешь, урод? — Терент сидел на моей груди, буквально раздавив своими мощными коленями мои бицепсы. Такая боль могла свести с ума, но, как оказалось позже, это были еще цветочки. Терент, разумеется, был не один: в лунном свете я узнал фигуру Децима, который быстро и крепко приматывал мои ноги к скамье. Каждый из них весил раза в полтора больше меня, поэтому, застигнутый врасплох, да еще и стесненный, оказать достойного сопротивления я не мог. Наверное, со стороны мои попытки вырваться выглядели смешными и нелепыми. Я только терял силы. Но не лежать же было, покорно сдавшись? В руках Децима

появилась увесистая и в то же время гибкая палка. Этот зверь сначала проверил упругость и силу орудия на стене, а потом нанес страшной силы удар по моим пяткам. Я взвыл. Но широкая, пахнущая чесноком ладонь Терента накрыла мой рот. Потом посыпались удар за ударом. От боли у меня едва не лопнуло сердце. Экзекуция продолжалась, как мне показалось, целую вечность. Я бился, захлебывался, терял сознание. Наконец, словно сквозь толстый слой опилок, услышал голос Терента: «Хватит с него. Пусть теперь поскачет белочкой». Они ушли, оставив мое трясущееся, стонущее тело огромной полной луне, глядевшей сквозь прутья решетки.

— Что с тобой? – голос Веяна раздался неожиданно. – Да что здесь произошло, Белка?

— Ничего особенного. Просто Децим и Терент решили заглянуть на огонек. Больно. Очень больно. У меня, кажется, почки оторвались.

— Я сейчас, – Веян вышел и через минуту вернулся с лампой. – Показывай.

— Они били меня по пяткам.

— Фию! Да тут темно, как у Аида между ребрами.

— Совсем плохо?

— Бывает и хуже. Цетегу говорить будешь?

— Нет, конечно. Эти двое, в худшем случае, отделаются карцером, а мне тогда – позор.

— Тоже верно. На это и был расчет.

А ты в следующий раз знай, как выпарывать на глазах у всего честного общества сразу двух гладиаторов-аукторатов, да еще патрицианского происхождения!

— Хороший праздник получился верно, Летучая Мышь?

— Ничего, малыш. Пару недель ты, конечно, повалеешься. Главное: кости целы. Что скажешь ланисте?

— Скажу, что неудачно выполнил прыжок с лестницы. А потом...

— Только не думай сейчас о мести. Мстить нужно либо с холодной головой, либо довериться высшим силам.

— А как ты бы поступил?

— Я бы сел на берегу реки и подождал, когда мимо меня проплывут трупы моих врагов.

— Так уж сами и проплывут!

— У тебя же есть я, Ивор!

— Тебе незачем впутываться в это дело. Я сам разберусь.

— А я и не буду. Все решится само собой.

— Веян?

— Ну.

— Я не знаю. Как-то неловко сказать.

— Да, говори.

— Мне, сдается, что ужин был непривычно плотным для меня.

— Все понял. В друге нет ничего недостойного. Однажды я упал с лошади и повредил ноги. Все бы ничего, но справлять серьезную нужду я не мог представить как. Не ходить же под себя молодому парню?! Но у меня был друг. Он-

то и решил мою проблему. Давай, Белка, карабкайся мне на спину.

Веян поставил спину, и я, стараясь не касаться большими ступнями предметов, на руках влез на друга. Он подхватил мои ноги под коленями и понес к выходу из казармы.

— Штаны снимай сам, бездельник. У меня руки заняты.

— Я это сделаю одной рукой, и то левой. Правой лучше держаться за твою шею.

— У, негодяй. А ты знаешь, что в латринах всегда решались мировые проблемы? Например, христианские философы именно там любили порассуждать на свои темы. Я лично ни ногтя не понимаю во всем этом.

— Они предпочитали изящные гемициклы, где сиденья отделены друг от друга резными подлокотниками в форме дельфинов. И еще там было отопление и отделка из белого мрамора.

— Ты-то откуда знаешь, философ северный?

— Скажу тебе по секрету, неотесанная сарматская задница, я люблю читать книги.

— Что ж, ври дальше. Послушаю с удовольствием!

— О, три ниши над сиденьями посвящались приносящей счастье богине Фортуне в окружении Эскулапа и Вакха, а по диаметру помещения, напротив гемицикла, успокоительно выстроились бюсты

семи мудрецов Греции – последние уж наверняка очищают кишечник и мочевой пузырь с философской и регулярной невозмутимостью. К зданию примыкает раздевалка, охраняемая двумя общественными рабами: один постоянно свободен и может сбежать для вас за каким-нибудь питьем или лакомством в ближайшую таверну, а второй помогает надеть плащ или поправить складки тоги.

— Насчет рабов – мне понравилось. А не сказано ли чего про то, как надо носить на себе засранцев?

— Так я продолжу?

— Валяй.

— Под полукругом снабженных дырой сидений постоянно бежит сильный поток воды, дабы унести все лишнее в сток, а в продолжении каждой дыры горизонтально вставлена ось, позволяющая аккуратно маневрировать африканской или греческой губкой на ручке.

— Клянусь, я бы там остался жить.

— У подножия сидений сзади по желобу течет более скромный ручеек, где ополаскиваются губки.

— И отопление, значит, имеется?

— Посредине заведения в раковине булькает струя воды для омовения рук.

— Ну и ну! Ты превзошел в познаниях своего учителя.

— Латрины действительно служили элегантным местом встреч для серьезных людей.

— Интересно, мужские и женские

одинаковы?

— О-хо! Латрины в Риме всегда были общими. Это здесь все кувыркком. Но женщины редко отваживались посещать уличные заведения. А поскольку они также не могут мочиться в амфоры и бочки, свободно расставленные повсюду, то приучились к вынужденному воздержанию. А вот гомосексуалистам в подобных заведениях просто любо-дорого!

— Лучше о женщинах, Ивор. Я эти рваные задницы терпеть не могу.

— Мы уже, кажется, пришли. Я обязательно продолжу культурный эскурс в следующий раз.

— Чего-чего, а пару недель тебе придется напрягать память и рассказывать своему другу на досуге обо всем прочитанном и услышанном. Кстати, хочу заметить: в гладиаторских латринах нет того, чего ты с таким чувством описывал. У нас, понимаете ли – вариант на корточках. А это для тебя никак не возможно. Поэтому, дружище, придется тебе испражняться на весу, держась за мою шею. Но хочу сразу предупредить: если обгадишь мои калиги, стоять тебе подобная выходка будет недешево. Насчет маневрирования губкой – тоже постарайся обойтись без моей помощи. Ну, желаю приятного и достойного облегчения!

Не стану вдаваться в подробности интимного процесса моего организма. Скажу лишь, это было очень не просто. Но

шутки шутками, а Веян проявил себя в тот вечер больше, чем друг. С одной стороны, в моем сердце жила глухая ненависть по отношению к Дециму и Теренту, а с другой, если бы не они, то я бы никогда не узнал о широте Веяна. Две недели я провел в каморке. Сармат приносил еду, подбадривал, пересыпая смешными историями из гладиаторских будней. А вечером выносил меня на прогулку, если можно так выразиться. И все бы ничего, но Цетег, многоопытный Цетег, не поверил ни единому моему слову. Раз в день, обычно по утрам, он приходил в казарму и, стоя на пороге каморки, с минуту напряженно щурился на мои покалеченные ноги. Но рассказать ему, как все было, я не мог: это выглядело бы слюнявой жалобой. Более того, если бы я указал на своих обидчиков, то в первую очередь пострадал бы сам от ланисты, а потом уж люди, посмеявшие поднять руку на имущество хозяина. Лишь однажды Цетег сказал: «Умей прощать, мальчик, но никогда не забывай о боли. Чаще всего повторно страдает не тот, кто заслужил, а тот, чья память оказалась слишком коротка».

ГЛАВА 8

Хорошо сказано: «Выход знаешь». Территорию особняка наверняка охраняют несколько здоровенных псов. Но делать нечего – не возвращаться же

через столовую, где веселился круг друзей Авла Магерия. Эх, Фаустина, Фаустина... Да, чего это, собственно, я боюсь? Каких таких собак? Завтра я нужен им. Или совсем забыл? Ага! Так и позволит расчетливая патрицианка своим псам порвать такую дорогую игрушку. И я пошел, ориентируясь на фонарь, горевший в пятидесяти шагах от меня сквозь ветки сада. Рядом с фонарем должна быть калитка. Мне оставалось пройти до стены буквально десятков шагов. Как вдруг глухое низкое ворчание. Потом два нечетких силуэта. Нельзя сказать, что сердце мое екнуло, но глаза увидели собак величиною едва ли не с телят. Ни ножа, ни палки под рукой, ни, на худой конец, обычного кожаного ремня. Скажу честно, я растерялся. Бежать никакого смысла – догонят. Попытаться пробить себе дорогу голыми руками – можно, но слишком уж много будет ран. Попробуй объясни завтра Скавру, что ты не готов драться по причине того, что тебя покусали чьи-то псы по возвращении с пирушки. Ну, бред! Полный бред. И тут вспомнился дед Колгаст, который говорил: «Не можешь взять зверя силой: обмани. Признай силу за ним. Перед псом или даже волком упади на спину и подними согнутые руки и ноги! Зверь решит, что ты признаешь за ним право лидерства». Ладно, ребята. Давай попробуем. Во всяком случае, как

только вы склоните надо мной свои слюнявые морды, у меня появиться шанс ухватить каждого за горло. А там посмотрим: чья правда возьмет. Черные громадины напряженно замерли и еще утробнее, как мне показалось, заурчали. Когда осталось два шага, я упал на спину и зажмурился, как учил Колгаст. Вот они прямо надо мной. Дыхание. Учащенное дыхание. И неожиданный хохот. Я открыл глаза и прямо перед собой увидел надрывающиеся от смеха толстые рожи. Два гитона из компании Магерия напялили на себя шкуры каких-то животных, встали на четвереньки и стали в темноте при неверном свете факела смахивать на двух огромных псов. Ну, и развлекаетесь вы, ребята! Если уж опытному гладиатору пришлось имитировать поверженное животное, то что же происходит с изнеженными представителями знатных семейств? Спрашивать не пришлось, ибо один из них решил сам справиться о моем самочувствии:

— Ну как, дурачок, ох, дурачок невозможный, ты не сделал пи-пи? Лео, потрогай у него там. Он не сделал ли пи-пи?

— Апоний, да ведь это быстрый и храбрый Белка. И вправду зверек: упал и лапки кверху.

— Неужели? Так и есть. Так и есть. Ох, мой звереныш пушистый. А они-то там думают, какое оружие и тактику применить, а белочка-

то собачек боится. Хи-хи. Давай с нами поиграем, Белка. Ты будешь убегать, а мы за тобой гоняться. Только быстро, чур, не бегать. Собака все равно должна быстрее быть.

— Нет, мальчики, я вас нечаянно своими грубыми руками могу помять или поцарапать до косточки. Вы уж лучше кого другого поищите. К тому же, сейчас клиенты кто в нужник, кто в тошнильню бегать начнут. — Я оправился от шока и теперь должен был, как можно быстрее, избавиться от этой компании: не ровен час кто увидит...

— Фу, какой мужлан невозможный. Лео, мне кажется, от него козлом так и прет, так и прет. Дурно, право, становится.

— Ты прав, Апоний. Только не козлом, а гладиаторской казармой. Они там испражняются, говорят, прямо у постели. Пусть идет себе. Поищем кого-нибудь еще.

— Спасибо, мальчики. Я, действительно, вонюч, могуч и волосат.

Качнувшись на лопатки, я резко выбросил ноги вперед. Мгновение — и тело уже находится вертикально.

— Фью ты, какой невозможный. Правда, Лео?

Я не стал выслушивать восхищенные речи гитонов по своему поводу. Расстояние до калитки преодолел в один прыжок. И вот она — свобода!

Свобода открылась темной,

прогретой за день улицей. Фонарей не было. Только лунный свет и запах прожаренного песка. Я не шел, а почти бежал, желая как можно скорее оказаться в казарме. Одни и те же вопросы мучили меня все сильнее и сильнее: почему в голове Родящего возникают такие нездоровые сюжеты? И почему такие мысли-образы, как я, живут целыми десятилетиями? Почему, в конце концов, нельзя выкинуть их из головы? Я чувствовал все острее, что устал жить в этом качестве. Но не знал, не видел выхода из этого жуткого лабиринта жизни.

Издаലെка донесся плач ребенка. С каждым шагом плач нарастал. Ну, конечно, первый фонарь, и тот возле свалки. Прямо под фонарем шевелилась куча мусора. Пока я шел, ребенок успел охрипнуть. Теперь голос его был негромким и надсадным. В том, что это мальчик, почему-то не возникало сомнений. Я остановился и какое-то время тупо смотрел на шевелящуюся кучу. Самого ребенка сразу разглядеть не смог. И не удивительно. Потому что у него был черный цвет кожи.

— Если хочешь испытать свою добродетель, то дай старику несколько монет, а уж он позаботится о бедном найденныше, — костыль лег на мое плечо.

— Возьми, — я скинул пенулу и протянул нищему. — Денег с собой у меня нет.

Он жадно схватил обеими руками и прижал дорогой подарок к груди.

Кривая улыбка обнажила черные гнилушки зубов. Слезающиеся глаза часто заморгали.

— Он не будет ни в чем испытывать стеснения. Обещаю, господин, э-э..

— Не обещай того, чего не можешь. А зовут меня гладиатор Белка.

— Как же, как же, слышал, слышал. О тебе много говорят. Сам я мунеры не посещаю. Даже когда вход бесплатный, но за новостями слежу. Гладиатор по прозвищу Белка. Ты ведь издалека, неправда ли?

— Издалека. Из такого далека, что дальше не бывает.

— Рим большой. Очень большой. Скоро все народы ойкумены будут его подданными. Все. И тогда негде будет искать правды.

— Не боишься, старик?

— Мне нечего бояться. Для этого несколько причин. И потом человек, снявший с себя пенулу, вряд ли донесет.

— А если все-таки...?

— Я умею исчезать в темноте и менять облик.

— Ах, да. Ты ведь профессиональный нищий.

— И да, и нет. Когда я сказал тебе, что малыш не будет ни в чем нуждаться, то не собирался тебя обманывать. Там в далеких оазисах живут кочевники. Они-то и покупают охотно у меня брошенных детей. Я, в свою очередь, знаю, что малюток не будут уродовать для того, чтобы потом зарабатывать на этом. Кочевникам нужны мужчины.

Племя без мужчин погибнет.

— Но ведь есть и другие нищие, которые отнюдь не из добродетельных побуждений подбирают младенцев на помойках?

— Из-за них я вот уже пятнадцать лет опираюсь на костыль. Однажды меня сильно избили. Нога оказалась сломана в нескольких местах. К тому же денег на дорогих врачей у меня отродясь не было.

— Каким же образом ты до сей поры жив?

— Несколько раз откупался. Уезжал надолго в Александрию. Нищие ведь долго не живут. Когда вернулся, здесь уже другие хозяева трущоб. Я снова за свое. И так несколько раз. Но теперь все будет иначе. У меня есть охранная грамота – пенула самого Белки. А Белку любят. За Белку болеют. Потому что он не просто гладиатор. Он – раб. Он еще хуже, чем любой нищий.

— Ты прав, старик. Белка хуже любого нищего.

— Пока хуже.

— Хочешь сказать: выпутаюсь?

— Ты не обязан доверять первому встречному.

— Если в голове бога происходят встречи, то значит это неспроста.

— Что?

— А во что веришь ты?

— Ад Гурэй Намэ Джугат Гурэй Намэ Сат Гурэй Намэ Сирии Гуру Дэвэй Намэ Сат Нам. (Я склоняюсь перед Изначальной мудростью. Я склоняюсь перед

мудростью неизменной во все времена. Я склоняюсь перед мудростью Истины. Я склоняюсь перед Божественной Мудростью, выходящей за пределы моего понимания. Я отождествляю себя с Истиной.) Никогда не слышал?

— Нет. А что это?

— Это мантры. Он Намо Гуру Дэв Намо (Я взываю к Бесконечному Созидательному Сознанию. Я взываю к Божественной Мудрости.) Моя родина далеко отсюда. Индия. Когда-то я был купцом и, в общем, неплохо жил, а по теперешним меркам, так просто богато. Очень богато. Пираты изменили и спутали все карты. Долгие годы рабства. Затем жизнь вольноотпущенника в разных римских провинциях. Пытался скопить деньги и вернуться на Родину. Все неудачно. Наконец я понял, что Высший Разум хочет, чтобы я остался и совершенствовался здесь. Мне почти семьдесят. Так долго, скажешь, не живут, да еще с учетом рабства. Живут. Иногда много, много больше. Есть такая практика, под названием йога. Если хочешь, могу научить?

— Спасибо. Наверное, я обращусь к тебе послетого, как стану свободным. Если это когда-нибудь случится.

— Случится.

— Ты второй раз говоришь мне об этом. Спасибо, старик, за надежду.

— Я второй раз говорю, что ты не обязан доверять первому встречному.

Не гляди так пристально.

— У меня ощущение, что ты следил за мной.

— Может, и так. Мы являемся частью мира, мир является частью нас.

— Как тебя зовут?

— Навараджканьял Гупта.

— Послушай. В северо-западной части города, в иудейском квартале, живет ростовщик Иегудиил. Я хочу, чтобы ты пришел к нему в первый день ближайших сатурналий.

— Дальше не продолжай. Я все понял. Ростовщика найду. А что касается сатурналий – да, пожалуй, тебя уже не будет.

Больше странный старик ничего мне не сказал. Подхватив на руки младенца, он растворился в темноте. Словно никого и не было. Я попытался что-то спросить вдогонку, но ответом мне были тишина и черная африканская ночь. Что-то очень важное заронил во мне нищий с трудно произносимым именем. Зыбкий стебелек легкости в душе. После всего перенесенного за последние сутки не чувствовалось смертельной усталости. Почему-то захотелось увидеть Алорк. Как только я подумал об этом, тут же вспомнилась улыбка старика, словно он рядом и подглядывал из темноты. Эй, я иду спать. Да, да, иду спать. Никаких девчонок. Завтра бой. А сегодня, может, еще успею к прощальной трапезе. Предстоящий бой меня не пугал. То ли я привык... Нет, конечно, к

этому не привыкнешь. Я вдруг что-то понял. Но что? Эй, старик, да кто же ты, Цербер тебя дерит?

К моему возвращению Веян уже крепко спал. Ему тоже предстояло завтра драться. Только где? Я так был занят собой, что забыл расспросить друга о его делах. Забыл. Неужели жизнь меня ничему не научила? Прости, Веян. Ты, правда, мне очень дорог. Я готов умереть за тебя. Никогда никому не говорил еще ничего подобного. И тебе говорю, потому лишь, что ты крепко спишь и не слышишь.

Солнце стояло уже достаточно высоко, когда сон наконец покинул меня. Постель сармата была пуста, что и не удивительно: Летучая Мышь вставал с зарей и до завтрака истово тренировался. А в дни схваток выгонял адреналин из сосудов исключительно с помощью своих акинаков и палуса, стараясь при этом не слишком загружать мышцы.

Я же предпочитал во время игр проводить утренние часы в термах. В тот день я тоже, собрав банные вещи, пошел приводить тело и дух в порядок. В палестре, сбросив тунику, натерся оливковым маслом, надел пояс для борьбы и выбрал глазами партнера. Тот тоже оказался в прошлом из гладиаторской среды. Дело в том, что перед тем, как войти в горячий зал, полагалось хорошенько пропотеть. В палестре для этой цели было все необходимое: гантели, гири,

специальные снаряды, пояса для борьбы для тех, кто предпочитал контактный вариант.

— Меня зовут Целлий. Слышал, что сегодня приезжает Филипп Араб?

— Да. Ночью в особняке Магерия в честь его приезда будет дан бой, — я говорил, словно не о себе.

— Говорят, он везет самого Голубя? — Говорят.

— Интересно, кто будет против него драться? Я слышал: Голубь никого не щадит. Наносит такие раны специально, чтобы противник не выжил и не смог потом воспользоваться полученными во время поединка знаниями.

— Все вроде так.

— Ты так спокоен, словно не тебе сегодня идти в этот особняк. Я ведь знаю: ты — Белка. Сегодня весь город на твоей стороне. Жаль, что поединок будет закрытым. Чего им стоит показать такой бой народу в амфитеатре?

— Так они подчеркивают свою исключительность. Голубь — личный гладиатор цезаря. Магерий делает с Белкой все, что ему взбредает в башку. Что еще люди говорят?

— Говорят, что поединков будет не один.

— Я тоже слышал, что два.

— Будет две пары гладиаторов. Победители этих пар сразятся между собой, а уж потом победитель выйдет на Голубя.

— Очень честный бой. Измотанный,

а может, и израненный должен сражаться против свежего бойца!

— Так люди говорят. В мое время гладиатор редко выходил на смертельный поединок больше одного раза в месяц, будь то на арене ли, на частных вечеринках ли или на похоронах. А эти все никак не насытятся...

— Не знаешь случаем, из каких гладиаториев будут бойцы?

— О, тут много разных мнений. Лучше их не собирать. Какая разница: кого убивать или калечить?

— Есть разница. Одно дело, когда ты знаешь бойца. Другое — соперник тебе не знаком. О моем ведь участии кто-то же рассказал?

— Это единственное, о чем можно говорить с уверенностью.

— Почему?

— Сегодня утром на рыночной площади Магерий заявил через глашатая, что выставит против Голубя лучшего из лучших гладиаторов нашего города. А кто лучший? Белка, конечно.

— Кто же так решил? Вчера ведь рудий получил Гермаиск.

— Да что твой Гермаиск! Старый, покалеченный. И потом все знают: почему Магерий вручил именно ему рудий. Освободи тебя: посещаемость упадет в два раза уж точно. А кому-то этот рудий вручать нужно было. Вот он и дал его Гермаиску.

— Понятно. Значит, о других участниках вечеринки ничего не знаешь?

— У тебя есть шанс, гладиатор Белка.

— Шанс — наконец-то закончить земные мучения.

— Тогда у тебя два шанса. Первый тот, о котором ты только что сказал. Второй — победить Голубя и стать личным гладиатором Филиппа Араба.

— И совсем никто не сомневается, что именно я выйду победителем в промежуточных схватках?

— Какие сомнения? Сомневаться может лишь тот, кто ни дерьма не понимает в мунере. А то, что ты будешь измотан и даже изранен — это всем на руку. Понятное дело: победить должен Голубь, потому что он любимец цезаря. А Магерий лишний раз порадует императорское сердце. Да еще при этом плеснет руками, дескать, все лучшее только у тебя, о великий Филипп Араб! Трудно не оценить, не правда ли?

— Хочешь сказать: моя смерть запланирована?

— Когда истекает срок аренды?

— Завтра утром.

— У тебя действительно есть маленький, очень маленький шанс выжить. Но для этого нужны способности не только в области фехтования.

ГЛАВА 9

По возвращении я не застал Веяна. Цетег сказал, что сармат отправился навстречу судьбе. Это означало, что кровавая работа для

моего друга начнется уже скоро, если уже не началась. Что-то очень нехорошее было в спокойном тоне, с каким ланиста говорил о Веяне.

На частных вечеринках нет специальных кубукулов для того, чтобы переодеться перед выходом, поэтому готовиться нужно в казарме. А потом в полном вооружении через весь город идти. Кстати, это первый мой подобный опыт. Только бы Веян вернулся! Только бы мы все вернулись...

На исходе сиесты процессия из четырех человек двинулась в сторону дома Авла Магерия. Впереди шел Цетег, неся герб школы, следом раб Нумий с глиняными статуэтками богов, покровительствующих городу, третьим я, а замыкал процессию массажист Главкон. Добрый, старый Главкон, проводивший на встречу с костлявой не один десяток гладиаторов. Скоро нас окружила плотным кольцом толпа плебса. Они подбадривали меня. Кто-то даже кидал мне под ноги лепестки цветов. И вдруг снова появился он. Корявый, шишковатый, серый ствол страха вырос в моем теле от пяток до макушки. Казалось, что я уже должен навсегда забыть о нем. Ведь даже вчера перед поединком с гопломахами его не было. Последний раз я испытывал подобное еще перед самой первой схваткой с димахером Фалмой.

А только ли это страх или что-то еще? Может, предчувствие чего-

то? Вдруг шум голосов перестал существовать для меня. Мой слух уловил тонкое, далекое пение. Что это? Этот звук напомнил мне о жизни в лесу с волхвами, о том, что в небе есть веретено Великой Матери, о тихой реке Данапр. Звук был чистым и теплым. Я посмотрел по сторонам: ничего! Но не может же так мерещиться? И вдруг я увидел ее. Она стояла под аркой, поэтому звук, отразившись от каменных сводов, усиливался, набирал глубинный объем и летел над толпой. Вся в черном. На голове кувшин. Наполненные нежностью губы шевелились. И песня лилась. Алорк.

Несколько секунд – и толпа пронесла меня мимо нее. И снова этот невообразимый шум. Но я понял, почему корявый ствол вырос внутри меня. Да, да, я боялся, подсознательно боялся расстаться навсегда с девушкой по имени Алорк. Странно. Мы ведь даже толком не знакомы. Но я точно знаю: она поет для меня. Только для меня. Она хочет, чтобы я победил. Алорк...

Перед входом в особняк Магерия на мне оцупали каждую складку одежды в поисках подозрительных предметов, которые могут использоваться в качестве оружия. Оно гладиатору выдавалось непосредственно перед боем, буквально за несколько минут до начала. Оружие доставляли из гладиаториев на специальных

телегах, обитых шкурами, чтобы не было слышно бряцания металла. Маршрут и время доставки держались в тайне. Я полагаю, что его привозили к месту поединков в ночное время, дабы не возбуждать излишнего интереса. Перед началом мунеры оружие демонстрировали публике и давали проверить секундантам. После этого оно ждало своего часа сначала у помощников секунда рудис, а потом уже в руках самих гладиаторов.

Меня и Главкона провели на задний дворик, где были широкие лавки и приготовленные амфоры с водой. Я лег на живот. Главкон неторопливо, без слов начал массировать мышцы спины. Массаж действовал как хорошее успокоительное средство. Цетег не раз говорил, что хороший боец перед поединком должен уметь на короткое время отключаться от действительности, как бы засыпать, тогда энергия хорошо концентрируется и мозг начинает отдавать телу очень точные команды. Но меня учить этой практике особо не требовалось. Еще Чарг говорил не раз: «Прежде чем возьмешь в руки меч – стань деревом. Дотянись ветвями до облаков, а корнями до земных недр!» Я хорошо усвоил уроки данапрского волхва. И перед каждым боем вспоминал его слова.

Из белого облака дремы выдернула фраза Главкона. Он

настолько редко и мало говорил, что я всякий раз вздрагивал, когда звук вдруг срывался с его уст:

— Ивор, за тобой пришли. – Кстати, массажист никогда не называл меня по прозвищу, считая, что имя, данное родителями, является источником жизни и охранной грамотой, оберегом.

— Кто? – это было лишним.

Главкон просто так не отворял уст. Пришлось с трудом оторвать голову от скрещенных рук. И тут же – яркость лазури. Словно вспышка. Лазурь с серебром. Это была туника Фаустины.

— Мы хотим видеть тебя за нашим столом. Император и Голубь уже там. В отличие от тебя, гладиатор Филиппа явно не боится за исход боя. Спокойно себе ест и даже пьет, – в ее тоне отчетливо слышались металлические нотки. И потом «мы хотим видеть» – это не «мы приглашаем». Хотя по сути ничего не меняет. Аукторат не посмел бы отказаться, а что говорить о рабе! Безусловно, для многих такое приглашение – это шанс. Но не для меня в том положении. Я предпочел бы валяться на лавке и ощущать на спине крепкие пальцы Главкона.

— А что сегодня подают к столу? То же, что и вчера?

— Нет. Меню другое. Оно тебе понравится. Там есть лесные орешки. Ну, Белка!

— Одна только небольшая просьба. Ты ведь знаешь мою страсть к образованию. Хочу услышать от

тебя, кто такой Филипп Араб?

— А ты разве не знаешь?! Он – император.

— Императоры довольно часто меняются последние полсотни лет. Многие из них даже не из патрицианского сословия. Вот я и спрашиваю. Что тут такого? К тому же интересный рассказ меня несколько отвлечет.

На несколько секунд Фаустина задумалась: на лбу отобразились непростые мыслительные процессы. Но вот тень однобокой улыбки скользнула по правой стороне лица:

— Мне бы хотелось услышать твой голос. Ну, да ладно. Несколько лет назад на престоле оказалось совсем юное существо – Гордиан III. Красивый, жизнерадостный, обходительный и очень приятный в общении мальчик. Всем хорош, но не возрастом. Было ему в ту пору всего двенадцать лет. Умные люди посоветовали ему жениться. Что он и сделал, удачно породнившись с семьей одного известного сенатора. Вскоре своего тестя он назначает префектом претория и выдвигается войной против Персии. Поход был настолько удачным, что весь Восток оказался во власти империи, а персы отступили. В правлении Гордиана III наметилась серьезная политическая линия, направленная не столько на расширение внешних границ, сколько на укрепление того, что есть. В общем, понятно, кто реально правил империей. Но надо

сказать, что тесть Гордиана был человеком порядочным и глубоко любящим своего императора. Именно он не позволил евнухам и придворным прислужникам матери зятя торговать его волей, пользуясь неопытностью и снисходительностью. Но спустя два года тесть Гордиана скоропостижно умирает, и префектом претория становится Филипп Араб. А командир преторианцев – это по сути властитель дворца. Остается всего один шаг до полной и безоговорочной власти. Тесть Гордиана очень разумно управлял государством: все города огромной империи были хорошо снабжены продовольствием и имели запасы на длительный срок – вплоть до года, таким образом, воинам не угрожала опасность голода. Филипп Араб, желая склонить легионеров на свою сторону, сделал все от него зависящее, чтобы продовольствие в нужном количестве перестало поступать в города; он отправлял корабли с хлебом совсем не туда, куда следует, а воинов перемещал в те города, где продовольствия уже не было.

— И ты не боишься вот так говорить, зная, что император коварен и жесток?

— Чего стоит болтовня женщины? А вот тебе, Белка, следует прикусить язык. А то, видишь ли, коварен и жесток!

— Я так и не пойму: кто я для тебя?

— Тогда слушай дальше. Филипп

восстановил против Гордиана легионеров, так как они, естественно, не понимали, что юнец был просто обманут. Вскоре недовольство воинов дошло до сената. Сенаторы подумали и решили сделать Филиппа соправителем империи, а точнее опекуном над Гордианом. После этого Араб начал травить отпрыска императорского рода, да так, что тот вынужден был просить защиты у сената. Не помогло. Мало того, Гордиан последовательно лишился титулов: сначала ему запретили быть августом, затем цезарем и последняя пощечина — даже префектом. Он попросился обычным военачальником в дальние легионы. Но вместо этого Филипп велел раздеть мальчишку и казнить. На территории Персии у Цирцезийского укрепления верные Гордиану воины похоронили его и на его надгробии сделали надпись одновременно на греческом, латинском, персидском и египетском языках: «Божественному Гордиану, победителю персов, победителю готов, победителю сарматов, отвратившему угрозу междоусобий в Римском государстве, победителю германцев, но не победителю Филиппов».

— И все же ты явно не перевариваешь нынешнего императора.

— После убийства Гордиана Филипп Араб послал в Рим письмо, в котором писал, что император умер от болезни. Сенат был введен

в заблуждение. Признав Филиппа Августом, сенат причислил юного Гордиана к богам.

— У меня ощущение какой-то тайны во всем этом?

— Знаешь, почему Филипп примчался на нашу свадьбу? Вот тебе мой секрет. Отец Гордиана III, Гордиан II, очень любил вино, приправленное лепестками розы, а иногда полынью. Еще безмерно любил бани и женщин. А вот погиб он в Африке в бою против Капелиана, сторонника императора Максимиана. На эту битву Гордиана II отправил его отец, Гордиан I. Узнав, что сын погиб, сам Гордиан I в тот же день удавился в петле. Как видишь, след тянется в Африку. Так вот, Гордиан II слыл любителем женщин и, разумеется, оставил после себя кучу добра в виде потомства.

— И ты хочешь сказать...

— Да, Белка. И я, и Магерий являемся отпрысками цезарей. Гордиан I вел свое происхождение от Гракхов по отцовской линии и от Траяна по линии матери.

— Ну, это не просто доказать.

— Для этого все имеется. Проблема в другом. Точнее, их несколько. Первая: Филипп Араб знает, кем мы являемся, поэтому и примчался. Вторая: жирному Авлу ничего не надо: его все устраивает, мало того, он готов целовать варвару ноги. При том эта туша не понимает, что Арабу таких вещей не объяснишь.

— Ты делишься со мной, как с

очень близким человеком.

— Ты польщен? Ха! Кто будет слушать гладиатора-раба и взбалмошную Фаустину! Я продолжу. Авл не понимает, что, сколько бы он ни лебезил перед цезарем, тот все равно будет бояться и ненавидеть потомка Гордианов. Араб здесь только лишь потому, чтобы знать, чем дышат его конкуренты.

— Ты сказала, что у Гордиана II, помимо вас, было много детей?

— Да. Причем от двадцати двух наложниц. И всем им Гордиан завещал то же, что и законным детям. То есть поделил все поровну между детьми, невзирая на статус.

— Веселый парень!

— И очень неглупый. Он рассчитывал, что такое количество претендентов будет невозможно уничтожить. По крайней мере, такая мысль не придет никому в голову, учитывая это поголовье. Но он ошибся. Человек такой нашелся. И, как ты догадываешься, это Филипп Араб.

— Ты хочешь сказать?..

— Да! Он последовательно с ледяным спокойствием уничтожил всех детей Гордиана II. Всех, кроме двоих. И теперь этот выродок забавляется. Он даже позволил стать Авлу эдилом.

— Но ты только что сказала, что он относится к вам, как к конкурентам.

— Естественно. Одно другому совсем не мешает. Но только, как к возможным конкурентам. Не более.

Мы для него смешны.

— Почему он не уничтожил вас?

— Не нашел вовремя. А потом было несколько поздно. Приехав сейчас, он наверняка, увидев Авла, уже давно все решил.

— В пользу жизни.

— А как еще? Белка, не задавай глупых вопросов.

— Зачем ты говоришь мне обо всем этом?

— Ты мне нравишься. Может, даже больше, чем просто нравишься. Со мной не происходило ничего подобного. Ты побледнел? Так вот, если боги приведут меня к трону, ты будешь осыпан почестями. Но богам богово, а цезарям цезарево. Ничего просто так не бывает, и мне тоже нужна кое-какая помощь.

— Не представляю.

— О, человек, владеющий оружием и управляющий толпой с арены амфитеатра, всегда необходим под рукой. К тому же, ты сегодня будешь в нескольких шагах от Филиппа.

— Итак, подытожим. Император Филипп Араб расслабляется, лежа на подушках, кушает со свадебного стола, наблюдает за поединками гладиаторов. И тут один из этих гладиаторов сначала расправляется с соперником, а потом подсакивает к владыке полумира и перерезает ему горло. А где спрашивается охрана, где, в конце концов, непобедимый Голубь? Ага, ну, конечно же, Белка всех насаживает на свою спату. Всех по очереди.

За это гладиатор получает от будущей императрицы вольную грамоту, особнячок в придачу и полмиллиона сестерциев. И вот он, счастливый и довольный, едет на заслуженный отдых. Но почему-то, не доехав до богатого дома, благополучно помирает от обезвоживания организма. Да, да, что-то съел в дороге. Ах, бедняга, ах, бедняга, а ведь каким был преданным! Но ничто не вечно под луной! Фаустина, я дерусь, потому что у меня нет выбора. Если бы моя религия разрешала мне покончить с собой или поддаться сопернику, поверь, я непременно бы сделал это. Я плевать хотел на всю вашу вонючую империю. И ты мне сейчас ничего не сделаешь за эти слова. Ты вообще мне ничего не сделаешь, потому что я принадлежу другому человеку. Потому что я раб. У меня есть только два желания, да и те противоречат друг другу: умереть или вернуться на Родину.

— Мы пришли. Продолжим на досуге, — тон Фаустины был сух, но не настолько, чтобы выразить крайнее недовольство.

Я бы даже сказал, что мой ответ впечатлил патрицианку, но она решила не показывать виду. Лишь легкая краска вспыхнула на щеках, еще сильнее подчеркнув изумрудный цвет глаз.

Стол был накрыт на большой террасе перед бассейном. Гостей присутствовало раз в четыре больше, чем в предыдущий

вечер. Вчерашние гитоны сегодня выглядели вполне прилично, а многие так и вообще пришли с женами. Собрался весь цвет города Гадрумета: магистры, квесторы, эдилы, эдиторы, префект и многие, многие другие. Понятное дело, приезд императора в провинцию уже огромное событие, а тут еще и за одним столом — это встреча с Олимпом, никак не меньше.

Мне указали на темный угол с противоположной от бассейна стороны. Фаустина явно слукавила, сказав, что меня хотят видеть за общим столом: какое дело императору до провинциального раба-гладиатора. Впрочем, при Главконе, действительно, ни к чему было препираться.

В углу на плетеном столике находился кувшин вина и кусок овечьего сыра. Что ж, уже неплохо! Между мной и пирующими еле слышно вздрагивала вода, отражая свет факелов. Да, да, вода того самого бассейна с чуть переросшим Нигером. Я без труда нашел глазами Филиппа Араба. Он, как и полагается главному действующему лицу, полулежал в торце правой части стола, опираясь на левый локоть, и смотрел, внимательно смотрел в мой угол или, по крайней мере, мне так показалось. Короткая стрижка, гладко выбритые щеки и подбородок, мясистый нос, глубоко сидящие глаза, виски, словно тесаны топором. Это был крупный мужчина средних лет с мощными,

как у атлета, руками и хорошей выправкой, которая читалась даже, когда он полулежал возле накрытого стола. Но меня больше интересовал не столько император, сколько его любимый фракиец, по прозвищу Голубь. Гладиатор, разумеется, находился рядом с хозяином. Да, везде написано и немало сказано о том, что профессия гладиаторов самая презренная, хуже только проституция, но, тем не менее, на арену выходили представители знатных родов, причем, как мужчины, так и женщины. И очень часто гладиаторы занимали почетные места за пиршественными столами во время различных праздников. И не только за столами, но и в спальнях благородных патрицианок!

Голубь был одет в пурпурную тунику с золотой оторочкой, подпоясан широким ремнем из желтой кожи, отделанным также золотыми змейками; массивная фигурная пряжка бликовала в свете факелов – явно больше допустимой нормы, что, безусловно, считалось дурным вкусом, но Голубя этот факт ничуть не волновал. Вряд ли фракиец, объехавший с императором полмира, был, действительно, невоспитанным человеком. Скорее подобным эпатажем он лишь подчеркивал свою непринадлежность к этому миру. Я не смог рассмотреть, что именно изображала пряжка, и принялся изучать дальше своего

предполагаемого врага. Лицо вытянуто больше обычного. Холодные, темно-коричневые угольки глаз. Легкая трехдневная щетина. Длинные волосы заплетены в косу и закреплены кольцом на темени. Голубь имел греческое происхождение – я понял это сразу. Спустя несколько минут, я мог с уверенностью сказать: любимец императора родом из Спарты, из обнищавшей вдребезги семьи местного эфора. Что еще? Да, пожалуй, и хватит. Размышлять на тему того, почему греки превратились в римскую провинцию и потеряли даже слово Эллада, мне совсем не хотелось. Мне был интересен Голубь: его повадки, движения, взгляд.

Авл Магерий хлопнул в ладоши, призывая к вниманию:

— Господа мои разлюбезные! Я искренне благодарен каждому из вас за то, что не отклонили приглашение и пришли поздравить меня и Фаустину. Мы, в свою очередь, тоже надеемся порадовать вас небольшими сюрпризами. Итак, поменьше слов, побольше дела.

Он снова хлопнул в ладоши, и на площадку перед левым торцом бассейна вытолкнули гладиаторов-адабатов. Публика радостно зааплодировала. Выход на арену адабатов предвещал много смеха, ведь эти гладиаторы выступали в глухих шлемах, без прорезей для глаз. Обычно вооружены они либо деревянными мечами,

либо обычными хлыстами, коими наказывают рабов за непослушание. Но в этот раз я ощутил, словно полосу стали, холод поперек горла, потому что гладиаторы вышли с боевым оружием. Их было двое. Значит, каждый сам за себя. А по-иному и представить невозможно. Помимо тяжелых, глухих шлемов, на каждом была надета лорика-хамата – длинная кольчатая кольчуга, по типу той, которую носили легионеры времен республики. Это очень длинное, достигающее чуть ли не до колен, защитное снаряжение, хорошо держащее рубящие удары, но не колющие. В этом-то и заключалась вся подлость – бойцы не знали: кто в чем одет и кто чем вооружен. Мало того, лорика-хамата делала их тяжелыми и неповоротливыми. Наверняка это была часть задумки режиссера действия. Ведь, если выпустить адабатов с боевым оружием и по пояс обнаженными, как это принято, то они очень быстро отправят друг друга на тот свет или нанесут такие раны, которые будут несовместимы с жизнью либо с продолжением боя. А кольчуга, действительно, во всех смыслах хороша. Делает бой гораздо смешней, да еще и значительно увеличивает время развязки.

Аплодисменты стихли. Публика, затаив дыхание, уставилась на бойцов. Я попытался представить себя на месте адабата. Что бы

придумал я, оказавшись в таком положении? Они только слышат звон металла и при этом не могут сориентироваться. Звон сотен кольчужных колец. И все.

Нет, не все! Так или иначе, они все равно будут наносить друг другу кровавые раны. А запах крови разбудит Нигера. Но и крокодилу нелегко будет добраться до желаемой добычи. Для этого нужно порвать зубами лорику-хамату. Я не удивлюсь, если узнаю, что имя режиссера – Авл Магерий. Еще вчера он мне сказал что-то об эстетической стороне мучений. Да, все продумано, как нельзя тщательней: бой начнется на суше, а потом будет длиться в воде. Причем, в жуткую орбиту этого боя втянется настоящий африканский хищник. Мне захотелось исчезнуть, провалиться сквозь каменный пол, только не видеть, ничего не видеть!..

— Можно делать ставки, господа, – тупой Авл пролоснился всей своей необъятной мордой и оживленно потер ладони.

Наконец Филипп Араб, не желая томить всех присутствующих ожиданием, едва заметно кивнул. Краем глаза я увидел, как Фаустина повернула голову в мою сторону. В то же время Голубь, в упор смотревший на патрицианку, неожиданно посмотрел в направлении ее взгляда. Он не мог увидеть меня. Там, где я находился, было слишком темно.

Коричневые, острые, словно два копия, глаза его щупали темноту. Мне тогда показалось, что два куска холодного боевого металла проткнули мою плоть. Он резко дернул подбородком, вновь переводя взгляд на невесту, всем видом спрашивая: «Что же ты там нашла в этой крошечной тьме?» И Фаустина, как и водится в таких случаях, великолепно подыграла: «Ах, темнота куда приятнее, мой друг, для двух страстных сердец, чем жалкие развлечения, организованные моим женишком!» Голубь одобрительно кивнул. Тонкогубый рот его вытянулся в жесткую улыбку. В это время слуги длинными баграми подтолкнули гладиаторов друг к другу на расстояние удара мечом. Я решил не видеть бестолковое кровавое зрелище и отвернулся. Не успели клинки вспороть плоть африканской ночи, как тут же раздался хохот нескольких десятков пьяных глоток. Движения бойцов вызвали смех.

— Смотри, смотри, Демарат, а этот очень ловок!

— Жаль, не сделали ставок. Я бы уж точно на него поставил.

— Да, что вы оба понимаете!? Эти ребята хоть и не маленькие, но оба весят меньше бедра нашего эдила.

— Молчи, Мардоний!

— Да, действительно, молчи. Много ли стоят эти два слона в кольчугах! Коли! Коли! Он перед тобой!

— Не подсказывай, Демарат. Ой, умора, башкой вертит, словно соколик на руке хозяина.

Я вновь посмотрел на Голубя, и внутри похолодело. Личный гладиатор Филиппа Араба напряженно, как мне показалось, смотрел прямо в меня, словно разглядывал внутренности. Нет же, конечно, он ничего не видел. Но какво чутье! Чутье настоящего зверя: «Сегодня же я хочу знать, что скрывается в этом мраке?»

Словно плитой накрыло – таков был взгляд спартамца. А шум боя все нарастал. Нарастал и шум ликующей толпы. Прошло еще несколько томительных секунд, прежде чем я снова решился посмотреть на гладиаторов. И только тут я увидел, что несчастные адабаты, помимо всего прочего, были еще и скованы тонкой цепью между собой. Значит, если один начнет падать в бассейн, то за ним последует и другой. И кто-то из них станет ужином Нигера, если не оба. Так и произошло. Стоявший ближе всех к бассейну, гладиатор оступился и, плеснув руками, полетел в воду, увлекая за собой другого несчастного. И тут же голубая гладь бассейна взбурлила. Показалась длинная темно-зеленая спина, украшенная острыми зубцами. Затем раздался оглушительный звук. Это хвост аллигатора, выбросившись вверх, с силой опустился на воду, гоня от себя волны. Волны, ударившись

о стену, разлетелись крупными брызгами, часть которых долетела до пиршественного стола. Толпа зрителей охнула, потому что в ту же секунду челюсти чудовища распахнулись, обнажив горячую алую пасть с рядами острых зубов. Но гладиаторы ничего этого не видели: упав в бассейн, стоя по шею в воде, они продолжали сражаться. Вода стала багровой. Бассейн уже напоминал котел с каким-то жутким варевом. Котел, под днищем которого разведен жаркий огонь. Даже страшный африканский хищник в первые моменты не мог сообразить, что же ему делать: так много было крови и плавающей в ней добычи. Но вот бросок тяжелого тела – и в пасти поперек челюстей дергающийся человек, который не может понять, что с ним происходит. И только суровые законы арены не позволяют ему кричать от нестерпимой боли. Нигер рванулся, и человек исчез под водой. Цепь натянулась. Другой, не устояв на ногах, тоже упал и исчез под водой. Над поверхностью красного варева то и дело появлялись различные части человеческих тел: руки, головы в глухих шлемах, плечи. Это дикое зрелище продолжалось бесконечно долго, так, во всяком случае, мне показалось. Потом на какое-то короткое время все стихло. Нет живых. Сражавшиеся перебили друг друга. Повисла тягостная пауза. Даже зрители замерли, держа

в неподвижных руках недопитые кратеры с вином, недоеденные куски мяса, надкушенные фрукты. — Великолпно! — Филипп Араб захлопал в ладоши. К нему тут же присоединились все присутствующие. — Гладиаторы Гадрумета не только хорошо знают свое дело, но и недурно воспитаны. — Они все давали клятву и присягали богам нашей империи. Их можно жечь железом, сечь плетьюми, распинать, при необходимости посылать на мунеры не соответствующие их статусу и виду вооружения. Что, собственно, мы сейчас и наблюдали, — Авл Магерий буквально захлебывался, стараясь показать, что для самого цезаря он не пожалеет самого дорогого, чем он располагает на сию минуту. А что может быть дороже искусного бойца?.. Только... хм... Авл взмахнул своим полторапудовым окорочком, и слуги вытолкнули из-за ширмы невысокого, но статного гладиатора.

— Пусть он откроет лицо. Я хочу увидеть того, кто подарит мне сегодня столько удовольствия, — император едва скрывал нетерпение.

— Эй, гладиатор, обнажи голову, — Авл попытался придать голосу властные краски. Получилось у него это явно не очень хорошо, потому что губы Фаустины скривились в презрительной улыбке. Тем не менее, гладиатор повиновался.

Закинув руки за голову, он рванул концы ремешков на шлеме. По знаку Фаустины, слуга помог гладиатору освободиться от слепого железа.

И я узнал Веяна. Узнал по длинным, слипшимся волосам. Только так. Ведь он находился ко мне спиной. Я бросил взгляд на Фаустину. Патрицианка с издевательской усмешкой смотрела в мою сторону. Нет, она не видела меня, зато мой взгляд провалился в болотную, зеленую влагу ее взора. — Как тебя зовут, гладиатор? — Араб с интересом разглядывал торс сармата.

— Летучая Мышь, гладиатор родом из сарматских степей.

— Ты готов порадовать нас? Мы выражаем тебе признательность. Известно ли тебе, что по правилам этого вечера ты, если, конечно, мы захотим, должен будешь сразиться с лучшим из лучших. И тогда, я думаю, свадьба действительно будет похожа на праздник. Правильно? — на последнем слове император обвел взглядом гостей. Публика возбужденно зашумела. — Но Летучая Мышь — выдающийся боец и должен получить прощальную трапезу, а также великолепный подарок. Все знают, как я люблю одаривать идущих на смерть ради меня. Итак, твое желание, гладиатор?

В зале повисла тишина. Было слышно, как скрипит кожаный нагрудник Веяна. Он был явно не готов к такому вопросу. Я-то знал

привычку своего друга: если он не знает, что ответить, то роняет на грудь подбородок, тогда длинные волосы свешиваются и закрывают лицо, пряча смущение. Я любил его за эту привычку, потому что, приблизившись, видел не раз сквозь поток волос багряную краску на впалых, помеченных шрамами щеках.

— Мне кажется, я знаю, чем помочь бедной Летучей Мышке, — голос Фаустины плеснул откуда-то из темноты жгучей кислотой. — Смотри-ка, что у меня есть. Я думаю, это порадует смелого гладиатора. Ха! Что нужно настоящему мужчине на краю пропасти? Только настоящая женщина. — Фаустина вышла из полутемного коридора, держа в руке длинную золотую цепочку, конец которой параллельно полу уходил в темноту. — Ну, вот он приз, который я хочу предложить от лица любимейшего цезаря. — Она дернула цепочку, и хрупкая фигура девушки в черном вышла на освещенное место.

Я сразу узнал ее. Алорк! В ту же секунду Фаустина посмотрела в мою сторону. И мне по этому дикому взгляду стало понятно, что весь этот жуткий спектакль патрицианка заварила для того, чтобы воздействовать на меня. Смотри, дескать, это все ради тебя. Хочешь ли ты, милый, идти против своей хозяйки? До моего сознания вдруг ясно дошло, что и поющая под

аркой Алорк и ветеран-гладиатор – это все ее рук дело. А обо мне на этой вонючей пирушке даже никто и думать не думал. Я всего лишь зритель. Меня обманули. Обманули кругом. И как тонко! Стоп. Ты и вправду уверен, что ты все понял? Тебе никогда не понять всю партию наперед. Не понять, потому что здоровый человек таких ходов никогда не придумает. Подобное может выносить и воплотить только больная психика. Я поднял голову, и мы с Фаустиной встретились глазами.

— Ну, что скажешь? – прочел я.
...Согласен. На все согласен...

Но как остановить бешеную тварь? Я аккуратно вместе со стулом отодвинулся от стола, при этом совершенно не зная, какое мое движение будет следующим. Первой мыслью было встать и попытаться дать какой-нибудь знак Фаустине, например, факелом. Потом едва не захлестнул совсем бесшабашный порыв: броситься к Алорк и убежать с ней. Я даже забыл, что безоружен – спата выдается только перед самым началом боя. Неожиданно на мое плечо опустилась чья-то тяжелая рука.

— Не делай резких движений, Белка. Просто скажи, что хочешь, – говоривший был высок, абсолютно лыс и невероятно спокоен.

— Я хочу остановить это... – я указал пальцем на Алорк.

— Я тебя понял. Скажи, ты

готов выполнить поручение нашей госпожи?

— Мне все равно. Возможно ли это? – мой шепот чуть не опрокинулся в вопль.

— Конечно. Ведь твоему другу можно сказать, что значит для тебя эта девушка. А можно и не говорить и тогда...

— Что я должен сделать? Неужели Фаустина и впрямь задумала убить императора?

— Ей бы это ровным счетом ничего не дало. А вот убрать братца и муженька в одном лице...

— Чем же ей помешал бедный Авл? Он ведь абсолютно ни на что не претендует?

— Он богат. К тому же в должности.

— Но ведь и Фаустина не бедна!

— Много не мало. Ей нужны солидные суммы. Очень большие деньги.

— Послушайте все вы, а чего вы так со мной откровенничаете?

— Потому что тебе все равно никто не поверит. Разве не понятно.

В этот момент на другой стороне бассейна горячо зааплодировали. Раздались голоса: «Вот это подарок! Ай, да Фаустина! Бери ее, гладиатор, и не отказывай себе в этот вечер ни в чем, ведь может статься, это твой последний вечер!»

— Останови их, – я не узнавал своего голоса.

— Вернись на свое место и жди меня, – с этими словами лысый убрал руку с моего плеча и легким, беззвучным шагом

направился по коридору, зиявшему за нашими спинами.

Через минуту он был уже в центре событий, держа перед собой на вытянутых руках золоченое блюдо с пергаментным свитком.

— Ах, император и уважаемые гости, могу ли я удалиться на одну буквально, одну минуту. А вы пока поговорите о достоинствах моей служанки.

— Пусть уж этот раб быстрее воспользуется нашим подарком! — Магерий потер руки и тонко захихикал.

Филипп Араб вскинул брови и вопросительно посмотрел вначале на хозяина, затем на бассейн, где в багровой воде плавали тела двух убитых гладиаторов и белым брюхом вверх плоть переросшего Нигера.

— А-а. Итак, прошу всех в сад, уважаемые гости. Там уже все готово к продолжению празднества, — Авл начал суетливо подниматься с подушек.

— *Alea jacta est*, — Голубь взял со стола нож для фруктов, подбросил его в руке и, привстав на колено, с силой метнул снаряд в крокодиле брюхо. Лезвие с глухим всхлипом вошло в плоть убитого животного более чем наполовину.

ГЛАВА 10

— Фаустина, я никогда не пойму, где ты говоришь, как думаешь, а где думаешь, как говоришь. Ведя меня на эту бойню в честь

твоей свадьбы, ты сказала, что я и Филипп будем рядом. Это к чему? Если твой лохматый слуга говорит совсем о другом? Тебе, дескать, надоел Магерий... Ты меня окончательно запутала!

— А ты полагаешь, я совсем не должна предусматривать неожиданные повороты!? Вдруг ты, действительно, захотел бы с кем-нибудь поделиться о моих планах. Хм. Якобы планах. Допустим, я тебя прощупывала, что из этого? В конечном счете, я поняла твои слабые места, а ты так и не узнал моих.

— Зачем нужно было заставлять петь бедную Алорк под аркой на моем пути? Зачем этот гладиатор в бане?

— Насчет Алорк все просто: ты должен помнить, что ты можешь потерять и кто пострадает из-за тебя. Песня — это сильнейший элемент воздействия. А вот с гладиатором уже хуже. Много хуже. — В смысле: хуже?

— Дело в том, что я его к тебе не подсылала. И это отнюдь не случайная встреча. Хотя все, конечно, может быть.

— Если не случайность, тогда что?

— Его подослал сам Голубь. Чтобы оценить твои физические кондиции и вызнать о тактике.

— Ну и ну!

— Чего тут удивительного. Лично мне все понятно: победителем становится тот, кто выиграл схватку еще до ее начала.

— Отличная фраза.

— Она принадлежит Юлию Цезарю. Кстати, как и другая фраза: «Жребий брошен». Именно ее произнес Голубь, метнув нож в брюхо моего мертвого любимца. Он слышал про тебя и хочет с тобой мунеры. Только вот зачем это ему нужно? Зачем, Белка? Зачем, а? Кто-то еще хочет использовать тебя в своей игре. О, Рим, как я люблю тебя и ненавижу! — Фаустина прищурилась. — Туй, ты мне нужен. Подойди.

Лысый человек появился, словно из воздуха. При свете я смог гораздо лучше рассмотреть того, кого минуту назад назвал лохматым. Он был выше меня почти на целую голову. Довольно молод, не больше сорока лет. С невероятно гладким лицом и такой же головой, в длинной одежде неизвестного мне покроя. В плавных, даже мягких, движениях его читалась спокойная и уверенная сила.

— Это Туй, мой личный звездочет.

— Наверное, египтянин? — я не удержался от вопроса.

— Да, — Фаустина как-то нехорошо выдохнула. — Правда, между нами ничего произойти не могло и не может. И вообще, у Туя ни с кем ничего произойти не может. Потому что он...

— Это лишнее, госпожа, — Туй грустно и одновременно раздраженно посмотрел на хозяйку.

— Ладно. Что ты думаешь по поводу услышанного?

— Ах, еще и звездочет подслушивает наши беседы? Фаустина, неужто тебе мало... — я даже не мог сразу найти слов, чтобы закончить предложение.

— Много не мало.

— Я думаю, что встреча в термах была не случайной, — звездочет посмотрел на меня карими блестящими глазами.

— Ты думаешь или знаешь? — Фаустина нервно сжала пальцы в кулак.

— Знаю, госпожа.

— Сколько времени тебе понадобится, чтобы выяснить подробности?

— Два или три дня.

— Сколько! А если Белку сегодня поставят на бой? Голубю нетрудно инициировать это. Благо император под рукой.

— Я всего лишь звездочет, госпожа. Нельзя требовать от меня поступка богов!

— Ладно. Ну, Белка, у тебя серьезные проблемы! — патрицианка оглядела меня с ног до головы, словно заново открывала для себя. — Мало того, что мои сети крепки, так еще чей-то крючок вмешался. Но давайте пока забудем о наших недоброжелателях. В конце концов, всегда можно попросить Веяна нанести ранение, несовместимое с участием в бою. Это я так вслух размышляю. Брежу вслух, ха-ха. Итак, мой дорогой Белка, теперь к делу. Ты мне действительно очень понравился как мужчина, и я ни

за что бы не отдала тебя своей служанке. Туй, закрой уши.

— Подробности личного характера меня не интересуют, – египтянин отвел взгляд на статуэтку Исиды.

— Вот и славно. Но есть задачи куда важнее пристрастий. Жирный Авл мне действительно надоел. Да, со свадьбой была моя идея. Все очень просто. В случае смерти мужа я становлюсь вдовой, а это уже очень статусное положение. Все его состояние переходит ко мне, к самой скорбящей в мире вдове: по сути, в Проконсульской Африке я становлюсь самым богатым человеком. О, только не говори мне об отравлении или убийстве на охоте, кстати, там-то Авл точно никогда не был. А вот смерть от руки гладиатора – это, согласишься, красиво, необычно и, самое главное, очень правдоподобно. Все знают, как эдитор издевается над гладиаторами. Чего только стоит последняя выходка с Гермаиском.

— Я не удивлюсь, если сейчас узнаю, что и этот случай имеет к тебе прямое отношение. – В животе у меня похолодело.

— Ты догадлив, мой Бельчонок. А как бы я еще настроила против жирного Авла жителей Гадрумета и весь гладиаторий! Кстати, бедный Гермаиск уже подписал новый контракт. Поэтому, как только заживет его рана на колене, снова мунера.

— Неужели ты принимаешь подобные решения прямо на ходу.

Ведь не могла же ты знать, чем закончится наш бой с гопломахами?

— Конечно, мой друг, прямо на ходу. И, поверь, в этом нет никакой сложности. Если человек все время о чем-то думает, то каждое его действие направлено на достижение поставленной цели. И все совершается очень легко. Меня впечатлила твоя скорость. «Вот кто мне нужен», – пронеслось у меня в голове. Да, твоя скорость и точность меча. Ты убьешь Магерия прямо в его же доме! Нужно только добежать и нанести точный удар так, чтобы слуги не успели опомниться. Потом через задние коридоры покинуть виллу и оказаться у восточной стены. Там тебя уже будут ждать самые быстрые кони и, конечно, твоя Алорк, с вольной грамотой на руках от меня. Туй поможет вам оказаться в Египте – везде свои люди. На родине фараонов тебе изменят лицо. Да, такие хирурги есть. И раба-гладиатора, по прозвищу Белка, не будет больше существовать. А уж дальше решай сам или решайте сами: возвращаться в Гадрумет ли или поехать путешествовать по империи, благо в деньгах вы нуждаться не будете. Всю сумму через знакомого тебе ростовщика я переведу в Египет. согласишься, поступать нечестно по отношению к тебе мне невыгодно.

— Не проще ли после выполненного задания просто прикончить меня или отдать в руки

правосудия, которое будет уверено, что мной движет чувство мести к эдитору. Детали дела продумать совсем несложно, тем более такой хитроумной Фаустине.

— Не скрою, вначале я лично хотела тебе вскружить голову. Но тут эта Алорк! И что-то подсказало мне в ту секунду, когда я перехватила ваши взгляды, что вмешиваться бесполезно. Вы не те люди, которые так вот запросто откажутся от своих чувств. Вам ведь нужно лишь немного помочь, подтолкнуть. Разве я не права? Ты девственник, Ивор. А девственники склонны обожествлять любовь. Таких, как ты, мало, и я искренне завидую своей служанке. Вы даже еще ни разу не поговорили, а уже любите друг друга сильнее жизни. Вы будете богатыми и свободными. Захотите поехать к тебе на родину – легко осуществите, захотите остаться в империи – останетесь.

Каждое слово Фаустины било точно в мишень. Сердце мое каждый раз замирало, когда я слышал имя своей любимой. Неизведанное в молодые годы порой до умопомрачения притягательно. А я был совершенно чист. На это и делала свою главную ставку патрицианка. Мое воображение живо нарисовало волшебные картинки будущего. К тому же терять мне по большому счету было и впрямь нечего, а выхода просто не существовало. Ведь, в конце концов, вся видимая

нами реальность – это всего лишь мысли Родящего. И все же я был сбит с толку, запутан, ошеломлен. Единственное, что помогало мне, – это мое представление об устройстве мира. Причем, в период молодости ты понимаешь все совсем не так, как в зрелости. Как и что я тогда понимал, уже трудно воссоздать, но факт остается фактом – я на все внутренне был согласен, точнее просто не мог противостоять мощному течению чужой воли.

— Итак, пора подводить черту! – Фаустина в упор смотрела на меня. – В противном случае даже я не смогу противиться желаниям Цезаря. Скоро он потребует продолжения мунеры – Филипп очень азартен, к тому же он готов каждую минуту любоваться своим Голубем.

— Я готов. Где и когда?

— Очень хорошо. Надеюсь, ты не будешь осуждать меня за то, что не дала тебе хорошо и правильно все обдумать. Я думаю, то решение, которое придет тебе в самый ответственный час, и будет единственно правильным.

— Я хочу увидеть Алорк и переговорить с Веяном.

— Хорошо, но вначале о деле.

— Я весь внимание.

— Кстати, тебе не интересно, кто были эти двое, так красиво зарезавшие друг друга?

— Мне, в общем, не важно.

— Ну, тогда я все же проболтаюсь.

Да простят боги женщину за длинный язык! Их звали Децим и Терент.

— Ты и об этом знаешь?

— А как ты думаешь! Я знаю все о своем любимом гладиаторе.

— Цетег не сторонник того, чтобы информация о внутренней жизни школы как-то просачивалась наружу.

— О, Цетег! Он ведь сам когда-то зарабатывал на жизнь гладиатором. К тому же, нет людей кристальных, есть сумма, за которую все покупается. Когда-нибудь и ты поймешь это. Ха-ха, но вначале нужно подрасти и обзавестись вот такой бородой.

— Значит, ты все узнала от Цетега? О всех гранях моей жизни в гладиатории тебе известно.

— О, нет, конечно, только самая суть. Кто в друзьях, а кто во врагах.

— Но ведь ты не могла предугадать: кто победит в схватке между адобатами, да еще при участии Нигера?

— Риск определенный имелся. Но самый минимальный. После этой схватки победитель должен был сразиться с Веяном. Для него это была бы легкая прогулка, поскольку ни один человек не смог бы избежать увечий в таком бою. Победитель их пары выходит на Голубя, а ты на закуску.

— Невероятно.

— Хотя, отдать им должное, бойцами эти двое были – просто загляденье! Но отомстить за твои

ступни: мой долг!

— Фаустина, тебе не приходило в голову, что в твоих жилах течет кровь самого Аида?!

— Да ну! А вот твой друг Веян очень благодарен мне за такой великолепный подарок! Ах, вот мы и подошли к самому главному, а именно – к деталям моего плана.

— Я хочу увидеть Алорк.

— Если будешь внимательным и послушным, получишь все и даже более чем...

Спустя приблизительно четверть часа Туй отвел меня в комнату, располагавшуюся в западной части виллы. По дороге я спросил у него: «Как это – изменить лицо?» Он указал на свою голову и ответил, что он тоже был когда-то лохмат. Когда мы подошли к дверному проему, задернутому плотной тканью, египтянин мягко подтолкнул меня в спину.

И я увидел ту, ради которой готов был идти на все. Несмотря на то что девушка находилась спиной ко входу, а в комнате царил плотный полумрак – единственная масляная лампа горела в правом верхнем углу – сердце мое затрепетало: никогда я еще не был так близко к Алорк. Спокойное темно-зеленое свечение абриса. Длинная темная одежда придавала всей фигуре мягкую плавность. Остальные детали я при всем желании запомнить бы не смог, и не только потому, что в комнате ощущался явный недостаток

света, а просто мне было не до них. Не поворачиваясь ко мне, она произнесла:

— Здравствуй, Ивор. Можно я не буду величать тебя гладиаторским прозвищем?

— Тебе можно все. А можно ли мне смотреть на тебя?

— Сейчас это не самое красивое зрелище. Но пусть будет все так, как предназначено свыше.

Она повернулась, и я увидел бледное чуть опухшее от слез лицо.

— Алорк, я... я...!

— Да, Ивор. Но, к сожалению, жизнь даже этого нас лишила: вместо того, чтобы наконец познакомиться и слушать друг друга, мы должны принимать какие-то сложные решения, — с этими словами она сделала шаг мне навстречу, но тут же ноги ее подкосились, и легкое, словно перо чайки, тело оказалось в моих объятиях.

— Алорк, я сделаю все, что желает Фаустина, и мы уедем, — я еще много и долго говорил, захлебываясь от избытка чувств, дрожа от нежности и одновременно давясь горьким комом боли и бессильной ярости.

Сколько прошло времени — не знаю. Наконец Алорк сказала:

— Отец Хадад и мать Атагартис, суть и соль всего сущего, они же Ваал и Балаат, заступятся за нас. Я верю в это. Поверь и ты, Ивор. Без веры нельзя. Великая Астарта спрячет нас внутри своего подола. А если придется расстаться с телом, что ж... Душа вознесется

на небо и будет жить там, среди божественных светил. На земле она подчиняется горьким велениям судьбы, определяемой вращением звезд, но, поднявшись в высшие области, уподобится богам.

— Интересно, Алорк. Говори дальше, я хочу слушать музыку твоей речи.

— Филархи говорят, что душа притягивается лучами солнца и, очистившись при прохождении через луну, растворяется в сверкающей звезде дня. Потом хозяин неба собирает ее по мелким частичкам, восстанавливает и вновь отправляет на землю. Но прежде чем оказаться на земле, она проходит через сферы семи планет и за счет этого приобретает склонности и качества, присущие каждой из этих звезд. После смерти тела — тот же путь в свое исходное обиталище. Чтобы перейти из одной сферы в другую, она должна преодолеть дверь, охраняемую стражем. Лишь души посвященных знают пароль, смягчающий его непреклонность и, ведомые специальным богом, уверенно поднимаются из области в область.

— Как все похоже!

— Что именно?

— Да так. Я как-нибудь тебе расскажу о другом устройстве, а сейчас продолжай. Твой голос не дает вырасти внутри меня корявому дереву.

— Корявому дереву?

— Потом, Алорк.

— Хорошо. По мере ее движения навверх она, как одежду, сбрасывает с себя страсти, способности, полученные при спуске, и, очистившись от всякого греха и чувственности, попадает на восьмое небо, чтобы там, в виде тонкой сущности, наслаждаться вечным блаженством.

— Ваш Ваал чем-то схож с нашим Родящим. Спасибо, что отвлекла меня от предстоящего испытания. Алорк...

— Да, милый... - после этой самой короткой фразы Алорк я понял, зачем верховный Ваан изгнал меня из родной земли. Я понял замысел Родящего и вдруг совершенно четко осознал, что весь мой нелегкий жизненный путь был не зря. Я сам окликнул жреца, не дожидаясь его появления:

— Туй!

Когда он бесшумно возник в дверном проеме, я попросил:

— Можно поговорить с Веяном?

— Это лишнее. Твой друг знает все.

— Но хоть у него-то есть шанс?

— Если дело дойдет до официального суда, то твой друг всегда может сказать, что ничего не знал, и ему поверят. Улик нет.

— Но, чтобы дело повернулось именно так...?

— Да, конечно....

— Зачем нужен был весь этот спектакль с Нигером и аукторатами?

— Во-первых, Араб любит зрелища, во-вторых, спектакль получился на славу, и бдительность

самых недоверчивых ликторов усыплена окончательно, и, наконец, в-третьих, Фаустина не ищет легких путей. У тебя есть еще немного времени, друг мой. Советую воспользоваться им. Не буду мешать. — И плотная, ковровая ткань упала за египтянином.

Когда я повернулся к Алорк, то увидел, как падает, нет, точнее потоком ночной реки стекает вниз ее одежда. И мне открылся совершенно иной мир, мир, благодаря которому я забыл, где я нахожусь, кем являюсь, какова окружающая меня реальность. Словно человек, долго находившийся без воздуха, я вдыхал и вдыхал запах ее чуть смуглой кожи, прятал лицо в длинные блестящие волосы, прижимал к себе хрупкое тонкое тело, боясь причинить боль.

— Что ты чувствуешь? — спросила Алорк.

— Странное ощущение: очень сладко и в то же время хочется плакать.

— А я... мне совсем не хочется. Только вначале было немного больно. Но я думала, что все будет гораздо больнее. Вообще, если честно, то я очень боялась. Теперь я знаю: женщины тоже получают удовольствие, а не только терпят в себе мужскую страсть.

— А вдруг я сегодня по...

— Нет. Замолчи. Даже если ты действительно расстанешься с телом, я надеюсь, после этой ночи во мне забьется еще одно сердце.

— Я буду стараться, Алорк.

— Я слышу: приближается египтянин. Сейчас он тебя заберет. Ивор... Можно я буду называть тебя мужем?

— Да, Алорк! Да!

Несмотря на нависшую над мной опасность, после этой просьбы Алорк я почувствовал вдруг такой прилив внутренней радости, такую волну счастья, что даже крикнул, направляя звук туда, где должен был стоять Туй:

— Эй, самый лохматый жрец в мире, передай этим бездельникам, я имею в виду императора и его птичку, чтобы они приготовили сменное нижнее белье, на случай внезапного недержания! Я иду. Гладиатор Ивор с Верхнего Борисфена уже на полпути!

— Ивор, не надо казарменных шуток. Будь предельно собран, – Туй стоял передо мной, держа на вытянутых руках мои доспехи.

Впервые за почти два года моей гладиаторской карьеры мне помогли облечься в доспехи не морщинистые руки старого доброго Главкона, а нежные девичьи руки моей жены. Да, да, я именно так про себя стал называть Алорк. Уже затягивая шнуровку тяжелого балтея, она уронила на мое бедро несколько жгучих слезинок. И я решил, что, чтобы ни происходило дальше в голове отца всех богов Родящего, я все равно найду Алорк, потому что она будет существовать всегда, независимо от его мыслей.

А если так, то мы будем вместе.

— Император, идущий на смерть приветствует тебя!

Только сегодня идущий на смерть стал мужчиной, который знает, чего ему нужно в этой жизни. Да, ибо умирать он совсем не собирается! Он сегодня идет за чужой смертью. Да пусть простит Великая Мать своего мужа за не самые высокие мысли.

ГЛАВА 11

За длинными столами в саду воцарилась мертвая тишина. Все было готово к схватке. Небольшая импровизированная арена – приблизительно семь на семь – освещалась по всему периметру факелами, воткнутыми в массивные бронзовые подставки. Сама поверхность была обильно посыпана мелким золотистым песком, привозимым специально для подобных мероприятий, дабы придать им вес и значимость, с пляжей Александрии. Публика затаила дыхание. Вряд ли за столами нашелся хотя бы один человек, совсем не разбирающийся в мунере. В основном, конечно же, присутствующие прекрасно знали толк в настоящем поединке. Да еще в таком, за которым готов наблюдать сам император. О развлечении при участии адобатов все уже давно забыли. Все было рассчитано до тончайшей нити, даже паузы.

И вот появляется сумма-рудис. Конечно, это полный и абсолютный

фарс: потому что никто к его замечаниям прислушиваться и не собирался, но этикет соблюден. Хрипловатый, но очень глубокий и сильный голос объявляет, что на арену приглашается гладиатор из сарматских степей – двурукий Веян, по прозвищу Летучая Мышь, и непревзойденный, блистательный любимец нашего обожаемого императора Голубь. Фракиец против двурукого арбеласа. Прошу прощения, что ни разу не удосужился рассказать хоть немного о боевом стиле моего друга Веяна. Дело в том, что арбелас – это гладиатор, обычно использующий для защиты предплечья не кожаную маннику, а трубчатый наруч, завершающийся клинком в форме полумесяца. Применять акинаки Веяну категорически запретили, и ему пришлось переучиваться на арбеласа, так как гладиатор этого типа был ближе всего сармату. Двуруким Веяна прозвали за то, что он отказался от skutума и предпочел вооружить левую руку, как и правую, серповидным клинком. В который уж раз я внутренне восхитился своим другом. Прошло совсем немного времени после боя в доспехах адобата, пусть и подстроенного не в пользу соперников, но все же боя, и вот уже в сверкающей броне арбеласа, в свете факелов, Веян, прямой, как македонское копье, готов драться с лучшим из лучших.

Голубь появился с

противоположной стороны площадки бесшумно, словно матерая, повидавшая век кошка. Когда любимец Араба пружинисто качнулся из темноты, толпа шумно выдохнула: восхищение скрыть было невозможно.

Еще в Голубе поражало то, что он вышел на поединок без шлема и без нагрудного доспеха. Вся защита его состояла из балтея, небольшого skutума и маники. Словно предстоял не бой с одним из самых опасных гладиаторов Проконсульской Африки, а легкая прогулка с элементами театрального фехтования.

— Цезарь, идущий на смерть приветствует тебя! – Голубь вскинул над головой свой майнц. – Но позволь мне посвятить этот поединок гладиатору по прозвищу Белка? Ведь следующим будет он.

Араб в ответ еле заметно кивнул. Можно было Голубю и не спрашивать позволения у своего хозяина. Глаза Филиппа выражали столько оттенков переживания и привязанности, какое встречается обычно у детей по отношению к любимым игрушкам, что, вздумай Голубь нарушить все писанные и неписанные правила данного общества, никто бы этого и не заметил.

Голубь развел руки в стороны, приглашая Веяна атаковать первым. И вот два кривых меча рассекли воздух с тяжелым свистом. Еще и еще. Через несколько

секунд две белые молнии стали мелькать с такой быстротой, что невозможно было понять, где левый, а где правый клинок. Если бы воздух не был воздухом, а, к примеру, папирусной бумагой, то неисчислимое множество, а точнее горы мелких обрезков выросли бы прямо на глазах и похоронили двух скрестивших оружие гладиаторов.

Спартанец уходил от шипящей смерти то вправо, то влево, то неожиданно приседал. Меня поразило, что он был невероятно хром. Не нужно прикладывать специальный метр, чтобы убедиться, что правая нога была значительно короче левой. Но этим своим физическим уродством Голубь научился идеально пользоваться. Показывая, что будет делать движение в одну сторону, он вдруг неожиданно отклонялся и оказывался с другой – и всегда под неудобной рукой соперника. Иногда он делал сразу несколько ложных движений для того, чтобы появиться в тылу. Необычная техника движения и превосходное владение мечом делали этого гладиатора воистину настоящей грозой арены. А вот о его хромоте ветеран, повстречавшийся мне в термах, конечно же, не рассказал. Веян не то чтобы выглядел беспомощным, но превосходство в мастерстве было, бесспорно, за Голубем. Сармат работал быстро, очень быстро своими кривыми мечами, но любимец Араба всегда

буквально на толщину одной нити был быстрее. Прошло не более полутора минут, а Голубь уже несколько раз мог поразить Веяна, заставляя того открыть под удар то живот, то бедро, то бок. Но спартанец тянул. И понятно почему: нельзя не дать зрителю, истомившемуся в ожиданиях схватки, максимально полного действия. Сражаясь, можно показывать движениями, сколько раз ты бы мог поразить соперника, а умные, опытные глаза поймут все сами.

Слышно было, что Веян начинает тяжело дышать. Когда сражаешься, тяжелее всего переносить как психологически, так и физически свои промахи. Вот он, твой враг, в каком-то метре от тебя. И ты бьешь, но почему-то удары не находят цели. Ты начинаешь вновь строить комбинацию и вновь выходишь на свои самые коронные удары; и вот сопернику уже некуда деваться – только под твой клинок. И вдруг вместо плоти, вместо желанной брызнувшей крови, лишь свистящий воздух! И не столько от физической усталости, сколько от ускользающей уверенности в собственных силах ты начинаешь дрожать всем телом, которое деревенеет с каждой прожитой секундой все больше и больше: тебе не хватает дыхания, легкие твои горят огнем. А соперник кружит и кружит вокруг тебя, оттягивая время для нанесения решающего удара. Стоп! Веян, держи горло

и область сердца! Остановись и закройся, и пусть начнет атаковать он. Ты ведь слышал, ты не мог не слышать, что Голубь никого живым с арены не отпускает. Он боится повторной встречи, словно хочет держать в секрете какие-то свои ходы. А почему хочет? Он их и держит! Поэтому, Веян, прикрой горло и область сердца. И жди, терпеливо жди, он сам попадетя. Он ведь такой же человек, как и мы.

Но сармат не слышал моего внутреннего вопля. Да, он даже и видеть меня не мог, так как я находился в темной нише противоположной от пирующих стены. Но оба знали, что я наблюдаю за схваткой. По объявленному регламенту я должен был выйти против победителя в схватке адабатов, а победивший в нашей паре, в свою очередь, оказывается лицом к лицу с Голубем. Но все переигралось: спартанец вызвался биться против Веяна. Перечить любимцу императора бесполезно. А значит, я должен скрестить оружие с кем-то из них. Неужели Голубь заранее знает, что победит? Что за глупая самонадеянность! Нет же, тут дело в другом: он не уверен, что я смогу одолеть Веяна, а ему, по какой-то причине, нужно дозарезу драться со мной. Вот в чем дело. Вот почему в термах рядом со мной оказался опытный ветеран-гладиатор, тщательно изучавший каждую мышцу на моем теле. Он искал былые раны, те самые,

в прямом смысле слова, слабые места. Даже пытался оказать психологическое воздействие, дескать, Голубь живым никого с арены не отпускает. Ну, это-то я и без него знал.

Летучая Мышь уже с большим трудом передвигал ноги. Словно кто-то заколдовал сармата, ибо он делал то, что недопустимо для опытного бойца. А именно: он продолжал атаковать. Голубь же открыто издевался над соперником. Все чаще и чаще левая рука моего друга повисала плетью вдоль туловища: сказывалось старое ранение. Все чаще он останавливается, тяжело переводя дух. Но по-прежнему не думает уходить в защиту. Это какое-то наваждение... Неожиданно Голубь проскальзывает под правой рукой сармата, оказывается у того за спиной и наносит короткий удар ногой в подколенный сгиб. Веян падает на колени. По рядам зрителей пробегает недовольный ропот. Кто-то выкрикнул: «Крови!» — Крови, говорите вы?! Я согласен. — Голубь, повернулся спиной к противнику, словно тот был уже окончательно повержен и обратился к публике, скорчив невинную гримасу мима. — Этот гладиатор, как и многие другие, имевшие неосторожность скрестить со мной оружие, умрет. Да, умрет, я сказал. И никаких слюней. Разве что мой великий цезарь запретит мне сделать это. Аве, император! —

Голубь театрально склонил голову и, неожиданно развернувшись, ударил сармата ногой по лицу! – Вот так, мышка. Покажи нам, как ты летаешь. Что, не можешь, да? Ах, этот злой дядька пинается больно? Фу, какой драчун! А где твой друг или твоя подружка, уж не знаю, как точнее, Белка, кажется, иль Бельчонок? Эй-эй, Бельчонок, говорят, ты быстро бегаешь! Так вот, мол, лапками шибко перебираешь? Трых-х-х, по песочку.

Вконец обнаглевший императорский любимец подошел к краю площадки и стал, скалясь, смотреть в мою сторону:

— А хотите, я вам одну забавную историю расскажу. А ты лежи пока, сарматская телушка. Когда бычок тебя того...будешь коровкой, молочком угощать будешь, – с этими словами Голубь подпрыгнул и двумя ногами приземлился на спину Веяна. – Так вот, я продолжу. Жил был один патриций. И любил он устраивать гладиаторские мунеры на радость своих любимых сограждан. И была у него жена, красивая и соблазнительная. И, как все женщины, время от времени влюблялась в разных гладиаторов. Дарила им свое тело в стенах, пропахших потом казарм. Муж не очень ругал ее за такую маленькую слабость и вообще предпочитал заниматься более важными делами. Но потерявшей всякую совесть женщине этого уже было мало, и решила она извести своего

муженька. А как это сделать? Да очень просто! Нужно устроить маленький домашний праздник с гостями из очень знатных сословий и организовать для всех хорошую такую, настоящую мунеру. Правильно я говорю, а Бельчонок?

Сердце мое сжалось. Если бы у меня имелось оружие, то я, не задумываясь, бросился бы на Голубя. Спартанец прищурился, явно обдумывая, какие слова подобрать для обличительной коды. Я очень отчетливо увидел, как меня и Веяна сначала пытаются раскаленным железом, потом заставляют нести на себе вертикальную тесину креста куда-то в гору, под смех пьяной и тупой черни, затем приколачивают огромными гвоздями к дереву. Нас обвиняют в том, что мы хотели совершить преступление в отношении эдителя города Гадрумета. А за компанию с нами еще несколько десятков рабов подвергнут мучительным казням. Не нужно быть опытным провидцем, чтобы предсказать гибель и Алорк в том числе, от которой в первую очередь избавится ее хозяйка.

— Итак, Бельчонок, мне бы не хотелось устраивать тупую резню, но твой друг явно отказывается сражаться. Придется зарезать его, как самую глупую курицу.

Голубь подошел к уткнувшемуся в песок сармату – знает Родящий, я еще никогда не видел своего лучшего друга

столь беспомощным – схватил за длинные волосы и рванул на себя. Лицо несчастного, с прилипшим к потной и окровавленной коже песком задралось к довольной и возбужденной толпе.

— А что было дальше, Голубь? Чем кончилась вся эта красивая история?

Я узнал голос задававшего эти вопросы – это был император, Филипп Араб.

— Конечно, я обязан рассказать все достопочтенной публике. Вот только не знаю: сначала мне зарезать этого увальня или потом?

— Режь сейчас!

— Давай лучше потом!

— А можешь одновременно?

— Я все могу, мои господа любезные. Все. Но мне, кажется, вы мне не очень будете благодарны, когда узнаете финал этой замечательной истории, потому что... – Голубь не успел договорить. Я услышал лишь, как над самой крышей громко вскипела черная птица и, каркая, бросилась куда-то прочь. В это же время Голубь, как-то странно икнув, повалился ничком. Мне запомнились его удивленные, выпученные глаза. Потом я увидел окровавленный затылок и понял: бил пращник, очень искусный пращник, и наверняка специальным свинцовым шариком. Майнц из разжавшейся кисти полетел вперед, как раз в мою сторону. Араб вскочил с места и побежал к любимцу. За ним все остальные. Где-то в толпе

мелькнула лысая голова египтянина с бурой, зияющей раной на затылке. Праца — мелькнуло в уме.

И вот я бросаюсь к мечу; схватив еще теплую рукоять, делаю несколько прыжков в сторону Магерия, выбрасываю вперед руку. Клинок вонзается в горло и выходит с другой стороны, сокрушив на своем пути основание черепа. Голова на широком лезвии гладиуса точно на блюде. Меня кто-то хватает. Бью наотмашь. Попадаю. Бью снова. Но рук много, очень много. Вдруг раздается скрип опор, тяжелый тент падает, накрывая сгрудившуюся на арене толпу. Факелы гаснут, и наступает ночь. Ударяю в кромешной темноте клинком по вцепившимся в меня рукам. Вспарываю мечом материю. Звезды. Продолжая сыпать ударами направо и налево, двигаюсь по направлению к восточному выходу. Там, по договоренности с Фаустиной, меня должна ждать Алорк. Бегу по садовому коридору на дальний свет. Неожиданно на пути вырастает фигура мужчины. Кажется, я где-то ее видел. Уж больно знакомая. Человек моей профессии произвольно запоминает рост, мышечный объем и, конечно же, следы от ранений, физические изъяны, полученные в результате боев. Ну, конечно, в термах. Наношу несильный удар майнцем плашмя по плечу человека: «С дороги!» Он отшатывается вправо, точно в нишу.

Хватает меня за предплечье одной рукой, другой за волосы на затылке и резким движением бросает на колени. В то же время слышу тупой звук от удара. Поднимаю голову и вижу окровавленный лоб. Работа пращника... Он пришел, чтобы спасти меня!.. Зачем? Кто ты, гладиатор?.. Вскрываю. Бегу змейкой. Снаряд пращи бьет в

колонну. Сворачиваю и прыгаю в сад. Теперь им меня не догнать, потому что ноги мои проворны, точно беличьи лапы. У изгороди оборачиваюсь и вижу силуэт Иегудиила в неверном свете факелов с пращей в руке.

Продолжение следует...

Собрались как-то поэты, музыканты, в общем, творческие люди и решили сделать что-то совместное. Появился некий проект, но фестивалем его не очень-то и назовёшь, хоть это и фестиваль. Поэтому так и назвали - “**Как Бы Фест**”.

Как Бы Фест представляет собой регулярный клубный фестиваль традиционной и неформальной музыки и поэзии. Каждый концерт представляет

собой интересную подборку исполнителей, между которыми много общего, но в то же время непохожих друг на друга.

Встречи будут проводиться с периодичностью раз в месяц.

Место действия - Арт-этаж Шоколадная Фабрика.

Фестиваль проходит при поддержке “Межвузовского литературного форума им. Н.С. Гумилёва Осиянное слово” и “Квартирников на Павелецкой”.

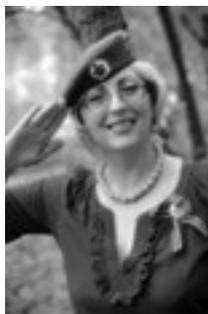
Жанр:

Классический/русский/акустический/поэтический/андеграундный/тяжелый рок, джаз, блюз, регги, рок-н-ролл, этно, авторская песня.

vk.com/kakbyfest

kakbyfest.livejournal.com

kakbyfest@mail.ru

Татьяна Петрова (Липецк)
Кабы жизней двадцать пять

Мы стояли с тобой под небом юга.
Пели цикады, звучали фуги,
И лился на море оранжевый свет.
Все было понятно, легко и просто:
Я была девочкой маленького роста,
Ты был большой, настоящий поэт.
Все грани стерты, уже неостры,
И волны уже небыстры,
В которых растаял млечный след...
След от вкуса тропических ягод,
От запаха рыбы на морском причале,
Где мы так долго и трудно молчали,
От вчерашней печали...
Как будто нас друг у друга украли,
А мы и не знали.
Чайки об этом весь день кричали,
И ноты уже не так звучали,
Погружая мелодию в лоно волн.
А я наматывала солнечные нити на пальцы
И вышивала на соленых пяльцах
похоронный челн. Жара утомляла.
Гроздьями спелых виноградин
Дозревала обида,
И умирала коррида
Растраченных впустую чувств...
Бумага истлела, не дождавшись чернила.
Солнце растаяло в море.
Горизонт был светел и пуст.
А я смотрела на небо юга, думала:
Хорошо друг без друга!

Лучше, чем было вдвоем?
Да? Ты – здесь.
Я ушла в слюдяной окаем...

Я забыла бы ночи свет,
Неба ясного черноту
И звезды оставленный след,
Канувший в пустоту...
Я забыла б измены страх,
Все глазами, перечеркнув...
Имя Ваше втоптала бы в прах,
Головы не повернув...
Если б смогла...

Хочу быть маленькой мобилой
у сильного и красивого мужчины,
чтобы постоянно ощущать его руки на своем теле.
Чтобы заряжаться от его зарядного устройства,
издавая при этом звуки разной тональности.
И он никогда не будет со мной расставаться...

Я девочкой вошла в твою судьбу.
Я перышком души твоей касалась.
Не замечая чувств твоих слюду,
Наложницей на троне отдавалась.

Я падала, сметая пыль с сапог
У путника их Геркулана.
Я целовала раны твоих ног,
Безродная... из вымершего клана.

Я возвращалась в прошлое веков,
В садах Семирамиды возлежала,
Руками отводила гнев богов
И за тебя в Помпее погибала.

Я лебеду в степях косила в ночь
Кочевница, подруга, маркитантка.
Я для тебя в стогу рожала дочь,
Из трав зарею вышивала «Танка».

Бессонницей из обгоревших книг
К тебе я тайно приходила.
Волной носила твой пиратский бриг
И жилами стежками парус шила.

Я умирала, ниспадала ниц
Монашенкою в кельях Валаама...
Я повидала столько разных лиц...
Твое искала я среди ликова храма...

Я улетала, возвращалась вновь,
Но никогда тебя не покидала!
Я все прощала - ревность и любовь.
Да так, что в очаге золою стала...

Чаша выпита допьяна,
Ты уже далеко...
Что оставил ты в памяти,
Раз прощался легко?
Так привычно и буднично
Покинул вокзал...
Сколько женщин любивших
ты на нем оставлял?

Уже не пишутся стихи.
Слова прокапали дождями.
И не поются серенады.
Любовь уходит как воздух из легких...

Забывтый запах волос,
Вкус осенней кожи...
Воспоминания - песок сквозь пальцы.
Счастье осталось на кончике языка...

Отпусти! Это голос не мой.
Отпусти убеленную птицу...

Отпускаю тебя, мальчика ниоткуда.
Улетаешь усталым седым сизарем...
Вот и кончилось наше чудо,
Чудо, выданное нам внаем.
Наши комнаты опустели,
Наши сосны шумят не нам.
И кудряшки мальчишки-апреля
Расплетает другая... не там.
Убегает, бежит водица.
И зигзица парит над кустом,
Я - твоя невзлетевшая птица
С разорванным в клочья крылом...

Кабы жизнью двадцать пять
Прожила б, ни дать ни взять:
Сыну – жизнь,
Внукам – две.
Маме, папе и стране!
По одной – друзьям, труду,
Чтоб не вылететь в трубу.
Остальное – все тебе...
Мало? Больше нет в судьбе...

Клеточки окошка,
Штора цвета глины...
В этом доме старом
жить вдвоем смогли бы?
По стене напротив
Бродят тени-плети,

А душа в полете –
вырвалась из клетки!
И теперь я – фея!
Светлая, босая!
Сон ваш охраняю
На границе рая...
А когда проснетесь
Быстро и тревожно,
Задохнусь от боли:
Жить так невозможно!
Вы всегда в походе,
Мой усталый воин,
По пустыне жаркой
Все один бредете...
Миражом Вам встану,
Лужицей водицы,
Лишь бы Вы добрались
До моей светлицы...
Встречу Вас поклоном
И горбушкой хлеба...
И зажгу зарю я
Всполохом в полнеба...
Сердце на ладошках
Протяну открыто...
Все, что было в прошлом,
В прошлом и забыто...
Я теперь босая
Сон Ваш охраняю...
На границе рая
Светлячком мерцаю...
Тени тихо тают,
Бродят за порожком.
Дом, такой усталый,
Засыпает кошкой.
Клеточки окошка,
Штора цвета глины...
В этом доме старом
Жить со мной смогли бы?

Нежности хотелось до немоты,
Близости – до слепоты.
Ураган нагрянул, закружил, унес,
Потерялась меж дождей и гроз.
Закружилось прошлое,
Осень за окном.
На листочке высохшем мы с тобой плывем...
Ну и пусть завьюжится,
Все умчится прочь...
Отлюблю положенную мне судьбою ночь.
Растоплю все льдинки,
Что в глазах твоих.
В волосах сединки?
Паутинки в них!
Пусть же грянет музыка!
Ветра слышу звон...
Светляками искорки
И поленьев стон...
Вышла на крылечко воздуха глотнуть,
А за зорькой утро....
Больно ноет грудь...

Владимир Цывкин

(Сергиев Посад)

Хроника выбитого поколения

«Выбитым» демографы называют поколение, исчезнувшее в результате войн и катаклизмов, а также не родившееся и не продолжившее свой род по тем же причинам. Революция, гражданская война, голод, коллективизация, репрессии, Великая отечественная война, гибель воинов-интернационалистов в Афганистане - основные причины того, что поколение 1941-1945 годов можно считать выбитым не единожды. Когда говорят о катастрофическом падении численности населения России, почему-то забывают об этом. И если в науке, искусстве, образовании это поколение представлено достаточно, то для бизнеса и для институтов управления государством - страница поколения 1941-1945 годов перелистана.

Смерть Сталина, освоение целины, первый спутник, эра полетов человека в космос, отставка Хрущева, Чехословакия, Даманский конфликт, Афганистан, Олимпийские игры в Москве и так далее, вплоть до Новейшей истории России. Перечислено не все, но, согласитесь, выпало немало увидеть, услышать, пережить...

Немного о себе

Я родился 28 марта 1945 года в городе Загорске Московской области. Первые дни жизни протекали в одноэтажном районе города, именуемом Козья горка, где родители снимали жилье, где некоторое послевоенное время жили родственники по линии отца и где под сенью садовых деревьев я спал в корыте, что заменяло и кровать, и коляску одновременно.

Потом мама отвезла меня в

город Канск, к своим родителям, у которых было небольшое хозяйство: куры и огород. Соседская корова дополняла нехватку питательных веществ в моем рационе. Следует заметить, что мама родилась на станции Зима (тогда Красноярского края), а один из ее двоюродных братьев учился вместе с Евгением Евтушенко. Дед мой по маминой линии - Моисей Маркович Беленкович - славился умением варить квас, делать вино, а также

был специалистом по столярной, бондарской и стекольной части. Знал нетрадиционную медицину, был прирожденным педагогом. Единственный педагогический прокол произошел, когда, ради моего блага, он зарезал рябую курицу. С тех пор, невзирая на национальную принадлежность, птицу я не ем. Бабушка Ципа Савельевна (в девичестве - Либкова) вела хозяйство.

Вскоре вся семья собралась в Загорске в одной из комнат коммунальной квартиры. Далее были ясли, детский сад. Мне вспоминаются праздничные утренники, обеденный тихий час и воспитательница Ольга Митрофановна. К Новому 1949 году мы получили новую квартиру на Рабочем поселке, а я еще и младшего брата. Влияние улицы было таким, что к шести годам я попробовал табак, а годом раньше буквально ошарашил родню принесенным с прогулки лозунгом: «Бей жидов, спасай Россию!». Вот тогда-то я и узнал, что родился евреем. Хотелось быть, как все. А значит, чужие сараи, подвалы, чердаки, побеги из дома, вместе с соседским Ваней Генераловым, которого лупил подвыпивший отец, - все это было моим детством.

В 1951 году состоялся первый сознательный выезд на отдых за пределы Загорска. Пункт назначения - Киев, Дарница, где

жил родственник по маминной линии - дядя Миша Беленкович, личность, по воспоминаниям людей его знающих, легендарная. Дарница вспоминается пожарной каланчой, желтыми помидорами, украинским борщом, купанием в речке, строительством «патоновского» моста через Днепр. Дальнейшая география летних поездок переместилась в Белоруссию, в Бобруйск, затем под Питер, в Крым, Ригу и снова в Крым.

1952 год - первый раз в первый класс. Антонина Николаевна Кузнецова сумела привить любовь к природе, родному языку, малой Родине. А уроки пения, которые, скорее всего, были уроками музыки, заложили основы вкуса. Начальная школа № 15 - двухэтажное деревянное здание с туалетом на улице, небольшой сценой и роялем на втором этаже, маленьким буфетом и неповторимой атмосферой. Туалет регулярно подвергался нашим атакам. С помощью дрожжей или карбида кальция, вызывавших кошмарное извержение содержимого, прекращались уроки в школе, что было необходимо нашим романтическим душам, поскольку лед на прудах резко таял, а покататься на льдине было пределом детских мечтаний. К моменту выпуска из четвертого класса была прочитана книга

Николая Чуковского «Водители Кристо», «Три мушкетера», фрегатов». Море манило, при этом окончание школы и переход на башнях» и многое другое, в среднюю казались не менее что так или иначе повлияло далекими и таинственными. Впереди были «Граф Монте-

Порой нас возвращает в детство
Ребячий гомон, суета,
Желанье: взять и оглядеться:
Что было так, а что не так?
Когда душа не знала боли,
Когда слеза рождала смех,
А баловство в начальной школе
Являло самый страшный грех.

Ну, что нам было дружка другу
Наплесь кружев из небылиц
Иль чепуху пустить по кругу
Жующе-врущих детских лиц.

В окошке свист, и мы на горке.
Забыв родительский запрет –
Летим на лыжах! Как-то горько,
Что прежде мог, а нынче нет.

А вас катание на льдинах
Не привлекало никогда?
Ну, кто скорей до середины
Того зеленого пруда?!

Чердак, подвал, сарай соседский,
Чужие сад и огород
И до серьезности по-детски
Дружок – в руке незрелый плод.

Так вот что возвращает в детство:
Забывтый привкус на устах
И мысль, которой можно греться –
Все было так. Да, только так!

Обучение в начальной школе совпало с созданием нашей атомной бомбы - об этом говорили по радио и в появившемся у наших соседей телевизоре с линзой: это был КВН-49-4. Это событие разожгло мое детское самолюбие. Моя бомба состояла из подожженного

с помощью керосина (он тогда был в каждом доме) деревянного столба, с заложенной в этот костер электрической лампочкой. Взрыва не произошло. Пожар был потушен огнеборцами, но вина перед столбом осталась.

На том же месте. Возвышаясь чуть
Над слоем из бульжника с бетоном,
Он много лет являет ту же суть:
Рукопожатие людей у телефонов.

Когда-то из железки и сосны,
А ныне из армированной смеси,
Стоит полвека все на том же месте,
Вдали от трасс высокоскоростных.

В рассветный час, когда любой петух
Не успевает потревожить свиту,
Он в одиночку ловит хлебный дух
Лаптей пшеничных, кирпичей из жита,
Не разбазаривших печной, пахучий жар
На всем пути до встречи долгожданной
С глотком воды, холодной, из-под крана.
Или горячей. Вона - самовар!

Но если человек или прогресс
В канал упрячет кабельные сети,
Не сможет столб сосной вернуться в лес
И пропадет, как многое на свете...

Приближался Всемирный фестиваль молодежи и студентов. Родители приняли решение отправить нас с братом Геной подальше от всего этого столпотворения, в Ленинград, даже в Зеленогорск (бывший финский

курорт Терийокки), где снимала дачу (у ленинградцев это обычное дело) мамина тетя.

Тетя Маня занимала небольшую комнату в доме местного кузнеца Макара Зарембы на углу улиц Курортной и Танкистов. Через

забор находился стройдвор, где можно было поживиться штакетником, гвоздями, дранкой и тому подобным материалом для детского технического творчества. Окружающий лес, испытавший на себе войну, хранил патроны, осколки снарядов, немецкие, финские и советские каски, которые не ускользали от пытливого детского глаза. В глубине двора стоял деревянный туалет, а за ним заболоченный лужок. Именно там, под прикрытием осоки, мы строили лодку из штакетника, который таскали со склада под руководством Генки Михайлова, чей отец, прораб, каждое утро удивлялся недостатке стройматериалов. Наша верфь была отличным наблюдательным пунктом. Всякий раз, когда надо было чистить выгребную яму, дед Макар подгонял бочку, доставал неведомо откуда черпак, основной частью которого была немецкая каска, и трудился, всем своим видом давая понять, что фашистская железка ни на что больше не годится. А когда он решил скосить осоку на корм поросенку, нашелся пропавший штакетник!

На противоположной стороне улицы Курортной находился Дом творчества - санаторий «Архитектор», который тоже был местом наших набегов. Дело в том, что в недалеком прошлом это была усадьба финского конезаводчика, приличносохранившаяся. В бывших конюшнях в деревянных решетках

были аккуратно упакованы парковые античные скульптуры. Их нагота нас очень интересовала. Однажды, возвращаясь из санаторного парка, мы чуть не попали под колеса «Победы», чем потом гордились. За рулем сидел Аркадий Райкин, а в салоне была вся артистическая семья, в том числе маленький Костя. Походы на берег Финского залива радовали загадочным и недостижимым Кронштадтом, прогулками на лодке деда Макара, купанием и испытаниями парусников - плодов нашего творчества. Модели имели приличное парусное вооружение, долбленный корпус, палубу и мощный киль из кровельной жести. Нам очень хотелось, чтобы наше детище дошло до Кронштадта. Результаты детских опытов дошли до меня в 1969 году, когда началась моя служба в Севастополе на ПЛК-30 (противолодочном корабле 159-го проекта). Соседом по каюте, согласно штатному расписанию, был Владимир Ефимович Мельников - человек огромного жизненного опыта и стажа в ВМФ. В свои 37 лет он ходил в старших лейтенантах по причине невезения. Мы сдружились, частенько разбавляли одиночество крымским вином и казенным спиртом, а то, что мы могли это делать, не выходя из каюты, гарантировало Ефимычу достойную характеристику для представления (в который раз!) к очередному воинскому званию.

Через 12 лет приятно было узнать из рассказов старшего товарища, что в свое время особый отдел ЛенВМБ (Ленинградской военно-морской базы) сбился с ног, разыскивая шпионов,

засылавших к Кронштадту с завидной периодичностью модели парусников. Парусники разбирали на части, но внутри ничего не находили. Ясно было, что происки. Но чьи?!

Мечтает мальчишка о море, о странствиях дальних.
И вот уж призывно к походу сигнал прозвучал.
Забились сердца и счастливо, и где-то печально,
Когда удалялся и таял в тумане причал.

Не может быть гладкой дорога из юности в зрелость.
Успеем мы все: оступиться и в гору войти,
С дороги свернуть, заблудиться, но очень хотелось
Хорошую карту и компас исправный найти.

Мечтами мечты, только «их благородие», случай,
Вершит по-иному и крепко стоит у руля.
Он прав или нет? Кто рассудит? А может быть, лучше,
Когда под ногами не море, но все же земля...

Средняя школа разделилась на два этапа. Первый: с 5 по 8 класс - в школе № 19, построенной аккурат к окончанию начальной, второй - 9 и 10 в школе № 3. Призыв идти после 8 класса на фабрики и заводы - одна из примет «выбитого» поколения, когда недород населения портил показатели прироста во всех разделах Госбюджета.

Учитель с большой буквы - Чадов Александр Васильевич, преподаватель физкультуры. Мои физические кондиции в то время были далеки от совершенства: бараний вес, очки, торчащие ребра.

Программа, которую внедрял Чадов, состояла из спортивной гимнастики, легкой атлетики, лыжных гонок и игровых видов, в основном баскетбола. При этом поощрялись хоккей с шайбой, волейбол, бокс, борьба. Однажды я спросил Учителя, как лучше распределить силы на лыжной дистанции: экономить или рвануть сразу? За дословность не ручаюсь, но смысл таков: в любом деле лучше быть первым, никого вперед не пропуская.

Для поступления в вуз оставался один год. Повезла дружба родителей Коли Классена с первым секретарем

Горкома Павлом Ивановичем Григорьевым. В школе № 3 собрали всех, кто желал быстрее окончить школу. Пять десятых классов с трудом вместили 160 желающих. Наш оказался последним в этом ряду. Семь пацанов и двадцать с лишним девчонок. 10 «Д» - навсегда. «Forever» - как скажет нынешнее поколение.

А чего стоит побег практически всего класса в пятницу 14 апреля 1961 года в Москву на встречу Юрия Гагарина, затяжная нотация

любимого директора школы на следующий день, глаза которого говорили: молодцы, я на вашем месте поступил бы так же!

Школа № 3 запомнилась неповторимой гимназической атмосферой, учителем математики Георгием Николаевичем Степановым, выпускным вечером и неискупленной виной перед классным руководителем - Валентиной Николаевной Голубевой.

Я обо всем пишу: что вижу, чем болею,
То прозой, то рифмой семеня.
Уж как могу - иначе не умею -
Мои друзья помилуют меня:

И тот, что рановато полысел.
И тот, что спорит, рта не закрывая,
И тот, что подшофе слегка моргает,
И тот, что от любви не заболел.
И тот, чьим мнением очень дорожу.
И тот, что фантазирует безмерно,
И тот, с которым подружусь, наверно,
И тот, друга с которым, – не дружу.

А что я написал? Пустяк. Язык мой беден.
Образование - школьный аттестат.
Мои слова шокируют соседей,
Ну, а друзья всегда меня простят:

И тот, что от волнения поседел.
И тот, что в сорок оптикой сверкает,
И тот, что постоянно помогает,
И тот, что рад, да просто не успел.
И тот, кому доверю свой секрет,
И тот, кого желаю видеть чаще,

И тот, что воз забот исправно тащит,
И тот, что дорог всем, но его нет...

Но верю, будет день в текущем нашем веке,
Я, отрешась от всех земных забот,
Чего-то сотворю для блага человека,
И другу это пользу принесет:

Тому, что не бурчит по пустякам,
Тому, что слово даст - не отречется,
Тому, что любит дождь, как любят солнце,
И в дождь с корзиной бродит по лесам,
Что гонит прочь недобрую молву,
Кому чужая, как своя, тревога.
Таких друзей сейчас, увы, немного.
Но есть, и я люблю их - тем живу...

Пройдет много лет, и профессор
медицины Валентин Бирюков,
прекрасный, разносторонне
развитый мой сверстник, вспомнит
наш школьный театр миниатюр
«НИКЛЮРЦЫ», в котором
участвовали Николай Классен,
Юрий Романов и я, следующими
словами: «Для того времени то,
что вы делали, кажется теперь
чем-то запредельным». К слову,
в то самое время в нашем 10 «Д»
был организован квартет, один из
тех, что назовут потом вокально-
инструментальным (ВИА):
фортепиано - Наташа Силивон,
баян - Вовка Лебедев, гитары -
Андрей Благодаров и я.

Теперь ясно: мы начинали в
одно время с «Beatles», правда,
успех последних состоял в том,
они не догадались включить баян

в свой состав.

Попытка сдать вступительные
экзамены в МИФИ окончилась
провалом, но это был опыт, цены
которому нет. Манил Ленинград
- город, где когда-то учились мои
родители: мама в медицинском, а
папа в Университете. Кроме того,
там жили шесть папиных братьев
и мамина тетушка - тетя Маня.
Совсем скоро жизнь подсказала
мне, что недостаток денежных
средств можно компенсировать
столованием у родни; было даже
расписание: в какой день недели к
кому идти в гости.

Итак, Кораблестроительный
институт, общежитие в Автово,
работа токарем в механическом
цехе п/я 604, радиомонтажником
в п/я 686, метро, трамвай, лекции,
семинары и прочее. Во время

учебы казалось, что полученные знания имеют очень узкую направленность. Ошибался, да еще как! Низкий поклон тебе, Приборостроительный факультет Ленинградского ордена Ленина кораблестроительного института,

всем преподавателям, сотрудникам и соратникам по учебе, целине, самодеятельности, КВН, делам и потехам. Отдельная благодарность Виктору Андреевичу Коновалову - во-первых, Человеку и только потом заместителю декана.

Дверь простится то ли стоном,
то ли окриком ключа.
От перрона до перрона
 сладкий сон, несладкий чай.

И не жалко суток трети
на плацкартных боковых,
Если день случится встретить
на дворцовой у Невы.

Воздух синий, стройность линий,
Наводнея, листопад.
А дворец и летом Зимний,
и зимою Летний – сад.
Мойка, дрожь свечи в окошке.
Даль тревожна, ночь тиха.
И моченая морошка –
жажда гения стиха.

Позабыто: «Трогай с Богом!»:
ямщики наперечет.
Неизменна лишь дорога
от восторга до забот.
Расстоянье-расставанье
всякий раз не навсегда.
От призванья до признанья
не мгновенья, а года.

Часть выпускников нашего курса за год до окончания института наверняка знала, что их ждет служба в ВМФ. Я был в их числе. Встретились в Севастополе. Получили офицерскую форму, погоны и назначение. Мне досталась долж-

ность командира минно-торпедной боевой части противолодочного корабля. От себе подобных его отличала новейшая глубоководная буксируемая акустическая станция. Сегодня годы службы вспоминаются с благодарностью.

Последний раз у трапа оглянусь.
Меня поймут, и я не по Уставу
Тебе, Корабль, как дому, поклонюсь.
Ты заслужил такую Честь по праву.

Три года вместе с небом и водой.
От кили все до клотика привычно:
Каюта, кубрик, склянок мерный бой
И с хрипотцой старпома голос зычный.

А дома ждут, волнуются; и мать
Еще не раз платок к глазам приложит:
Ты где, сынок? Ну, как ей рассказать,
Что встречи жду? И расставанье гложет.

Последний раз у трапа оглянусь,
Тебе, Корабль, как дому, поклонюсь.

Вся дальнейшая жизнь моя была связана с родным городом, который между собой раньше называли Посадом, а теперь все чаще Загорском. Далее работа на оптико-механическом заводе, воспитание детей, самодеятельность, регулярные налеты на Тверскую область с целью заработать деньги на строительство объектов

сельскохозяйственного назначения. Приход в Россию очередного смутного времени переставил местами специальность по образованию и по наклонности. Теперь привитый разными людьми музыкальный вкус, гитара и стих стали основным видом трудовой деятельности.

Людей не делил на плохих и хороших,
К себе отношение не умножал,
Достоинства складывал с миру по крошкам.
Чужой недостаток всегда вычитал.

Считал: если старший, то должен быть умным.
За младшего грудью стоял. До конца.
Расплескивал чувства, порой очень шумно,
И правду в лицо говорил подлецам.

Что было-то ясно. По курсу туманно,
Лишь общая в оптику видится цель,
И я об одном попрошу Капитана:
«Смотри, чтоб не сел наш кораблик на мель!»

Татьяна Кудряш (Смоленск)
Чудо-птица

ЧУДО-ПТИЦА

— Аркаша хороший! Аркашу нужно слушать! – зеленый попугай взмахивал крыльями, пытаясь удержать равновесие на шесте внутри клетки. Платок, накрывавший его маленький домик, сдернули в толпе, и птица заговорила.

Шёл 1941 год. В многолюдном северном порту никто не обращал внимания на женщину с говорящим попугаем в красивой золоченой клетке.

Заканчивалась посадка, кто-то кричал, кто-то плакал – тысячи людей толпились в порту, толкая друг друга – каждый хотел попасть на корабль.

Прасковья с трехлетним ребенком на руках не стала брать много поклажи. Она опустила дочь на землю, велев Ниночке крепко держаться за подол её платья, а сама полезла в сумку за документами, которые были надежно спрятаны на самом днище.

— Аркаша хороший! Остайся с

Аркашей! Аркашу нужно слушать, Аркашу нужно слушать! – попугай болтал без умолку.

Девочка заулыбалась, увидев чудо-птицу с ярким оперением. Нина протянула ручку в его сторону и, отпустив подол платья матери, послушно пошла за Аркашей.

Хозяйка попугая обошла вокзал и остановилась у лавки, где расположилась её семья в ожидании следующего рейса. Девочка пролезла в простенок за скамейкой, на которую поставили клетку. В этом укромном уголке никто не мешал ей спокойно слушать взволнованную речь Аркаши и рассмотреть диковинную птичку поближе.

Прасковье казалось, что ушло не больше минуты, пока она доставала документы. Ниночки нигде не было. У Прасковьи в груди похолодело.

— Нина, доченька моя! Нина! Вы не видели маленькую девочку в голубой курточке?! – испуганная мать бросилась на поиски дочери.

Пароход издал последний гудок, готовясь к отплытию.

* * *

Судно отчалило от берега на сотню метров, когда нашлась Ниночка. Прасковья, крепко прижимая дочь к груди, не слушала её увлеченный рассказ о чудесной птичке, она со слезами на глазах смотрела вслед уплывающему кораблю.

Внезапно раздался оглушительный взрыв, и огромное пламя озарило восток.

Пароход, расколотый надвое шаровой миной, опустился в черные воды Белого моря.

ЗАКОЛДОВАННЫЙ ЛЕС

Сова проснулась, услышав хруст веток рядом с деревом, в уютном дупле которого она сладко спала. По телу прошла волна напряжения. «К нам пожаловал человек», - поняла сова. Голова птицы, выглядывающая из дупла, сливалась оперением с рыжевато-коричневой корой старой смолистой сосны. Одним глазом хозяйка леса досматривала сон, другим внимательно следила за движениями девочки, бродившей по лесу.

Оленька искала глазами среди опавшей листвы причудливой

формы сухие веточки, корешки. Девочке хотелось найти такие же красивые, какие она видела у подруги на книжной полке. На день рождения, когда Ольге исполнилось тринадцать, Аня подарила ей фигурку, похожую на оленя, пьющего воду из ручья.

Оля складывала в рюкзачок найденные замысловатой формы корешки. Но таких интересных, как у подруги, ей не встречалось.

Внимание девочки привлекло огромное полутораметровое корневище пня, заваленного на бок. Завитки корней могли стать хорошим материалом для коллекции. Оленька, словно замороженная, рассматривала чудесный узор узловатых переплетений корневой системы. Удивительный мир раскрылся её взору. Изогнутые разветвления корня напоминали диких животных в разнообразных позах. Вот пантера, готовящаяся к прыжку, а рядом леший, склонивший голову на бок и грозящий пальцем своенравной кошке. А может быть, лесной страж грозил Ольге, желающей проникнуть в тайны неведомого ей мира?

Могучий корень околдовал девочку. Она восхищалась величавым исполином, поведавшим ей чудесные истории его сказочного царства.

Но каково же было огорчение Оленьки, когда ей не удалось

отломать ни одного из отростков, чтобы забрать их с собой и превратить свой дом в сказку. Многовековой корень был тверд, как камень.

Поскольку пень лежал на боку, часть корня Оля увидеть не могла. И она решила попробовать его развернуть. Ольга подперла корневище всем телом и изо всех сил попыталась его приподнять. Оно немного качнулось. Любопытство было столь велико, что силы девичьи удвоились. Ольга стала раскачивать упрямый пень, который упирался в землю торчащими во все стороны корнями, словно растопыренными пальцами. Однако раскачать так, чтобы перевернуть его, никак не удавалось.

И вдруг в момент толчка нога девочки соскользнула по земле под корень, в самую глубину. Он навалился на Ольгу, захватив ступню в надежный плен. Стоя на одной ноге девочка лишь несколько мгновений могла удерживать гигантскую корневую махину, не давая ей окончательно опуститься и сломать плотно придавленную к земле ногу. Она понимала, что сейчас случится непоправимое. Время будто остановилось...

Сова выбралась из дупла и, сидя на ветке, внимательно наблюдала за происходящим. «Глупое человеческое дитя, - думала она. - Лес подарил тебе целый рюкзачок красивых корешков, а тебе всё

мало». Но сердце хозяйки леса было доброе, и ей стало жаль девочку. Однако она понимала, что помогать нужно только особенным людям. Если даешь им свою силу, то ваши души будут связаны навсегда. И сова, повернув голову на бок, пристально всмотрелась в человека цепким, немигающим глазом цвета заходящего солнца.

Корень прижимал ногу всё сильнее, и Ольга почувствовала острую боль. Воображение ее рисовало картину того, что сейчас произойдет.

Внезапно огромный корень плавно начал подниматься в воздух. Оторвавшись от земли на полметра, он завис, но лишь на мгновение. Едва изумленная Ольга вскочила на ноги, пень глухо упал, всадив рогатое корневище в земную твердь. Лес, зашелестев золотой листвой, издал глубокий вздох.

Девочка бежала по лесной тропе, не оборачиваясь. Ей было невыносимо стыдно, что она возомнила себя хозяйкой леса. Неспроста леший с корневища грозил ей крючковатым пальцем.

Сова взмыла в небо над своими владениями, щедро украшенными царицей-осенью в золотые и пурпурные наряды. Расправив крылья, владычица лесного царства летела бесшумно вслед за хрупкой фигуркой бегущей девочки. — Мы с тобой едины, Оленька...

**Илья Виноградов (Мурманск)
Жизнь коротка, чтобы все
время спешить**

Палач

Палач работает. Не ждите, не замшеет
Его топор, оставив службу вдруг:
У палача семья сидит на шее,
Орава ртов на пару крепких рук.

Не зов души, и даже не призванье -
Он причиняет рубящую боль,
Законно налагая наказание
И выполняя в социуме роль.

Заплечный мастер прям и неподкупен,
Чист на руку, хотя в крови топор,
Приветлив и старателен, что вкупе
Не оставляет права на укор.

Друзья, родные с ним в одной обойме –
С таким окладом каждый стать готов
Не палачом, так мясником на бойне
Иль продавцом ножей и топоров;

Увы, но их нисколько не заботит,
Что мажет так случиться, плачь не плачь,
Заглянет к ним не в гости – по работе
Знакомый, но старательный палач.

* * *

Власть оружия условна. Но реальна власть денег.
Деньги любит политик. Деньги любит священник.
Деньги любят газеты – и свободное слово
Красной тряпкой не станет для тельца золотого.

Жизнь – базар бесконечный обесцененных судеб,
Где нахрапистость вора стоит хитрости судей.
Но Она вдруг приходит, и налоги на Вечность
Собирает, и штрафом облагает беспечность.

Кто в наличные в кассе и в счета в крупном банке
Верил больше, чем в Бога – тем карман наизнанку.
Отдана за бесценок дней безлика масса.
Не купить мига жизни. Не продать смерти часа.

Смирение

1.

Опять срывает дождь-насилыник
Наряд ажурный с робкой рощи;
Трепещут хрупкие осины,
В слепом испуге липы ропщут,

Вздымая ветви...

И смиренно,
Устав шуметь, желтеть, кружиться,
На землю ниц ложатся листья
Пред ликом плачущей Вселенной.

А после черную шаль ночи
Сотрет узором светлым иней,
И возрожденье напорочат
Метели пошептом змеиным.

Придет мой срок, и дождь осенний
Прочь унесет, как с веток листья,

Остатки грусти и веселья,
Надежды, память, близких лица...

И, с тайной верой в возрожденье,
Я запасуюсь неприметно
Листвы смиреньем многоцветным,
Деревьев трепетным терпеньем.

2.

В своем доме - умен и силен,
В своих стенах - почти что король;
Выйду в город – таких миллион,
В их числе я – незначащий ноль.

В лес уйду.

Но для леса я слаб:
Съел консервы – и быстренько сник;
Воробей на своих спичках лап –
Он сильнее меня, серый лесник.

В дом вернусь. Но и здесь буду бит:
Бьет зубная зубастая боль,
Бьет изжога и бьет гайморит...
Нет, и здесь я совсем не король.

Осень выгрущу, зиму дождусь –
Разгорится снегов круговерть,
И развеется глупая грусть,
Словно дым, улетающий вверх.

Позабыв о пустой суете,
Я спрошу у белеющей мглы:
«Оттого ли сильна так метель,
Что снежинки безмерно малы?»

Оттого ли светлы так снега,
Что снежинки слабы и хрупки,
Что сверкают они как слеза,
Тая в теплой ловушке руки?»

В моем доме - прекрасная тишь:
Гордость спит...

Я опять и опять
Силу слабых пытаюсь постичь,
Красоту неприметных понять.

* * *

Мой дом как крепость.
Огорожена
Страна уюта, дверь – граница.
И от ворот - гостям непрошеным.
Друзьям...
Кто хочет, достучится.

Но жизнь – собрание нелепостей.
Мне тридцать три. Жизнь на изломе.
Я словно узник в этой крепости,
Как гость непрошенный я в доме.

* * *

Мои мечты просты -
Богатым быть хочу:
Мне б золото пустынь
И снежную парчу,

Весеннюю капель,
Осеннюю печаль,
Надрывный груз потерь,
Надежд воздушных даль.

Мне б силы – все принять,
Что встречу на пути.
Сто раз «прощай» сказать,
Но сто один – «прости».

* * *

Опять из вокзала-лука
Стрелою поезд летит,
Чтоб чувства проверить разлукой,
Очистить от пыли быт.

Неведомый ген свободы
Рождает к дороге вкус.
Обмен километров на годы -
Всегда невыгодный курс.

Когда от тебя уезжал я,
Вдали чего-то искал –
Вприпрыжку по шпалам бежала
За мной по тебе тоска;

Но делался путь слаще,
Когда был обратный билет:
К отъездам страсть – преходяща,
Любовь к возвращениям – нет.

Летят поезда сквозь годы,
Змеится седая пыль...
Цветастая сказка свободы.
Семьи красивая быль.

* * *

На входе в рай не выдают бахил.
Вошел, как есть, и встал посередине.
Я заслужил: не глупым был и не плохим,
И тем гордился. И услышал:
«Наследили!»

* * *

Дорога – дрянь. Но все же делаю
За шагом шаг, за шагом шаг:
Чем тяжелей в дороге телу,
Тем ближе к Господу душа.
Чем путь лежит непроходимей,
Тем легче помнить дом вдали...
Чтобы идти, необходим нам
Груз притяжения Земли.

* * *

Объятый осенью, пылает лес,
Весь в тишине и прелых ароматах.
Из года в год приходится земле
Забыть все, чем была богата.

Она не в силах теплоту сберечь,
Печальные цветы поспешно вянут;
В них есть неповторимость кратких встреч,
Необратимость расставаний.

К чему жалеть, что дни ушли, пусты –
Те, что придут, пустей не оказались бы.
Листает лес последние листья.
Покою ждет. Не просит жалости.

* * *

Одна Земля, и разные дороги,
И право взять дорогу по себе;
Есть трудности, чтоб не забыть о Боге,
И радости, чтоб доверять судьбе;

Друзья есть, чтобы делаться добрее,
И есть враги, чтоб делаться сильней;
И птица в гулком поднебесье реет -
Придет пора, душа умчится к ней;

Но чтобы с тяжким сердцем не прощаться,
Есть время извиниться и простить...
Так много в жизни выпало мне счастья,
Что трудно одному его нести.

Так было.

Есть.

Не может быть иначе.

И пожалеть могу я лишь о том,
Что объяснить не в силах их удачи
Всем тем, с кем вместе по Земле идем.

Вечерний автобус

Жизнь коротка – зачем все время спешить?
То обгонять кого-то, то догонять...
С шумом пускай летят вереницы машин -
Я терпеливо буду автобус ждать.

Долго потом буду в окно смотреть,
Чтобы успеть разглядеть все на пути;
Треть жизни спим, работаем - больше, чем треть:
То, что осталось, хоть бы не упустить.

Снег, что – о чудо! – опять угадал на Покров;
Звездами блещет его серебристый мех
В лунном потоке, не знающем берегов –
Сколько ни черпай, хватит луны на всех!

Дым из трубы, пусть не из печной – заводской:
Всякий огонь рождается на небесах,
Чтобы потом дымом вернуться домой...
Он, как и мы, на этой земле в гостях.

Ночь, что легла безмолвно и широко.
Чтобы в ее тишине стали слышной
Речи неспешно-мудрые стариков,
Без ноты фальши искренний смех детей.

Где горизонт как острière ножа
Надвое режет мир – не позже машин
Я окажусь. Зачем же куда-то бежать?
Жизнь коротка, чтобы все время спешить.

* * *

Страна моя: сугробы до полнеба -
Светлей огня, печальнее золы,
И птицы в небе, к снегу дополнением,
так призрачно белы.

Минуты мчат, мешаются с порошей,
Часы идут, упрямы, как ледник;
И страшно видеть, как вмерзают в прошлое
растроченные дни.

Сбежишь на юг – мечта и там обманет:
Не снежные, так желтые пески,
И даже в самом синем океане
не растворить тоски;

За самыми высокими горами,
Где солнце жар из лейки неба льет,
Еще быстрее день за днем сгорает,
горит за годом год.

Земля мала – иголка в стоге сена,
Земля мала – как точка на прямой.
Но и в просторах всей большой Вселенной
не отыскать покой.

Вселенная, как клетка, будет тесной,
Когда в душе для Бога места нет...
Но из высокой и печальной бездны
льет беспечальный свет.

Искрится снег. И птичий крик раскатный
Ликует в небе, разрезая синь.
И счастье близко - до тех пор, пока ты
не побежишь за ним.

我 毀 遴

张 戎

Стихи и переводы китайских студентов,
гостей Форума «Осиянное Слово»

一 琳

王 伟 元

纪 古 贺

林 梁 稳

礼 宁 记

Уже несколько лет в Поэтическом форуме имени Н. С. Гумилева «Осиянное Слово» принимают участие иностранные студенты, обучающиеся на кафедре китайского и японского языков Московского городского педагогического университета и на кафедре литературы Московского государственного областного социально-гуманитарного института г. Коломны. Изучая историю и теорию русской литературы, стажеры из стран Дальнего Востока, с одной стороны, проявляют интерес к современной поэзии и пытаются переводить на родной язык стихи молодых русских авторов; с другой стороны, перевести на русский язык свои любимые произведения родной литературы. Как сказал когда-то Василий Андреевич Жуковский: «Переводчик в прозе – раб, в поэзии – соперник». Юные поэты из Шанхая, Тайбэя, Токио смогли передать главную особенность восточной поэзии – постоянную соотношенность человека и его мира с величием вечной, прекрасной и спокойной природы.

Лай Линджи (Шанхай)

Линь Я Хуэй (Тайбэй)

Над окном висит луна.
На земле лежит иней.
Поднимаю голову, смотрю на луну,
Опуская голову, скупаю по родине.

Над кроватью яркая луна.
Ее свет похож на снег на полу.
Подниму голову – вижу луну.
Опущу голову – думаю о родине.

Лянь Вень Линь (Тайбэй)

Солнце спускается с гор.
Желтая река течет в море.
Если хочешь увидеть миллионы
далеких стран, поднимайся на верхний этаж.

Перевод из Лю Иу Си

Чжан Жун (Шанхай)

* * *

Около моста растут дикие травы и цветы.
В конце переулка садится солнце.
Ласточки, которые раньше кружили
перед домами
богатых,
Теперь летят в дома простого народа.

Перевод из Ма Чжи Юань

Хуан Илин (Тайбэй)

* * *

Увянувшие листья, старое дерево, черная ворона,
Маленький мост, журчащая река, милый поселок;
Старая дорога, западный ветер, худая лошадь,
Солнце садится - печальная фигура стоит на краю мира.

Перевод из Ду Му

Ван Вэй Юань (Тайбэй)

Далеко в прохладе поднимаюсь на гору по каменной дорожке.
Люди живут там, где рождаются облака.
Повозку остановил, сию и долго люблюсь кленовым лесом.
Осенние кленовые листья краснее февральских цветков.

Переводы из японского сборника коротких стихов 7-13 вв.

Юки Кога (Токио)

* * *

Аромат махровой вишни, которая цвела
В старинной столице Нара,
Этой весной долетел и до нас.

* * *

На горе Мимуро буря разыгралась.
На реке Пацюта осенние кленовые листья
Плывут, как дорогая парча.

* * *

Пока я направлял взгляд
сторону кукушки,
Осталась только утренняя луна.

Перевод из Таками Жун

Иноуэ Тиэми (Токио)

Я, безусловно, трава:
Я стараюсь расти.
Когда я могу расти,
я стараюсь расти.
Когда я не могу расти,
Я не расту.
Когда я могу расти,
Я расту.
Я, безусловно, трава:
Я зеленая.
Все тело зеленое,
всегда зеленое.
И я себе зеленой
Никогда не надоем.
Я, безусловно, трава:
Я хочу, чтобы зеленый цвет
Был еще ярче.
Когда я жива,
Как весело и красиво!
Я, безусловно, трава.
Я стараюсь жить жизнью травы.
Я стараюсь жить.

Фестиваль авторской песни, поэзии и прозы малых форм «Господин Ветер» уже третий год собирает творческих людей на коломенской земле. В 2012 году лауреатом в номинации «Поэзия» стал Иван Карнов из Липецка, со стихами которого читатели познакомились в №2 «Осиянного слова». Сегодня мы предлагаем вам стихи дипломантов фестиваля. Интересно, что поэзию Анны Маркиной и Анастасии Солдаткиной объединяет общая тема – тема детства. Тем интереснее увидеть разные варианты ее воплощения.

Анна Маркина (Москва)

О том, что жизнь продолжается...
(отрывки из поэмы)

вместо эпитафии:

*Создатель строил мир, а мы
нападали на землю, как опилки.
С тех пор строитель все сидит в курилке
и щурится от непролазной тьмы.*

Часть 1. О том, как Вове казалось, что он водолаз

мамины руки цап-царап!
пора-пора-пора!
время утра, время утра!
Вся дет-во-ра,
пора-пора!
Пусть ни черта не видно двора,
пусть еще грезится, что вчера

взяли раздули все вечера
и никогда не будет утра,
и никогда не увидишь утра,
и никогда не застанешь утра!

Нет, не бывает таких утрат.

Просто зима. Просто скорей
нужно закутаться потеплей,
выпорхнуть, сонному, в свет фонарей,
пусть даже веки, словно на клей
прилепле-ныыыы... . . .

Хочется спать, хочется нить.

Вова отправляется чистить зубы
и стоит у раковины и полуспит. Он зубр,
большой, неприкасаемый зубр,
или – на крайний – кит
и он спит!

И зубр-кит покачивается и говорит:
- Может про меня все за-бы-ли...
НЕ ТУТ-ТО БЫЛО!

- Ты детвора,
В школу пора!
Живей!
В свет фонарей,
губы на клей,
поскорей!

И Вову заматывают в какой-то комбинезон и километровой шарф,
и мальчик катится по подъезду, немного шурша
и едва дыша.

Шаг. Шаг. Шаг.
И приятного – ни шиша!

Глянешь в окно, увидишь, как теребя
снежные занавески на феврале,
руслами улиц стекают ручьи ребят,
чтобы сдаваться в школу, сдаваться в плен.
Кто-то уселся в санки, как в свой окоп,
смотрит наверх, как шкипер на карту звезд,
школа шумит... по курсу, недалеко.
Кто-то из пап ребенка уже привез,
выгрузил, сдал учителю, как привык,
хлопнул по неуверенному плечу.
Вышел, надут, как праздничный снеговик:
- Не хочу на работу. В школу опять хочу.

А Вова тем временем из подъезда высовывается понемногу,
вот уже занес над порогом ногу...
как вдруг ему представляется, что за порогом
нет никакой дороги,

А только бездна дремучая,
сейчас набросится и замучает!

Но Вова мужчина, он не моргнет и глазом,
просто вдыхает воздух горячим ртом
и с заправской выдержкой водолаза
погружается в темноту, которая плещется за бортом.

Часть 2. О том, как Вова встречался с отцом

Воздух опускает пылинки-реснички. Солнечно.
Мальчика закатали в двери, что мяч футбольный.
Сквозь него, сквозь комнату, будто усталый сон течет,
свет лежит на полу, бледный, как будто болен.
Мальчику говорят: «Как дела, капитан? Давно не слышались.
Я иногда брожу мимо дома и все думаю – как ты...»
Мальчик чувствует себя антресолю с лыжами
и назло колюче не отзывается, словно кактус.
На него взваливают какой-то конструктор вежливо,
и губы отца плывут и блестят: «Бери вот».
От отца пахнет водкой и силой чужой, медвежьей,
и какой-то нежностью, текущей криво.

поперек зимы. Только с ними и ждешь апреля!
Ну, зачем ты мне лижешь руки, зачем заискиваешь?
Где твоя волчья суть, где в лапах собачья дерзость?
Убирайся, Ром. Не смотри на меня так искренне...
И как нас таких, заблудших, земля-то держит?
Я бы вот сбежал. Да меня привычка тянет, к тому же лень дерет.
Положил вот когда-то пол здесь, затем покрасил,
вставил новые окна, купил стеллаж, обзавелся блендером
и во всей этой тине давно барахтаюсь, как карасик.
Я все знаю, приятель. Не тывкай и не серчай ты там!
Слишком много во мне неправды, тоски, печали.
В этой гавани столько важного распечатано...
Но как, Господи, я мечтаю уже отчалить!

Анастасия Солдаткина (Коломна)

И давай мириться

* * *

* * *

С луком водится чеснок,
Дружит вилка с ложкой,
С переменою - урок,
А морковь - с картошкой!

Даже Пушкин про учёного кота
Говорил, всех нас предупреждая:
«Если кот идёт налево, то всегда,
Сказки он при этом сочиняет!»
Вам совет, подруженьки, я дам:
Не внимайте ласковым котам!

* * *

Дружат пол и потолок,
И укроп с петрушкой,
Дружат Запад и Восток,
И тарелка с кружкой,

Огурец и помидор,
Звери, рыбы, птицы!
В общем, выходи во двор...
И давай мириться...

Богиней морскою я вышла из ванной,
Настал выходной, наконец, долгожданный!
Вот чашечка кофе в руке остывает,
И я где-то между землёю и раем...
Ах, как хорошо иногда на часочек
Бабуле отдать своих маленьких дочек!

Дочка

Дочка младшая моя на меня похожа:
Тот же голос у неё и оттенок кожи.
А ресницы подлинней, пухленькие щечки,
Нет волос на голове, носик мал у дочки,
Ротик – в папу, ушки – в папу,
Цвет не мой у глазок,
В общем – копия моя! Это видно сразу!

Надежда Смирнова (Уфа)
Автостопом в бессонную ночь
(отрывок)

— Катюх, - говорю я, усаживаясь по-турецки на асфальт возле магазина со странным названием «Статус». – Постопишь? А я пойду пока карту посмотрю. Ты, кстати, не заметила: мне как-то всё больше в крупных городах на тачки везет, а тебе – вот в таких глухоманях, как эта... – Ага, – смеётся моя безбашенная рыжая подружка. – Может, еды купим, а то у нас опять ничего нет. Твою пачку макарон мы ведь уже доели? – Угу, на Телецком, – киваю я, поднимаюсь в полный рост и захожу в «Статус».

Катка с рюкзаками остаётся снаружи. А также снаружи Майма – перевалочный автомобильный пункт между Горно-Алтайском и городами на запад, а ещё всеми небольшими поселениями, занесёнными временем в самое сердце алтайских гор. Мы приехали с запада, прокатились на восток через Горно-Алтайск, а теперь движемся южнее с целью попасть на хиппи-фестиваль «Радуга» и с мечтой хоть издали увидеть “белки” Алтая – высокогорье, покрытое снегом.

В магазине на этот раз я не скуплюсь и набираю полный туркомплект: гречку, тушёнку, сгущёнку, хлеба две буханки, макарон, какой-то рыбы в консервах и даже ирисок – жевать самим и угощать попутчиков в дороге.

От покупки пакета отказываюсь и просто сваливаю себе все новоприобретённые богатства в руки. Самую верхнюю буханку хлеба придерживаю подбородком. И с такой вот пирамидой еды выскакиваю на улицу с криком: – Катюююююхаааа!!!

Уж кто-кто, а она поймет мой восторг! Ведь после наших самых первых вылазок с одной пачкой кукурузных палочек на двоих на целые активные сутки... мы умеем ценить еду. Но почему-то на этот раз вместо ожидаемой радости вижу скупившуюся физиономию и уезжающий от неё белый жигуль с семьёй коренных алтайцев. – Что?.. – спрашиваю я. – Вот блин, – возмущается Катя. – Они всё деньги просили, типа, хоть сотню дадим, довезут нас до озера Ая, и я их уже почти

убедила, что мы автостопщики, что едем без денег и лучше расскажем им несколько веселых историй. Ведь я уже почти уговорила! А тут вылезает ты с кучей еды... И ещё орёшь: «Катюхаааа!»

Пока Катюха продолжает меня передразнивать, мы, смеясь, распахиваем еду по рюкзакам, не забывая держать большой палец наготове. Ладно – сидеть, но ночевать под магазином «Статус» совсем не хочется.

Очень быстро останавливается следующая машина – тоже жигуль, и тоже белый. В нем трое совсем молодых парней. Водителю, может, чуть за двадцать и перевалило, а вот остальные ещё вряд ли совершеннолетние.

— Привет, девчонки! – вылез к нам знакомиться самый младшенький. – На картошку что ли с рюкзаками едете?

И, как положено, всем «мужским» коллективом гогочут над своей шуткой. – Нет, – говорю. – Картошка дома осталась, в Уфе. – Где-где?.. – Далеко это... Вы наверняка так далеко и не были, – подзадоривает Катюха. Мы уже переглянулись: с этими нужно бойко и дерзко, тогда стопудово подвезут и, как бывало не раз, может, ещё и дальше, чем сами едут. – Я вот в Иркутске был, – заявляет задумчиво самый старший из них. – И я была, – непринужденно подхватывает Катя. – В прошлом году вот так же на попутках до Байкала добиралась.

Всего за шесть дней доехала. – Офигеть... Ну, вы и смелые, девчонки, – выдыхает старший. – Сейчас в сторону Онгудая едем, не так много осталось, – продолжает такую знакомую мне игру Катюха. – Попросили бы вас подвезти, сколько по пути историй бы интересных рассказали, но вас и так в машине трое, а у нас ещё рюкзаки. Так что... приятно было познакомиться и счастливого пути.

На этой фразе Катюха демонстративно поворачивается к машине и ребятам спиной, и будто бы увлеченно продолжает стопить. Я чуть не прыскаю со смеха, улавливая в её глазах сумасшедшие огоньки – иногда там можно разглядеть целую сотню остроумных дурачливых чертят. – Нууу... – попадают на удочку сразу трое ребят. – Всего пятеро, и в машину не влезем? Да вот на свадьбе моего дядьки эта тачила почти восемь человек возила! Рюкзаки в багажник, самого худого из нас к вам назад посадим и точно поместимся! – Я назад, я назад, – заявляет, кокетничая, младшенький. Там его и посадили. – Куда едете-то? – чуть не забыли мы задать самый главный вопрос. – На озеро Ая. Потусить едем, суббота всё-таки. Были там? И вообще, поехали туда с нами! Ближе познакомимся... – Нет, нас хиппи ждут. На фестивале, – говорит Катя. – В смысле, нас ждут на хиппи-фестивале, – уточняю

я. – Я понял, – подхватывает младшенький. – я понял, что вас ждут. На хиппи-фестивале. Но ждут не хиппи. То есть хиппи вас там не ждут?..

Всей машиной прыскаем со смеху. Ну, кто, кто из проезжающих мимо мог бы сказать, что мы – трое парней и две девушки – не всю жизнь знакомы?

В общем, долго рассказывать, как мы быстро и весело доехали. Вышли из машины, пожелали друг другу удачи и пошли своей дорогой. Честно говоря, вот так неожиданно встретив хороших людей и побыв с ними всего пару часов, сложно прощаться. Это и есть чистое общение: никак не связаны, никто никому ничего не должен. Просто случай, просто вот чуть-чуть по пути. И острейшее чувство жизни: потому что сейчас ты, он, она, они – в одной машине, одно целое. Один разговор, музыка, одна дорога. Одинаковые переживания – чтобы невзначай не остановили менты, не закончился в глухом месте бензин или не случилось какой-нибудь неполадки. Стопщик любит машину, в которой едет, не меньше водителя. Такая чужая три минуты назад и такая родная сейчас машина... И всё то, что за окном: вечер, день, ночь или утро, пасмурно ли или очень ясно, плывут ли облака и на что они похожи, поля, горы, леса, домики – целый мир! Машина здесь и сейчас – ячейка мира на колесиках.

Вход на озеро Ая был платный. Выход, как ни странно, тоже. Решив, что это слишком попсовое место, даже чтобы тратить время на узнавание цен, мы двинулись пешочком дальше. Отойти от киосков, платных парковок, кафешек и шашлыков и встать снова на трассу. Как ни удалялись от цивилизации, а она вдруг снова нагрянула.

И тут... мы увидели Катунь! Красивая, холодная, бурная и незнакомая, когда прикасаешься. Ещё цвета странного – издали серая, а подойдёшь, зачерпнёшь на ладонку – зеленоватая совсем. Жаль, сфотографировать красиво не получилось.

Катка, присев на камень у самой воды, полоскала в Катунь российский флаг. Это у неё платок такой. На все случаи жизни. И на трассе помогает: видно издали, словно лозунг худенькой девочки «Остановите россиянке!» И на шею она его цепляет, как пионерский галстук, и на голову – чтоб солнцем не напекло. А обернёшь вокруг пояса – и плавки мокрые можно, не прячась, переодеть. Хорошая вещь, одним словом. – Знаешь... – говорю. – Катя поднимает глаза и улыбается, заметив: быть философии, мои глаза в очередной раз подернулись дымкой загадочного и неизведанного. – А ведь Катунь, она, конечно, Катунь... Но так похожа на нашу Белую! – Вот ещё! – возмущается

Катя. Если она сразу согласится, будет просто неинтересно. – Ты посмотри, как она течет быстро! У неё же характер совсем другой! Она вообще красавица! – Красавица, – соглашаюсь я. – Да... Точно. Катунь другая. Это люди те же. Посмотри, как они кто парочками, кто семьями, кто просто девчачьими или мальчишечьими компаниями развалились на берегу. Так же: пиво, чипсы и мусор, дома тот же телевизор и вечные попытки сделать ремонт, те же перспективы учёбы-работы-пенсии... – Не надо... – вздыхает Катя. – Это есть. И у нас. Оно там, в городе, осталось. Давай лучше поскорее в путь тронемся... Катунь – она особая. Алтай – просто чудо, я целый год про него в интернете смотрела, а мы всё никак доехать не можем... – По всем картам мы уже на Алтае, – улыбаюсь я. – Только свой Алтай пока не нашли. Он дальше, дальше... Поехали! Катя повязывает платок на плечи, мы вскакиваем и почти бежим к трассе.

Вот только машин в обратную сторону почему-то в два раза больше, чем в нашу. Говорят, что парни обычно стоят на трассе от получаса до двух часов. Мы редко стояли больше двадцати минут, а тут близилось к получасу, и мы загрустили. Чтобы развеселиться, вновь вспомнили о «белках» и о том, как будет здорово, когда доберёмся до них, насмотримся и нафотографируем. – Кать, – говорю

я в какой-то момент. – Да опусти руку, там нет пока никого. – Да нет же, я вижу: кто-то едет! – Это дед на велосипеде, он нас вряд ли возьмет, – смеюсь я, чётко различая дедулю в вытянутом трико с корзиной на багажнике. – Вот чёрт... – ругается Катя. – Просто ещё не доехала до нас НАША машина, – примирительно говорю я. А сама оглядываюсь по сторонам: не очень-то тут место, чтоб ночевать в палатке. До заката ещё далеко, но при таком интенсивном стопе...

Дед на велосипеде оказался вежливым и всё же остановился на Катькин большой палец. Неторопливо слез на землю, встал, как свой, ровнёхонько между нами и начал интеллигентно разговаривать. Катька пока не замечала, но мне уже было смешно: как мы выглядели для водителей – две молоденькие туристки с рюкзаками и дед на велосипеде в центре – давайте, подбирайте, везите! Сами поместимся и дедушку с собой возьмём!..

Через полчаса дед расспросил у нас ВСЁ. Какая в Уфе погода, есть ли у нас родители, и как они нас отпускают, и что выращивают в уфимских огородах. Потом, слава Богу, всё же заторопился. Ещё через десять минут засобирился, пожелал нам удачи на дороге, поправил корзинку на багажнике и уехал. – Ну, Катька... Ночевать нам, похоже, на здешней поляне, – уже всерьёз расстроилась я и

плюхнулась на рюкзак.

Лицо подруги было не лучше, она молча присела рядом. А на горизонте было чисто-чисто, и лишь издали медленно приближался чёрный тонированный джип.

Такие редко останавливаются. Я даже не стала вставать, просто, почти не веря, подняла большой палец вверх.

Кто бы мог подумать, что это и была НАША машина.

* * *

Джип остановился, из него выскочила молодая красивая блондинка в коротеньких шортиках, солнечных очках и кепке и сказала просто:

— Садитесь, девчонки, я вас подвезу.

Сначала мы обрадовались, но когда она открыла заднюю дверь и с детского автомобильного кресла выглянул совсем маленький мальчишка, а со стороны багажника высветилось довольно много разнообразных вещей, нам стало как-то неловко.

— Спасибо большое, — сказала я очень мягко и почти извиняясь. — Но у нас ещё большие рюкзаки, и ребёнка не хочется тревожить.

— Сейчас я всё запихну, — похозяйски обрезала она, уже всю орудия в багажнике. Мы с Катей переглянулись, пожали плечами и стали ей помогать. Всё действительно хоть тесно,

но довольно удачно влезло. Катя села на сиденье рядом с водителем, а я на заднее рядом с белобрысым малышом. Он один раз посмотрел на меня пристально, пустил слюни со звуком «бздю» и отвернулся к окошку.

— Как вас зовут? — моментально начала разговор женщина. Мы представились. — А я Алёна, — сказала она, сверкая в зеркало заднего вида очень красивой улыбкой. — А сына Алик зовут. Ему полтора годика.

Дальше, наверное, мы должны были что-то спросить. Или рассказать. Уж не молчать точно. Вообще, драйвера затем и берут стопщиков — чтобы развлекали разговором, чтобы не уснуть в дальней дороге. Но то — драйвера на фурах. Степенные мужчины с ногами в шлепанцах на педалях и волосатыми руками на руле, с наклейками девушек на приборной панели и шансоном в колонках. А тут — красивейшая женщина с маленьким ребёнком. Вот мы и оробели. Не знаю, что происходило в голове у Катюхи, но у меня вертелось сразу штук десять вопросов, которые казались то теми самими, то совсем-совсем некорректными.

В результате Алёна спросила сама: — На Алтай едете? А откуда сами? — Из Уфы, — отреагировала Катюха. И продолжила своим любимым воодушевленным рассказом о мечте, об Алтае,

о Телецком озере, где уже побывали, и о хиппи-фестивале, куда сейчас ехали.

Женщина вела машину по извилистым горным дорогам, слушала, спрашивала, улыбалась. Сынишка молчал, подергивал кулачками и смотрел в окно: пейзажи были лучше самых красивых картинок в книжках.

— А я тоже когда-то так ездила, — начала отвечать она на наши незадаанные вопросы. — Тоже автостопом. Иногда с мужем. Когда ещё Алика не было. Но только далеко никогда не выезжала — всегда по области. У нас, сами видите, очень красиво. — Ооооо! — восхитилась Катя. — А вы и «белки» видели? — Какие белки? — Нууу... заснеженные горы Алтая! Мы вот тоже очень, очень хотим до них добраться! Только это сложно, наверное... Столько уже проехали, а их всё не видно... — До них действительно далеко, — улыбнулась она. — Может, после Чемала их и можно увидеть. Но не раньше, точно.

Я помнила приблизительно, где на карте Чемал, — далеко.

— Там, наверное, совсем глухие места? — спросила я. — Только небольшие деревеньки с коренными алтайцами? Много ли там машин, получится добраться на попутках?

— Не знаю... Да, там одни алтайцы, и они не такие, как русские, — в голосе послышались первые нотки недоброжелательности к этому

народу. — Я про тех алтайцев, что смуглые, плосколицые, темноволосые, низкорослые. Видели ведь наверняка. Их много уже в этих местах, а дальше в горы поедете — русских вообще не останется. А с ними лучше не встречаться, не иметь общих дел. Послушайтесь моего совета, девчонки. Они — туповатый народ. Я не первый год в этих краях и постоянно с этим сталкиваюсь. А родом я из Бийска. — А что в их поведении такого... неприятного? — спросила Катя. — Они, извиняюсь... тупые. Ну, не все, конечно, но основная масса — просто... вот! — и она постучала кулаком по приборной панели. — Ой, аптека. Надо заехать, подождёте немного? — Да, конечно, — отвечаем мы. Алёна паркуется, и как раз в этот момент у машины что-то спереди отваливается и падает на асфальт. Как оказалось — ничего серьёзного, просто модная джиповская решётка, обволакивающая номерной знак. — Ну вот, — говорит наш водитель. — Теперь по пути ещё к знакомому автомастеру заехать придётся.

Мы согласно киваем и вылезаем на улицу. Алёна отстёгивает ремни детского кресла и ставит на дорожку сына, просит за ним присмотреть. Сама уходит. Полугодовалый малыш не плачет, не бежит за мамой, а по-взрослому озирается вокруг и чуть приседает — разминает ножки после дороги. Мама довольно быстро возвращается,

и мы едем дальше.

— Ваш сын привык к дороге, — замечаю я. Алик поворачивается ко мне и указывает на литровый пакет сока. — А сейчас, кажется, просит пить.

— А, дайте ему. Просто крышечку надо снять, дальше он сам будет держать и пить. А то жарко ведь, и так ест он в дороге мало, пусть хоть пьёт, сколько хочет.

Я снимаю крышечку с пакета и протягиваю Алику. Он деловито пьёт, посматривает в окно, снова пьёт. Я стараюсь как-то поддерживать сок — вдруг уронит? Не уронил. Напился, отдал пакет мне и снова стал молча смотреть в окно на горы.

Мы ровно плывём на джипе по идеально заасфальтированной дороге, я глотаю взглядом пейзажи — каждый из них кажется лучшим, пока не появился следующий.

Наконец мы заезжаем в обычный деревенский двор. Гуси, ругаясь, разбегаются перед машиной. Сынишка дёргает ручками, просится выйти, как будто место ему знакомо.

— Потерпи, Алик, — говорит Алёна, судорожно ищет телефон и набирает номер. Мы сидим, расслабившись, ожидаем. — Алло! (пауза) Ты дома? (с глубоким выдохом) Помощь твоя нужна, тут что-то отвалилось от машины... (пауза) Выйдешь? — женщина бросает телефон в бардачок, потом снова вынимает, трясёт в руке; с

заднего сиденья заметно, как щеки её становятся розовыми...

Из бревенчатого одноэтажного дома цветастым садом, неторопясь, выходит мужчина в шортах. Светловолосый, крепко сложенный, лет тридцати. Симпатичный. И что-то явно происходит. Люди молчат, предметы не двигаются... Но мир вокруг пульсирует невидимыми волнами — жарче, жарче, жарче... Алёна сдерживает учатившееся дыхание. А он просто идёт к машине. — Привет, — выдавливает она с большим усилием, когда он подходит совсем близко и приоткрывает переднюю дверцу.

Я чувствую, что мои щёки тоже начинают гореть. Катька и малыш синхронно ёрзают на сиденьях.

Мужчина внимательно кивает, не отводя глаз. Потом длинная, длинная пауза...

— На, — говорит Алёна, протягивая мужчине отвалившуюся штуковину. — Хорошо хоть, упало, когда остановились. Эээ... Возьмёшь?..

Он молчит, чуть-чуть улыбаясь. — Сразу бы сделать... Всё сразу... — продолжает она. — Но домой тороплюсь. Алик устал в дороге. — Если хочешь, возьму, — мягко отвечает он с выражением на лице: «Возьму не возьму — какая разница?»

Они смотрят, дышат, смотрят... И говорят не о том. Воздух в машине пылает, а они в стотысячный раз решаются и не

решаются, туда-сюда передавая причудливую штуковину.

— Или всё-таки мне лучше у себя оставить?.. – спрашивает Алёна, не придавая никакого значения вопросу.

— Оставь, – всё так же безразлично-мягко соглашается он, пожирая глазами хозяйку машины. – Нет! – вдруг закипает Алёна, выбрасывая предмет на землю. – У меня и так места в машине нет! И в следующий момент мы несёмся прочь из деревни. – Эх, девчонки, – говорит Алёна, передохнув. – Знали бы вы... Как я хочу именно этого мужчину. У нас с ним ни разу ничего не было, но я себе такого напредставляла... И он, кажется, тоже... Мы совсем недавно встретились – и полгода нет. А оба уже семейные несколько лет. У меня муж и сын, у него жена и две дочки. А тянет к друг другу, хоть землю носом рой...

И рассказать-то некому. Маме, сестре – нельзя, не поймут они. В муже души не чают. А уж подругам – тем более, ещё и подкалывать начнут. И самое интересное, что муж, ничего не зная о моей любви, только счастлив. Вот приезжаю я вся такая домой – бабочка-бабочкой, полная энергии с утра до вечера, и какая там разница... где я её беру? А любовь... любовь... она ведь так питает! Ночами просыпаюсь, и мчаться куда-нибудь хочется... А вместо этого встану, Алику одеялко подправлю и на кухню пойду готовить чего-

нибудь. Или за ноутбуком посижу. А сердце горит, горит... И даже не знаю – если б мы встретились раньше... Как было бы? Нет, девчонки, я вот столько думала об этом: не выходите замуж по любви! Любовь в замужестве, она гаснет... Привычкой становится. Вот года два-три – всё замечательно, когда любишь, а потом страсть затихает... Нет, не внутри, не в сердце, между двумя людьми затихает.. Потому что всё новое, интересное, яркое – между двумя уже было, и мысли лишь о том, чтобы всё крепче, надежнее – сына растить, бизнес поднимать. И время всё быстрее течёт. Вот вроде бы по жизни как сыр в масле катаюсь, а всё не отпускает: как будто что-то важное упущено... Но если бы... если бы мы раньше с ним встретились!..

Мы едем, и дороги почти не слышно: машина дорогая и беззвучная, а с кондиционером в жару и вовсе комфортно. Алёна иногда вздыхает и понемногу рассказывает. Катя молчит, выражения её лица мне не видно. А на заднем сиденье рядом со мной, всё так же не разжимая кулачки, подрёмывает Алик. Я смотрю на него и восхищаюсь: по алтайским дорогам, маленький, крепкий и молчаливый, словно воин, ездит малыш, обёрнутый в памперсы.

Всероссийский фестиваль авторской песни, поэзии и прозы малых форм проводится во вторые выходные июля в п. Пески Коломенского района Московской

Экологические акции «Приведи в порядок свою планету!»
Работа творческих мастерских
Концерты гостей фестиваля
Экскурсии в музеи земли коломенской

Фестиваль проводится при поддержке «Песковского комбината строительных материалов» (генеральный директор А.Ю. Гудожников)

ISSN 2223-5221

Литературный журнал «Осиянное слово», №4 2013 года. Выходит раз в квартал.
Объём 160 полос.

Подписано в печать 20.03.2013. Формат 70x100/16. Печ.л.10. Печать офсетная.
Бумага офсетная. Тираж 1000 экз.

Фотографии в номере предоставлены авторами из личных архивов либо взяты из открытых источников. Все права на опубликованные произведения принадлежат их авторам. Полное или частичное воспроизведение без письменного разрешения издательства запрещено.

© Издательство «МОБИ Пабблишинг», 2013

© Литературный журнал «Осиянное слово», 2013

